

33

B-17

Издательство „Молотъ“.

Эмиль Вандервельдъ.

Промышленное развитие
и общественный строй.

Переводъ съ французскаго.

ОДЕССА, 1905.

Типо-литографія и нотопечатня И. А. Копельмана,
Троицкая, 26, уголъ Пушкинской.

33

B-17

B-17

Книгоиздательство „Молотъ“

лучебный
каталог

Эмиль Вандервельдь.

ПБФ

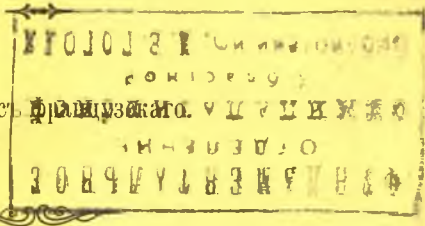
86

Промышленное развитие и общественный строй.

1454

№ 7885

Переводъ съ французскаго. ЧИЖИЖЕО

ОДЕССА 1905.

Типо-литографія и нотопечатня И. А. Копельмана.

Троицкая, 26, уголъ Пушкинской.

Введєніе.

Я полагаю, что настоящее содержитъ въ себѣ резюме прошедшаго, для котораго оно является могилой, и зародышъ будущаго, которому оно служитъ колыбелью.

Анфантенъ.

Цивилизація сдѣлалась возможной,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Родбертусъ,—благодаря расточительности природы, проявившейся въ томъ, что совмѣстный трудъ оказывается производительнѣе труда въ одиночку.

Оставаясь изолированнымъ, человѣкъ едва-ли сумѣлъ бы произвести все нужное ему для существованія. Наоборотъ, при вступленіи его въ социальную организацію производительность труда постоянно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе занятій, цѣлесообразное соединеніе усилий и усовершенствованіе орудій труда увеличиваютъ его власть надъ природой.

Во всякомъ обществѣ, какимъ бы оно ни было по своей природѣ—свободнымъ или основаннымъ на рабствѣ, капиталистическимъ или общиннымъ, — общественный трудъ создаетъ излишекъ, прибавочную цѣнность, т. е. цѣнность, превышающую цѣнность рабочей силы и орудій труда, потребныхъ въ процессѣ производства.

Но въ то время, какъ при организованномъ общественномъ производствѣ излишекъ этотъ шелъ бы на пользу

всѣхъ, въ капиталистическомъ обществѣ, характеризующемся болѣе или менѣе полнымъ отдѣленіемъ собственности отъ труда, прибавочная цѣнность, произведенная трудомъ, не дается послѣднему: она присваивается въ видѣ прибыли одними только владѣльцами средствъ производства и обмѣна.

Менгеръ, профессоръ права въ вѣнскомъ университетѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ поясняетъ это положеніе:

«Наше генеральное гражданское право, центральнымъ пунктомъ котораго является собственность, не гарантируетъ рабочему полного продукта его труда. Наше законодательство предоставляетъ—въ силу признаваемого имъ права частной собственности—въ свободное распоряженіе немногихъ лицъ существующія блага и, что всего важнѣе, орудія производства. Такимъ образомъ оно обезпечиваетъ за этими лицами особое могущество, благодаря которому они оказываются въ состояніи получать доходъ безъ личнаго труда и употреблять его на удовлетвореніе своихъ потребностей. Этотъ доходъ, получаемый немногими лицами отъ общества безъ соотвѣтствующаго возмѣщенія, послѣдователи Сень-Симона, ученики Бюше и Родбертуса называютъ рентой, а Томсонъ и Марксъ—прибавочной цѣнностью, я назову его нетрудовымъ доходомъ».

Такимъ образомъ, благодаря единоличному присвоенію капитала, владѣльцы средствъ производства и обмѣна пользуются *наслѣдственнымъ* правомъ распредѣлять между собой, созданную не ихъ трудомъ прибавочную цѣнность.

Они могутъ по своему желанію употребить ее производительно или непроизводительно, растратить на вздорныя затѣи или копить въ цѣляхъ дальнѣйшаго обогащенія. Они управляютъ въ качествѣ полноправныхъ хо-

заявъ мастерскими и фабриками, если только не предпочитают замѣтить себя наемными директорами. Непосредственно и черезъ особыхъ посредниковъ они выбрасываютъ на національный и международный рынки товары,—мѣновыя стоимости,—заботясь не о томъ, чтобы удовлетворить потребности общества, а о томъ, чтобы получить барышъ.

Словомъ, что характеризуетъ съ точки зрѣнія производства и распредѣленія современный строй—несмотря на заключающіеся въ немъ пережитки прошлаго или зародыши будущаго—это всемогущество частнаго капитала, не имѣющаго другой цѣли, кромѣ прибыли, другой соціальной узды, кромѣ конкуренціи и сдерживаемаго только организаціей трудящихся и вмѣшательствомъ, слишкомъ часто поверхностнымъ, закона.

Наоборотъ, конечная цѣль, преслѣдуемая общественной организаціей производства—это коллективное присвоеніе средствъ производства и обмѣна, общественная организація труда и распредѣленіе прибавочной цѣнности между производителями за вычетомъ того, что нужно для удовлетворенія потребностей общества, какъ цѣлаго.

Слѣдовательно, при полномъ осуществленіи общественной организаціи производства,—предполагая осуществленіе это въ конечномъ результатѣ неизбѣжнымъ,—земля, рудники, копи и промышленныя заведенія, равно какъ и средства обращенія и перевозки, принадлежали бы всему обществу: право на личную собственность было бы удержано только по отношенію къ предметамъ потребленія.

Завѣдываніе дѣлами, носящее нынѣ автократическую и олигархическую формы, уступило бы мѣсто дѣйствительно общественному руководительству. Вмѣсто того,

чтобы принадлежать, по нраву рожденія или завоеванія, конкурирующимъ между собой или объединившимся капиталистамъ, оно принадлежало бы не государству, какъ это часто утверждаютъ и повторяютъ по недоразумѣнью, а автономнымъ общественнымъ корпораціямъ, подъ верховнымъ контролемъ государства.

Современный обмѣнъ товаровъ, имѣющій цѣлью лишь полученіе барыша, уступилъ бы мѣсто распредѣленію потребительныхъ цѣнностей, удовлетворяющихъ данныя общественныя и личныя потребности. Вознагражденіе трудящихся опредѣлялось бы не стоимостью производства ихъ рабочей силы, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, но соответствовало бы или ихъ потребностямъ, или цѣнности продуктовъ ихъ труда.

Впрочемъ объ этомъ намъ придется еще поговорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Пока ограничимся лишь тѣмъ общимъ замѣчаніемъ, что полное осуществленіе общественной организаціи производства предполагаетъ не только,—какъ это можно заключить изъ новыхъ слишкомъ краткихъ опредѣленій,—общественное присвоеніе орудій труда, но и полный переворотъ въ способахъ производства и распредѣленія.

Въ силу самыхъ своихъ размѣровъ этотъ переворотъ можетъ явиться результатомъ лишь долгаго и сложнаго ряда частичныхъ измѣненій. «Глубокія превращенія не могутъ быть внезапными; внезапныя превращенія не могутъ быть глубокими».

Однако, уже и теперь,—ибо общественная организація производства есть не что иное, какъ идеальное продолженіе, какъ органическое завершеніе современныхъ тенденцій,—совершаетъ этотъ соціальный переворотъ развитіе капиталистическаго производства въ направленіи обоб-

щественія труда, подготовляетъ и дѣлаетъ неизбѣжнымъ обобщественіе собственности.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ поэтому стоять главнымъ образомъ на данной точкѣ зрѣнія развитія производительныхъ силъ^{*)}.

Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣлъ бы тотъ доводъ, что наши принципы распредѣленія болѣе справедливы, чѣмъ существующіе, разъ примѣненіе ихъ привело бы къ попятному движенію или хотя бы остановкѣ развитія производительныхъ силъ?

Основной законъ, примѣнимый ко всей экономической исторіи міра, гласитъ, что извѣстный способъ производства,—какова бы ни была вытекающая изъ него несправедливость или вызываемое имъ негодованіе и возмущеніе,—исчезаетъ лишь передъ высшимъ экономическимъ строемъ, высшимъ не только съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости, но также, — а пожалуй, и того скорѣе—съ точки зрѣнія общественной производительности.

Рабство и крѣпостное состояніе, подвергавшіяся въ теченіе вѣковъ осужденію моралистовъ, исчезли въ странахъ христіанской цивилизаціи лишь съ того момента, когда нужды производства потребовали формальнаго освобожденія труда.

Точно также всѣ сантиментальныя соображенія, которыя можно привести въ пользу общественной организаціи производства, были бы весьма недостаточны, что бы привести къ ея осуществленію, если бы побѣда этой грядущей формы производства надъ современной не опредѣлялась ея высшей производительностью.

^{*)} Само собой разумѣется, что эта точка зрѣнія не отдѣлена отъ огромнаго вліянія, оказываемаго успѣхами распредѣленія на производительность общественнаго труда. (см. В. Зомбартъ: *Идеалы соціальной политики*).

Именно это положеніе мы и поставили себѣ цѣлью
развить, изложивъ послѣдствія концентраціи капиталовъ,
результаты возрастающаго расширенія обобщественной
собственности и, наконецъ, задачи, выдвигаемыя какъ бо-
лѣ совершенной организаціей общественнаго труда, такъ
и распредѣленіемъ его продуктовъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Концентрація капиталовъ.

„Новыя, болѣ совершенныя формы производства занимаютъ мѣсто прежнихъ лишь тогда, когда внутри стараго общества вполнѣ развились матеріальныя условія для ихъ существованія“.

К. Марксъ.

По мѣрѣ того, какъ прогрессируютъ общества, усложняются и взаимныя человѣческія отношенія, причемъ сношенія становятся болѣ легкими и частыми. Вмѣстѣ съ ростомъ общественнаго прогресса возрастаетъ и раздѣленіе труда.

Въ то время, какъ въ деревенской общинѣ едва можно насчитать съ полдюжины различныхъ профессій, промышленная перепись Германской имперіи за 1895 годъ указываетъ на существованіе 10.397 различныхъ профессиональных наименованій, изъ которыхъ 5.506 относятся къ промышленности въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ большинствѣ изъ этихъ профессій мы находимъ, въ свою очередь, цѣлый рядъ частичныхъ операций, исполняемыхъ каждая особыми работниками. Такъ, на примѣръ, Левассеръ, сравнивая современное изготовленіе обуви со стародавнимъ ремесломъ сапожника, замѣчаетъ, что въ мастерскихъ Линнса (Массачузетсъ), надъ парой женскихъ ботинокъ работаютъ 52 работника и работницы, при

чемъ каждая изъ этихъ мелкихъ операцій дѣлится не большіе нѣсколькихъ секундъ, но повторяется тысячи разъ въ одинъ и тотъ-же день.

Но благодаря именно этому развивающемуся до безконечности дробленію общественнаго труда, неизбежно возрастаетъ взаимная зависимость работниковъ. Земледѣльцы, купцы, промышленники и работники связываются тѣмъ тѣснѣе съ другими производителями, чѣмъ болѣе специализируется ихъ роль въ общественномъ производствѣ. Процессу раздѣленія труда соответствуетъ процессъ технической и общественной согласованности, который возстановляетъ — на расширенномъ основаніи — единство и связь между различными отраслями производства.

Съ технической точки зрѣнія современная фабрика замѣняетъ единоличнаго работника многоголовымъ гигантскимъ автоматомъ, исполняющимъ всю совокупность промышленныхъ операцій. Такимъ образомъ, само раздѣленіе труда порождаетъ и дѣлаетъ возможнымъ обобществленіе производства.

Съ общественной точки зрѣнія формы общезитія, ставшія слишкомъ тѣсными и разрывающія подъ вліяніемъ всеобщаго давленія свою оболочку, вскорѣ замѣняются новыми формами, приспособленными къ новымъ способамъ производства.

Замкнутое семейное хозяйство, производящее потребительныя цѣнности для собственнаго потребленія, уступаетъ мѣсто мѣновому хозяйству въ его трехъ послѣдовательныхъ формахъ: хозяйства городского, національнаго и междунаrodnаго.

I. Замкнутое семейное хозяйство.

Когда раздѣленіе труда находится еще въ зародышѣ, экономической единицей является семья въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. сообщество всѣхъ живу-

шихъ подъ однимъ кровомъ или — по средневѣковому выраженію — «кормящихся одной ложкой изъ одного горшка».

Таковы, напримѣръ, первоначальная римская *фамилія*, средневѣковая крестьянская община, южно-славянская задруга. Эти домашнія хозяйства, каково бы ни было число (нерѣдко весьма значительное) составляющихъ ихъ единицъ, имѣютъ то общее, что 1) за исключеніемъ нѣкоторыхъ продуктовъ, какъ напримѣръ, желѣза, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ моря—соли, сами производятъ все для себя необходимое и 2) лишь внѣшнимъ образомъ соприкасаются, а не переплетаются съ подобными имъ хозяйствами.

Словомъ, это настоящія соціальныя кѣлѣтки, почти не поддерживающія сношеній съ внѣшнимъ міромъ, производящія все, что потребляютъ, и потребляющія все, что производятъ.

Едва-ли приходится добавлять, что при подобныхъ условіяхъ производительность труда развита крайне слабо.

II. Мѣновое хозяйство.

А. Городское хозяйство.

На этой ступени развитія, промежуточной между домашнимъ хозяйствомъ и высшими формами общественнаго хозяйства, производство и потребленіе начинаютъ обособляться.

Мѣновыя сношенія учащаются, промышленность отдѣляется отъ земледѣлія; въ городахъ возникаютъ цехи; экономической единицей становится городъ съ прилегающими деревнями.

«На картѣ прежней германской имперіи, говоритъ К. Бюхеръ, мы находимъ около 3000 городовъ разбросанныхъ на югѣ и на западѣ въ среднемъ на разстояніи

4—5 лье другъ отъ друга, на сѣверо-востокѣ на разстояніи 7—8 лье. Не всѣ имѣли одинаковое значеніе; тѣмъ не менѣ каждый представлялъ собой центръ особой хозяйственной единицы, имѣвшей, подобно старинному феодальному помѣстью, свои границы. Размѣры такой единицы, простиравшейся на 2—2¹/₂ квадратныхъ мили къ юго-западу, на 3—4 къ сѣверу, на 5—8 къ востоку, всегда давали крестьянину возможность за день побывать на городскомъ рынкѣ и вернуться домой».

Такимъ образомъ, путемъ медленной эволюціи, длившейся вѣка и продолжающейся еще понынѣ, семейная община въ значительной степени потеряла свою независимость.

Тѣмъ не менѣ старинныя общинныя формы сохраняются въ продолженіе всего цеховаго періода. Большинство продуктовъ, необходимыхъ для жизни, производится еще потребляющимъ ихъ хозяйствомъ; раздѣленіе труда мало развито; торговля—національная и международная—охватываетъ лишь ограниченный кругъ продуктовъ: пряности и плоды юга, сухую и соленую рыбу, мѣха, тонкое сукно въ сѣверныхъ странахъ, вино и т. д.

Но вмѣстѣ съ великими заокеанскими открытіями расширяется и рынокъ: появляется мануфактура. Раздѣленіе труда, носившее у средневѣковыхъ ремесленниковъ исключительно профессиональный характеръ, расчленяетъ теперь операции, производимыя прежде однимъ производителемъ Цеховой порядокъ, стоявшій на низкой ступени производительности, близится къ своему концу начинается капиталистическая эра.

В. Національное и международное хозяйство.

Въ началѣ международное хозяйство, исходя изъ принциповъ меркантильной системы, воспроизводитъ на болѣе широкомъ основаніи, сохраняя при этомъ значительную

часть прежнихъ формъ, цеховую регламентацію. Промышленный и торговый классы составляютъ тогда—даже въ самыхъ передовыхъ странахъ—только ничтожную долю всего населенія. Такъ, въ Англии въ 1688 г., по словамъ Григорія Кинга, было 4.265.000 земледѣльцевъ на 240.000 лицъ, занимавшихся промышленностью, и на 246.000 торговцевъ. Однако, въ 1769 г., менѣе, чѣмъ черезъ 100 лѣтъ, отношеніе это сильно измѣнилось. Согласно Юнгу, земледѣльческіе классы составляли въ это время не болѣе 3.600.000 жителей; въ мануфактурѣ занято было до 3.000.000, въ другихъ профессіяхъ—1.900.000*)

Въ этотъ именно моментъ промышленная революція совершается съ молніеюсною быстротою. Создается мировой рынокъ, развивается гигантская сѣть сообщеній; всѣ минеральныя богатства извлекаются изъ нѣдръ земли, машинное производство замѣняетъ мануфактуру, фабричная индустрія беретъ верхъ надъ всѣми прочими видами производства; между различными формами хозяйствъ на безграничномъ полѣ завязывается беспощадная борьба за существованіе.

Соціальныя послѣдствія этой эволюціи описаны К. Марксомъ, въ знаменитыхъ главахъ, которыми заканчивается первый томъ «Капитала».

Мысли, изложенныя тамъ въ общихъ чертахъ, сводятся къ слѣдующему. Современный крупный капиталъ выросъ на развалинахъ мелкихъ хозяйствъ (ремесленныхъ и крестьянскихъ), въ которыхъ трудъ и частная собственность были въ дѣйствительномъ единеніи и въ которыхъ работникъ былъ настоящимъ собственникомъ *своихъ* средствъ производства и продукта *своего* труда. Эта пригодная для своего времени, справедливая по существу форма частной собственности, при которой работникъ былъ свободнымъ владѣльцемъ своихъ орудій тру-

*) Гобсонъ. Эволюція соврем. капитализма ст. 22.

да, крестьянинъ—поля, которое онъ воздѣлывалъ, а ремесленникъ—инструмента, которымъ онъ владѣлъ такъ искусно,—заключала въ себѣ тотъ огромный недостатокъ, что раздробляла средства производства, уменьшая этимъ самымъ производительность труда. Недостатокъ этотъ привелъ къ гибели мелкой собственности: то, что сохранилось еще отъ послѣдней (мелкіе ремесленники и крестьяне) гибнетъ въ возрастающей степени, не будучи въ силахъ сопротивляться могуществу крупнаго земледѣльческаго и промышленнаго капитала.

Частная собственность, прибрѣтенная личнымъ трудомъ и основанная на связи независимой, отдѣльной личности съ условіями ея спеціальнаго труда, была вытѣснена капиталистической частной собственностью, покоющейся на эксплуатаціи чужого труда.

Послѣ того, какъ процессъ развитія, разрушившій мелкую ремесленную и крестьянскую собственность, достаточно разложилъ старое общество; послѣ того, какъ прежніе самостоятельные работники обратились въ пролетаріевъ, т. е. въ работниковъ, отдѣленныхъ отъ ихъ средствъ производства, и орудія ихъ труда (прежняя мелкая собственность) превращены были въ современный крупный капиталъ,—борьба капитала сдѣлала еще шагъ впередъ: крупный капиталъ—во второй фазѣ своего развитія—сталъ побивать мелкихъ капиталистовъ.

Благодаря непрерывной концентраціи средствъ производства въ крупной промышленности, одинъ капиталъ побиваетъ рядъ другихъ. Но въ тоже время въ области крупнаго капитала во все увеличивающемся масштабѣ развивается кооперация труда, приложеніе науки къ технике, методическая и систематическая эксплуатация земли, превращеніе частныхъ средствъ производства, которыя могутъ быть использованы только при обществен-

ной организаціи производства, вовлеченіе всѣхъ народовъ въ водворотъ мірового рынка.

По мѣрѣ же того, какъ уменьшается число магнатовъ капитала, присваивающихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого періода общественнаго развитія, и увеличивается нищета, порабощеніе, гнетъ, эксплуатація,—увеличивается также и сопротивленіе трудящихся, непрестанно растущихъ въ числѣ, все болѣе и болѣе дисциплинуемыхъ, объединяемыхъ и организуемыхъ самимъ механизмомъ капиталистическаго производства. Монополія капитала становится помѣхой для развивавшагося одновременно съ ней и благодаря ея воздѣйствію способа производства.

Сосредоточіе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такого напряженія, что не могутъ долѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Эта оболочка разрывается. Наступаетъ послѣдній часъ капиталистической частной собственности. Экспроприрующихся экспроприруютъ.

Мы сочли своимъ долгомъ воспроизвести почти дословно эту дивную страницу, дабы показать, насколько несправедливо такъ часто высказываемое утвержденіе,—будто общественная организація производства, исходя преимущественно изъ соображеній о несправедливости распредѣленія, не считается съ потребностями производства.

Напротивъ того, вся марксистская теорія опирается на то основное положеніе, что превращеніе личной трудовой собственности въ собственность капиталистическую. а этой послѣдней въ общественную, имѣетъ своей основной причиной преимущество—съ точки зрѣнія производительности—капитализма надъ мелкимъ производствомъ и общественной организаціи производства надъ производствомъ капиталистическимъ. Если самостоятельные производители — ремесленники, крестьяне, — однимъ словомъ

всѣ, работающіе для себя, не дѣлясь ни съ кѣмъ плодами своего труда,—все болѣе и болѣе исчезаютъ, то это происходитъ главнымъ образомъ потому, что интенсивность ихъ труда не можетъ сравниться съ выгодами труда обобществленнаго.

Если число предпріятій уменьшается, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, между тѣмъ, какъ число занятыхъ въ нихъ рабочихъ все возрастаетъ, то это происходитъ потому, что крупныя предпріятія, вообще говоря, производительнѣе мелкихъ.

Наконецъ, если когда нибудь общественная собственность придетъ на смѣну капиталистической, то это произойдетъ опять таки потому, что уничтоженіе частныхъ монополій, наслѣдственныхъ привилегій, нетрудовыхъ доходовъ, препятствій всякаго рода, противопоставляемыхъ капиталистическимъ присвоеніемъ развитію производительныхъ силъ,—увеличить въ невиданныхъ размѣрахъ производительность общественнаго труда.

Мы, само собою разумѣется, не станемъ утверждать, что эта схема, пытающаяся охватить всю эволюцію современной собственности въ одну неизбѣжно упрощенную формулу: *личная трудовая собственность, собственность капиталистическая и общественная собственность*—точно и абсолютно согласуется со всѣмъ паразитическимъ разнообразіемъ общественныхъ явленій.

Мы первые готовы признать, что утвержденіе Маркса о растущей деградации пролетаріата выражаетъ лишь тенденцію, которая можетъ быть уравновѣшена и дѣйствительно уравновѣшивается другими тенденціями, дѣйствующими въ обратномъ направленіи.

Но что важно отмѣтить прежде, чѣмъ подробнѣе остановиться на процессѣ капиталистической концентрации, такъ это органической характеръ той точки зрѣнія, которая лежитъ въ основѣ коллективистскихъ теорій.

Мы нисколько не думаемъ оспаривать того, что у Маркса, напримѣръ, въ извѣстномъ манифестѣ, встрѣчаются отдѣльные мѣста «капиталистическихъ» утопій, съ которыми манифестъ какъ разъ боролся—пережитки теорій насилія, заставляющихъ общественный переворотъ приходить въ современныя общества, «какъ тать въ ночи». Тѣмъ не менѣе несомнѣнно то, что въ своей совокупности марксистская теорія представляетъ диаметрально противоположныя черты: обобществленіе средствъ производства и обмѣна является въ ней заключительнымъ результатомъ развитія самаго капитализма, слѣдствіемъ предварительнаго поглощенія мелкихъ производителей крупными.

Остается только узнать, насколько вѣрно, что во всѣхъ областяхъ производства и обмѣна *личная трудовая собственность*—орудіе труда самостоятельнаго производителя—стремится исчезнуть передъ *капиталистической собственностью*, орудіемъ эксклюзатива наемнаго производителя.

Упадокъ личной трудовой собственности.

„Das Eigentum ist Fremdtum geworden“.
Lassalle.

Типичными представителями личной трудовой собственности, существующими еще въ современныхъ капиталистическихъ обществахъ, являются: крестьянинъ собственникъ, ремесленникъ и мелкій торговецъ, поскольку онъ оказывается владѣльцемъ своего торговаго имущества.

Крестьянинъ собственникъ воспроизводитъ для насъ—въ болѣе или менѣе приспособленной къ современной средѣ формѣ—замкнутое домашнее хозяйство, деревенскую общину среднихъ вѣковъ.

N 7885

Ремесленникъ, владѣлецъ своихъ орудій труда, самъ продающій то, что изготовляетъ, является пережиткомъ городского хозяйства, цеховъ эпохи городскихъ общинъ.

Что же касается до мелкихъ торговцевъ, этихъ посредниковъ, которыми кишатъ теперь почти все отрасли промышленности, то они появляются только тогда, когда успѣхи раздѣленія труда и ростъ рынка допускаютъ ихъ вмѣшательство въ обмѣнъ.

„Лишь послѣ 1830 г., говоритъ Грэфъ, стали особенно сильно развиваться оптовая и мелочная торговля. Торговое населеніе Бельгій простиралось въ 1846 году до 103696 душъ, а въ 1856 г. — до 156803. Это доказываетъ, что за указанный періодъ приростъ посредниковъ шелъ быстрее, чѣмъ приростъ остальной части населенія: въ то время, какъ послѣдняя возростала ежегодно менѣе, чѣмъ на 1⁰/₀, число торговцевъ увеличивалось каждый годъ почти на 5⁰/₀».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что развитіе капитализма и промышленная концентрація могутъ въ то же время влечь за собой умноженіе мелкихъ предпріятій въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства и, въ особенности въ торговыхъ профессіяхъ. Намъ придется, впрочемъ, еще изслѣдовать, въ какой мѣрѣ эти мелкія предпріятія составляютъ дѣйствительно личную собственность тѣхъ, кто ими завѣдуетъ.

§ 1. Крестьяне-собственники.

Понятно, что именно въ земледѣліи—этой наименѣе дифференцированной области крупной промышленности—должны чаще всего встрѣчаться наиболѣе отсталыя формы собственности и производства.

Таковы, напримѣръ, общинныя угодья, пользоваться которыми имѣетъ право каждый изъ односельчанъ, такъ-вы латифундіи съ ихъ феодальнымъ происхожденіемъ.

княжескіе домены, ставшіе впоследствии государственными землями; такова, наконецъ,—крестьянская собственность—эта личная форма присвоения *par excellence*—гдѣ хозяйство ведется земледѣльцемъ и членами его семьи, производящими почти все, что необходимо для ихъ нуждъ.

Само собой разумѣется, что въ нашихъ краяхъ господствуетъ капиталистическое производство, эти хозяйственные формы—если онѣ еще сохранились—претерпѣли уже глубокія измѣненія. Дабы найти ихъ въ нетронutomъ видѣ—съ ихъ чисто физиологическимъ раздѣленіемъ труда по полу—необходимо обратиться, на примѣръ, къ славянскимъ общинамъ восточной Европы.

„Буковинскій крестьянинъ, говоритъ Карль Бюхеръ, при постройкѣ дома обыкновенно исполняетъ самъ работы плотника, кровельщика и другихъ ремесленниковъ; въ это время его жена штукатуритъ стѣны, утоптываютъ землю, которая будетъ служить поломъ, законопачиваетъ ихомъ щели и дѣлаетъ много другихъ сходныхъ работъ. Начиная отъ овцеводства и кончая собственной одеждой, буковинскій крестьянинъ все производитъ самъ, — даже окрашивающее вещество, которое онъ добываетъ изъ воздѣлываемыхъ имъ растений, и нужныя орудія,—конечно весьма первобытной формы. Тоже самое мы наблюдаемъ и въ отношеніи пищи.

Обработавъ съ трудомъ свое кукурузное поле, онъ съ помощью ручной мельницы превращаетъ зерна въ муку, изъ которой приготовляетъ мамалыгу, свое главное кушанье. Онъ самъ производитъ свои простыя земледѣльческія орудія, свою домашнюю утварь,—въ худшемъ случаѣ въ деревнѣ всегда найдется какой нибудь самоучка, который сумѣетъ ихъ изготовить. Цыганамъ—разсѣяннымъ въ разныхъ частяхъ страны—онъ предоставляетъ лишь изготовленіе желѣзныхъ «издѣлій».

На этой стадіи развитія всё такъ называемыя вѣчныя категоріи буржуазной политической экономіи: обмѣнъ, деньги, кредитъ, капиталъ,—сводятся къ нулю,—или недалеко отъ этого состоянія.

Но начиная съ того момента, когда наступаетъ раздѣленіе труда, когда отдѣльныя стороны производства отрываются одна за другой отъ домашняго хозяйства и становятся частями производства общественнаго, начиная съ этого момента крестьянская себѣтвенность—если даже она еще и не уничтожена путемъ грубой и насильственной экспроприаціи, какъ это произошло въ нѣкоторыхъ округахъ Англіи—претерпѣваетъ тѣмъ не менѣе глубокія измѣненія.

Развитіе промышленности въ городахъ уничтожаетъ всё домашнія работы,—печеніе хлѣба, ручное ткачество, пряденіе за колесомъ и проч.—или же специализируетъ ихъ и превращаетъ въ жалко оплачиваемыя отрасли домашней промышленности, которыя у насъ, въ Бельгій, обрѣтаются въ горныхъ областяхъ и кое гдѣ на равнинѣ.

Расширеніе пастѣвной площади, вызываемое растущей единовременно съ увеличеніемъ городского промышленнаго населенія потребностью въ пищевыхъ продуктахъ, влечетъ за собой сокращеніе пастбищной земли и продажу или раздѣлъ общинныхъ угодій, а слѣдовательно и уничтоженіе столь драгоценныхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ правъ пользованія.

«Общинныя заросли, говорили въ 1847 г. депутаты провинціи Люксембургъ въ бельгійской палатѣ, это самые надежные источники существованія для бѣдныхъ жителей. Они даютъ имъ возможность держать по нѣсколько головъ скота на общественномъ выгонѣ, доставляютъ имъ для этого скота подстилку, кровельный матеріалъ для ихъ хижинокъ и проч.

Лишенные своихъ угодій,—кромѣ нѣкоторыхъ областей, гдѣ еще имѣются невоздѣланныя земли,—нуждаясь въ деньгахъ для покупки не производимыхъ уже домашнимъ трудомъ продуктовъ, для избавленія отъ все растущаго налогового бремени, для уплаты наемнымъ рабочимъ, замѣщающимъ ихъ сыновей, отрывааемыхъ промышленностью или казармой,—крестьяне, ставъ исключительно хлѣбопашцами, вынуждены производить мѣновыя стоимости, доводить до минимума свое личное потребленіе, питаться привознымъ свинымъ саломъ, а свое масло, свои яйца, скоть, мясо, своихъ свиней сбывать или на ближайшій рынокъ, или посредникамъ, которые явно эксплуатируютъ ихъ и раззоряютъ.

Наконецъ, когда развитіе международныхъ сношеній, усовершенствованіе транспорта и вторженіе заокеанскаго хлѣба и другихъ продуктовъ превращаютъ земледѣліе въ жертву всѣхъ колебаній міроваго рынка, крестьяне оказываются вынужденными совершенствовать свои орудія труда и улучшать технику производства, дабы этимъ сдѣлать свое хозяйство болѣе прибыльнымъ.

Видъ деревни мѣняется. Хлѣбопашество теряетъ свое прежнее исключительное значеніе; рядомъ съ нимъ появляется огородничество, воздѣлываніе нужныхъ для промышленности растений, молочное хозяйство и проч. Распространяется луговое хозяйство. Исчезаетъ паровое поле. Осушительные и оросительные каналы изборозжаютъ всю почву.

Бѣда только въ томъ, что для подобной индустриализаціи земледѣлія нужны деньги, капиталы, которыхъ у большинства крестьянъ нѣтъ. По этой причинѣ многіе изъ нихъ оказываются вынужденными заключать невыгодные займы, задалживаться, закладывать свою землю, или же должны отказаться отъ хозяйства на собственной землѣ и становиться арендаторами.

Этимъ обстоятельствомъ въ значительной степени объясняется установленный упадокъ крестьянской собственности въ Бельгii, начиная съ земледѣльческаго кризиса, т. е. въ промежуткѣ между переписями 1880 и 1895 годовъ.

Въ 1880 году изъ 100 гектаровъ пахотной земли 34 обрабатывались собственниками ихъ, а 66—съемщиками. Въ 1895 г. мы имѣемъ уже отношеніе 31 : 69.

Въ Англии это отношеніе еще менѣе благопріятно для крестьянской собственности.

Обратное явленіе наблюдаемъ мы въ Германіи и Франціи, гдѣ въ земледѣліи еще занято около половины населенія.

Надо замѣтить къ тому, что въ Бельгii крестьянская собственность сохраняется лишь въ наиболѣе бѣдныхъ провинціяхъ. Наоборотъ, въ болѣе богатыхъ областяхъ почти безраздѣльно царитъ капиталистическая собственность и хозяйство на арендованной землѣ, такъ что одинъ консервативный писатель, Лавалле-Пуссентъ, имѣлъ возможность сказать: «Развитіе крестьянской собственности идетъ въ обратномъ направленіи съ ростомъ цѣнъ на землю. Тамъ, гдѣ земля дорога, господствуетъ арендная система; только немногіе хозяева имѣютъ собственную землю, большинство же крестьянъ снимаетъ ее въ аренду.

Обратное явленіе мы наблюдаемъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ земля малоцѣнна: чѣмъ меньше стоимость ея, тѣмъ распространеннѣе обработка собственной земли.

Такимъ образомъ, всѣ причины, вызывающія повышение продажной цѣны на землю: ростъ населенія, развитіе городовъ, ростъ промышленныхъ центровъ, успѣхи интенсивной культуры,—влекутъ за собой въ то же время отдѣленіе собственности отъ труда и замѣну личной трудовой собственностью капиталистической.

«Неизбѣжное слѣдствіе частной собственности на землю при капиталистическомъ способѣ производства это—раздвоеніе собственника земледѣльца на собственника земли и предпринимателя». (Марксъ).

Но какъ только началось это раздвоеніе, начинается и эксплуатація работника.

Въ этомъ смыслѣ не существенно, преобладаетъ-ли крупное, или мелкое хозяйство.

Въ странахъ развитаго капиталистическаго земледѣлія, гдѣ существуетъ полное раздѣленіе между землевладѣльцами и предпринимателями, арендующими землю, и земледѣльческими рабочими, эксплуатація труда, вообще говоря, менѣе велика, чѣмъ въ странахъ съ преобладаніемъ мелкаго хозяйства, въ которыхъ арендаторъ— тотъ же рабочій, но только владѣющій клочкомъ земли и ведущій самое нищенское существованіе.

Для насъ достаточно въ данномъ случаѣ сослаться хотя бы на свидѣтельство Поля Леруа-Болье: «Раздробленіе земли на совѣмъ мелкіе арендные участки, говоритъ онъ, существующее въ нѣкоторыхъ странахъ съ очень густымъ населеніемъ, какъ напимѣръ, во Фландріи или въ такъ называемой Terra di lavoro въ неаполитанскомъ королевствѣ, или въ странахъ съ голодающимъ населеніемъ, какъ въ Ирландіи,—можетъ быть выгодно для собственниковъ.

Оно, впрочемъ, не лишено соціальныхъ неудобствъ, а иногда и «экономическихъ выгодъ».

Бѣшеная конкуренція мелкихъ съемщиковъ подымаетъ въ нормальное время арендную плату на большую высоту.

Земледѣлецъ, получая такимъ образомъ легкій, вѣрный доходъ, имѣющій, вдобавокъ, тенденцію къ повышенію въ хорошіе годы, пріучается не интересоваться землей. Высокая арендная плата объясняется въ этомъ слу-

чаѣ крайней нуждой и низкимъ уровнемъ потребностей съемщиковъ.

Поэтому, предпологая даже вмѣстѣ съ Мерингомъ (въ его критикѣ книги Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ), что прогрессъ интенсивной культуры въ общемъ влечетъ за собой умноженіе мелкихъ и среднихъ хозяйствъ — а объ этомъ вы еще поговоримъ ниже — нельзя отсюда заключить, что эксплуатація земледѣльческихъ работниковъ ослабѣваетъ. Во всякомъ случаѣ, теперь можно считать уже фактически установленнымъ болѣе или менѣе быстрый, болѣе или менѣе полный упадокъ крестьянской собственности повсюду, гдѣ воцаряется капиталистическій способъ производства.

Но крестьянскія хозяйства, даже и въ томъ случаѣ, когда имъ удается уцѣлѣть и ускользнуть отъ власти гипотеки, лишены своего первоначального характера, потерявъ свою автономію, и, будучи включены въ гигантскій организмъ производства для обмѣна, подпадаютъ подъ верховную власть торговцевъ зерномъ, мучныхъ торговцевъ, сахарозаводчиковъ и другихъ крупныхъ бароновъ сельскохозяйственной промышленности.

Помимо этого, мелкіе земельные участки по мѣрѣ роста населенія — въ особенности въ странахъ, гдѣ установленъ порядокъ равнаго раздѣла наследственнаго имущества — все болѣе дробясь и обременяясь налогами и пошлинами при наследованіи и продажѣ, становятся до того ничтожными, что оказываются не въ состояніи прокармливать своихъ собственниковъ.

Вспомните нападки стараго Клузье, мирового судьи въ «Деревенскомъ священникѣ», Бальзака на главы о наследованіи въ гражданскомъ уложеніи, «этотъ молотъ, непрерывная работа котораго крошитъ всю страну, индивидуализируетъ имущества, лишая ихъ необходимой устойчивости, и, постоянно раздробляя и никогда

не собирая вновь, подь конецъ убѣтъ Францію.» Во всякомъ случаѣ, указанный отдѣлъ законодательства не мало способствуетъ гибели крестьянской собственности отчасти на пользу капиталистической, а отчасти на пользу мелкоземельной собственности.

Въ первомъ случаѣ крестьяне уступаютъ мѣсто арендаторамъ. Во второмъ случаѣ они бываютъ вынуждены искать иныхъ средствъ къ существованію, носящихъ вначалѣ характеръ побочныхъ заработковъ, а подь конецъ образующихъ главную статью дохода.*).

Одни—и само собою разумѣется, что они составляютъ ничтожное меньшинство—принимаются за мелкую торговлю: они становятся лавочниками, кабатчиками, торговцами скотомъ и птицей и проч.

Другіе, оторванные отъ родной земли, предоставляютъ женѣ и родственникамъ обработку своего клочка, а сами отправляются на лѣто въ чужіе края на полевые работы, уборку свекловицы, обжиганіе кирпичей и всякіе иные заработки.

Осенью они возвращаются съ нѣсколькими сотнями заработанныхъ франковъ, дающими имъ возможность существовать зимой.

Третьи, наконецъ, сохранивъ свой земельный клочекъ, сдаютъ его сосѣду съемщику вмѣсто того, чтобы заняться его обработкой, а сами становятся земледѣльческими или промышленными рабочими.

Въ Бельгіи, напримѣръ, благодаря введенію особыхъ *рабочихъ поѣздовъ* съ уменьшеннымъ въ 10 разъ противъ обыкновеннаго желѣзнодорожнымъ тарифомъ, ежедневно болѣе 100100 крестьянъ, — между которыми масса мелкихъ собственниковъ и сыновей собственниковъ, от-

1) По даннымъ германской переписи 1894 г. на 100 земледѣльческихъ хозяйствъ въ 40, 35 земледѣліе составляетъ лишь второстепенное, подсобное занятіе.

правляются по желѣзной дорогѣ работать на фабрикахъ и угольныхъ копяхъ, отстоящихъ нерѣдко на громадномъ разстояніи отъ ихъ жилищъ. У многихъ тысячь углекоповъ брусельскаго округа рабочій день, по свѣдѣніямъ департамента желѣзныхъ дорогъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: десять часовъ труда подъ землей, два часа желѣзнодорожной ѣзды изъ дома къ копиямъ, два часа на обратный переѣздъ, да еще нерѣдко, чтобы добраться до деревни, приходится сдѣлать изрядный крюкъ иѣшкомъ.

Съ ужасомъ спрашиваешь себя: что человѣческаго можетъ еще сохраниться у этихъ людей, цѣликомъ поглощенныхъ борьбой за кусокъ хлѣба?

А между тѣмъ эти то самые люди—безсознательные Прометей—приносятъ къ себѣ домой искру божественнаго огня, похищенную у очаговъ грядущаго строя, изъ которой въ самой глубинѣ глухихъ деревень возгорается пламя великихъ надеждъ на лучшее будущее.

§ 2. Ремесленники.

Среди отраслей производства, выдѣлившись изъ земледѣлія, ремесло, являясь преобладающей формой средневѣкаго хозяйства, въ капиталистическомъ строѣ играетъ лишь второстепенную роль. Обладая средствами производства, работая лишь для мѣстнаго рынка, сбывая непосредственно покупателю выработанные имъ продукты, ремесленникъ сохраняется лишь въ той мѣстности и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ на лицо имѣются еще препятствія къ расширенію рынка и широкому приѣнію труда.

Таковы, главнымъ образомъ, сельскія ремесла, производство предметовъ роскоши, а также тѣхъ продуктовъ, которые, подвергаясь быстро порчѣ, не переносятъ перевозки и не находятъ на мѣстѣ ихъ производства широкаго круга потребителей.

«Какъ общее правило», говоритъ Дю-Маруссенъ: «можно установить, что когда рынокъ ограниченъ ближайшимъ райономъ или определенной и малочисленной категоріей населенія (булочные, изготовление роскошной мебели), мелкія ремесленныя мастерскія являются наиболѣе распространеннымъ типомъ производительной организаціи; когда же, наоборотъ, сбытъ увеличивается до размѣровъ національнаго или международнаго рынка, онъ распределяется между заводами съ одной стороны и мануфактурами (домашнее производство) — съ другой, причѣмъ эти послѣднія существуютъ до тѣхъ поръ, пока ручной трудъ по своей дешевизнѣ успѣшно борется съ конкуренціей машины».

«Согласно изложеннымъ даннымъ, мелкое производство встрѣчается еще: 1) въ группѣ изготовления съѣстныхъ припасовъ (булочники, кондитеры, мясники, колбасники), 2) въ мануфактурной группѣ (портные, портнихи, швеи, модистки и др.), 3) въ кожевенномъ производствѣ, 4) въ производствѣ издѣлій изъ дерева (мебельщики, столяры и др.), 5) наконецъ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ обработки металловъ».

Но и въ этихъ отрасляхъ промышленности замѣчается стремленіе къ исчезновенію частной собственности на орудія производства, самостоятельности производителей, индивидуальной организаціи труда въ мастерской и — еще чаще — самого предпріятія.

Съ одной стороны мы видимъ, какъ крупное производство, мануфактура и фабрика, наносятъ пораженіе ремеслу, благодаря возможности успѣшной конкуренціи: фабричное производство хлѣба вытѣсняетъ булочника, мебельная мануфактура замѣняетъ или подчиняетъ себѣ самостоятельнаго ремесленника — мебельщика. Съ другой стороны, этотъ процессъ перехода къ мануфактурѣ совершается въ другой, чаще встрѣчающейся формѣ: старые

способы производства продолжают какъ бы существовать рядомъ съ новыми, а то и вовсе исключаютъ ихъ; ручной трудъ еще упорно борется за право на жизнь, мелкій хозяинъ работаетъ въ своей мастерской одинъ со своей семьей или съ помощью одного-двухъ подмастеровъ; но по мѣрѣ расширенія рынка между производителемъ и потребителемъ вкрадывается третье лицо, посредникъ; ремесло обращается въ домашнее производство, въ мануфактуру.

Съ технической стороны ничто или почти ничто не измѣнилось, но съ соціальной точки зрѣнія произошелъ полный переворотъ: вмѣсто независимыхъ производителей, работающихъ за свой собственный счетъ, располагающихъ всецѣло продуктами своего труда, мы видимъ теперь пролетаріевъ, работающихъ за счетъ капиталиста или за счетъ торговца, скупающаго ихъ продукты и очень часто снабжающаго ихъ образцами и сырымъ матеріаломъ, а иногда даже и орудіями производства. Упадокъ ремесленного производства сталъ настолько всеобщимъ явленіемъ, что наше время можно было бы по справедливости назвать «вѣкомъ заводовъ и мануфактуръ».

Не всѣ, однако, работники, занятые въ домашнемъ производствѣ, представляютъ собой бывшихъ самостоятельныхъ хозяевъ, ставшихъ затѣмъ пролетаріями. Швидландъ въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ о «мануфактурѣ» доказываетъ, что домашнее производство можетъ возникнуть также и непосредственно, безъ перехода черезъ промежуточныя формы, или же можетъ быть порождено не только ремесленной формой производства, но непосредственно всякой другой предшествовавшей формой промышленности.

Разложеніе городскихъ ремеслъ представляетъ самый характерный случай образованія мануфактуры въ городахъ.

Но разложеніе и преобразованіе ремесла не связано обязательно съ городомъ, точно такъ же, какъ развитіе системы домашняго производства не связано обязательно съ преобразованіемъ ремесла. Всѣ формы промышленности подчинены этому переходу къ формѣ мануфактуры. Въ деревняхъ, въ селахъ на фермахъ крестьянъ,—повсюду мы видимъ, какъ «работа на дому» постепенно приводитъ къ появленію мануфактуры. То же самое можно сказать и о поденномъ кустарномъ трудѣ, имѣвшемъ въ свое время значеніе одного изъ важнѣйшихъ способовъ производства: наконецъ, даже новѣйшая форма производства—современная фабрика превращается по мнѣнію нѣкоторыхъ въ фабрику «коллективную». Необходимо, однако, замѣтить, что примѣры послѣдней категоріи, означающіе нѣкоторый поворотъ назадъ, къ формамъ низшаго порядка, по меньшей мѣрѣ сомнительны и во всякомъ случаѣ исключительны. Но зато очень часты случаи, когда мануфактура ведетъ свое происхожденіе отъ капиталистическаго преобразованія «работы на дому» или «поденной работы».

Каково бы, впрочемъ, ни было происхожденіе системы домашняго производства, одинъ признакъ характеризуетъ ее повсюду: это зависимость работниковъ отъ сбыта продуктовъ ихъ труда, зависимость, которая обыкновенно приводитъ предпринимателя къ обогащенію, а производителей—къ обѣдненію и крайнему разоренію. Постоянное пониженіе рабочей платы, вынужденная безработица во время такъ называемыхъ «мертвыхъ сезоновъ»—сезоновъ, въ которые умираютъ съ голоду—интенсивный трудъ въ періодъ спѣшной работы,—таковъ почти постоянно и всюду плачевный удѣлъ «работника на дому» особенно, съ момента появленія машинной конкуренціи.

«Зато онъ остается господиномъ своего времени», скажутъ иные: «онъ не знаетъ ни принужденія фабричныхъ правилъ, ни надзора фабричнаго мастера». Но это означаетъ отсутствіе надзора тамъ, гдѣ роль погонщика выполняетъ голодъ; это означаетъ отсутствіе фабричныхъ правилъ для людей, работающихъ непрерывно и днемъ и ночью. Нигдѣ, быть можетъ, заработная плата не достигаетъ такого низкаго уровня. рабочій день—такой продолжительности, капиталистическая эксплуатація—того безстыдства, какъ въ этихъ семейныхъ мастерскихъ большихъ городовъ, которыя въ официальныхъ статистическихъ отчетахъ представлены, какъ «отдѣльныя и независимыя предприятия». Достаточно напомнить объ ужасахъ «sweating system», «потогонной системы» въ Англии и трущобахъ Нью-Йорка, о безчисленныхъ рабочихъ гнѣздахъ, гдѣ цѣлыя семьи обречены на вырожденіе отъ истощенія въ грязной, душливой и отравленной миазмами атмосферѣ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать — и это соображеніе способно, безъ сомнѣнія, смутить филантроповъ — защитниковъ «домашняго труда»,—что очаги рабочей нищеты являются вмѣстѣ съ тѣмъ и очагами заразы для потребителей.

«Внѣ всякаго сомнѣнія», говоритъ гигиенистъ Фохтъ: «что черезъ посредство изготовляемыхъ продуктовъ между различными классами общества устанавливается самое тѣсное общеніе». Въ виду заразительности продуктовъ «работы на дому», не слѣдуетъ слишкомъ восторгаться тѣмъ, что эта работа позволяетъ отцу и матери семейства слѣдить за своимъ больнымъ ребенкомъ, не отрываясь въ то же время отъ своего труда. Изолировать такихъ больныхъ нѣтъ возможности, а между тѣмъ одежда этихъ несчастныхъ, употребляемая часто вмѣсто одѣяла, какъ бы специально приспособлена къ воспріятію и сохраненію микроорганизмовъ. Приписывать

подобныя несчастія, злоупотребленія и гибельныя послѣдствія вѣтъ формамъ «работы на дому» — значило бы несомнѣнно сгущать краски и безъ того мрачной картины.

Перчаточникъ, напримѣръ, пользуясь защитой своихъ интересовъ, напоминающихъ старыя ремесленные цехи, еще не знаетъ бѣдствій, обычно переживаемыхъ сапожниками и портными. Тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ работающіе «на дому» находятся обыкновенно въ гораздо большемъ загонѣ, чѣмъ рабочіе на фабрикѣ. Все, что мы говорили до сихъ поръ о положеніи труда въ городахъ, можно повторить еще съ большимъ подчасъ основаніемъ о работѣ «на дому» въ деревняхъ. «Вотъ гдѣ» — говоритъ одинъ либеральный вѣнскій депутатъ — «пауперизмъ достигаетъ размѣровъ, которыхъ не встрѣтишь даже въ мелкой городской промышленности, вотъ гдѣ рабочій день достигаетъ 18 часовъ при заработной платѣ, позволяющей питаться лишь однимъ картофелемъ, вотъ гдѣ анемія и заразныя болѣзни охватываютъ цѣлыя области».

Если все же коллективная фабрика, или, болѣе точно, коллективная мануфактура продолжаетъ существовать; если, несмотря на болѣе низкую степень своей техники, она успѣшно борется съ подавляющей конкуренціей централизованнаго производства, то она достигаетъ этого лишь цѣной глубокаго физическаго и нравственнаго вырожденія занимаемыхъ ею работниковъ. Вотъ почему слѣдуетъ не только сочувствовать, но и содѣйствовать законодательнымъ путемъ скорѣйшему переходу этихъ вырождающихся формъ индивидуальнаго производства къ высшимъ общественнымъ его формамъ.

Иныя, склонныя къ оптимизму, могутъ питать надежды, что переходъ этотъ совершится при помощи кооперативныхъ обществъ, которыя сумѣютъ объединить «работниковъ на дому» въ значительныя группы и об-

завестись въ концѣ концовъ техническими орудіями въ такомъ размѣрѣ, чтобы оказаться въ силахъ успѣшно выдерживать борьбу съ капиталистическою промышленностью. Но въ тѣхъ многочисленныхъ—увы!—случаяхъ, когда подобныя надежды являются безусловной химерой, дѣйствительный прогрессъ съ технической и социальной точки зрѣнія будетъ заключаться только въ томъ, что эксплуатація «работниковъ на дому» торговымъ капиталомъ уступитъ мѣсто эксплуатаціи въ мастерской или на фабрикѣ капиталомъ промышленнымъ.

§ 3. Мелочные торговцы.

Несмотря на широкое распространеніе большихъ магазиновъ, необыкновенное развитіе которыхъ, столь гибельное для окрестныхъ мелкихъ лавокъ, было великолѣпно изображено еще Золя въ его «Bonheur des dames», число всякаго рода мелочныхъ торговцевъ не только не уменьшается, но по даннымъ промышленныхъ переписей постоянно увеличивается. Въ послѣдней сессіи «Verein für Socialpolitik» (въ Бреславлѣ, въ 1899 г.) профессоръ Зомбартъ съ цифрами въ рукахъ констатировалъ, что число мелкихъ торговцевъ увеличивается быстрое роста населенія. На мѣсто одного исчезнувшаго торговца, разорившагося подъ давленіемъ крупнаго капитала, появляются десятки новыхъ въ другихъ отрасляхъ, въ другой мѣстности, въ деревняхъ и предмѣстьяхъ большихъ городовъ.

Обыкновенно это выходитъ изъ среды бывшихъ слугъ и рабочихъ, скопившихъ кой-какія сбереженія, или изъ ремесленниковъ, выбитыхъ изъ колеи, а въ деревняхъ—изъ земледѣльцевъ, отказавшихся совсѣмъ или отчасти отъ занятія земледѣліемъ. Къ этому перечню надо прибавить большое число торговыхъ служащихъ, оставшихся безъ мѣста или желающихъ обзавестись семьей

и затѣвающихъ собственное дѣло, часто на средства, завѣдомо недостаточныя. Слишкомъ легкая возможность, вслѣдствіе конкуренціи, пользоваться товаромъ въ кредитъ влечетъ за собой наводненіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности неустойчивыми предпріятіями, которыя вырастаютъ въ періоды, предшествующіе кризисамъ, какъ грибы послѣ дождя, чтобы затѣмъ исчезнуть, спустя годъ или два, когда ихъ разореніе становится неизбѣжнымъ. Короче говоря, мелкая торговля является, по преимуществу, убѣжищемъ для инвалидовъ капитализма, для всѣхъ, предпочитающихъ тяжелому труду производителя мелкое хищничество посредника, или для тѣхъ, кто, не получая достаточнаго дохода въ промышленности и въ земледѣліи, надѣется найти его въ мелкой торговлѣ. Этимъ обстоятельствомъ, главнымъ образомъ, и объясняется разложеніе разнаго рода винныхъ лавокъ и кабачковъ, какъ наиболѣе мелкаго и недорогого изъ всѣхъ видовъ мелкой торговли.

Но было бы крупной ошибкой допустить, что эти ничтожныя формы предпріятій, числящіяся въ официальныхъ отчетахъ въ рубрикѣ «отдѣльныя предпріятія», могутъ быть разсматриваемы, какъ личная собственность ихъ формальныхъ владѣльцевъ.

Существуетъ огромное число такихъ собственниковъ (и число это возрастаетъ по мѣрѣ развитія капитализма), которые пользуются только призракомъ независимости и которые въ большей или меньшей степени пребываютъ во власти нѣсколькихъ крупныхъ заимодавцевъ, промышленниковъ и коммерсантовъ.

За очень рѣдкими исключеніями всѣ сколько нибудь значительныя пивоваренныя заводы, съ цѣлью болѣе широкаго обезпеченія сбыта своего продукта, насаждаютъ повсюду свои кабачки. А такъ какъ опытъ показалъ, что для процвѣтанія подобныхъ кабачковъ гораздо вы-

годище продавать «genievre»*), чѣмъ пиво, то большинство пивоваровъ сдѣлалось, въ то же время, оптовыми торговцами всякаго рода спиртныхъ напитковъ. Этимъ и объясняется тотъ парадоксальный съ перваго взгляда фактъ, что въ Брюжѣ пивовары энергично добивались отмены установленной платы за патенты на открытіе лавокъ, торгующихъ исключительно спиртными напитками, тогда какъ, казалось бы, въ ихъ собственныхъ интересахъ было бы защищать мѣры, направленные къ уменьшенію потребления «genievre» и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ увеличить потребление пива.

Контрастъ между дѣйствительнымъ и кажущимся положеніемъ, наблюдаемый въ области продажи спиртныхъ напитковъ, и вызываемый прогрессивнымъ ростомъ концентраціи капитала, встрѣчается и во многихъ другихъ отрасляхъ мелкой торговли. Въ городахъ Голландіи, на примѣръ, большая часть булочныхъ представляютъ собою не что иное, какъ складочные магазины, снабжаемые хлѣбомъ изъ капиталистическихъ фабрикъ. Въ Лондонѣ большая часть дешевыхъ ресторановъ находится въ рукахъ четырехъ или пяти крупныхъ фирмъ.

Торговля молокомъ находится въ тѣхъ же условіяхъ. Продажа аптекарскихъ продуктовъ и сигаръ подвержена той же участи: одно только общество имѣетъ это дело для продажи сигаръ.

Въ общемъ, всѣ многочисленныя торговля предприятия, занесенныя въ оффиціальныя списки, могутъ быть распределены по тремъ слѣдующимъ категоріямъ: 1) предприятия, признаваемые статистикой за отдѣльныя единицы, но на самомъ дѣлѣ представляющія собой складочныя мѣста или отдѣленія крупныхъ капиталистическихъ или кооперативныхъ предприятий;

*) Напитокъ сходный съ русской водкой.

2) предприятия, приносящая лишь побочный доход, дополняющий рабочий заработок предпринимателя и, наконец, 3) предприятия действительно независимы, снабженные инвентаремъ, составляющимъ личную собственность мелкаго торговца. Тутъ-то и приходится признать, что если постоянное возрастание общаго числа торговыхъ предприятий находится внѣ всякаго сомнѣнія, то нельзя того же утверждать о предприятияхъ послѣдней категоріи, единственно насъ интересующихъ, съ точки зрѣнія союза между частной собственностью и трудомъ.

Правда, попутно съ развитіемъ спеціализаціи труда въ районахъ, гдѣ выгоды мѣноваго хозяйства вытѣсняютъ домашнія формы производства, число указанныхъ предприятий возрастаетъ. Данное село, жители котораго еще недавно занимались исключительно земледѣліемъ, сами изготовляя себѣ хлѣбъ и обмѣнивая масло и яйца собственнаго хозяйства на продукты торговцевъ ближайшаго города, теперь обзавелось своей булочной, своей бакалейной лавкой или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ тѣхъ причудливыхъ магазиновъ, гдѣ одновременно продаютъ матерію для платья и съѣстные припасы, кухонную утварь и календари, ваксу, селетки, корсеты и соломенные шляпы. Но, если въ деревняхъ торговая дифференціація и развивается все болѣе и болѣе, умножая число мелкихъ лавокъ, то совершенно обратное явленіе наблюдается въ большихъ городахъ. Тамъ развитіе коопераціи и, особенно, крупныхъ базаровъ и магазиновъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ «Бонмарше» и «Лувръ», въ Парижѣ насчитываютъ по нѣсколько тысячъ служащихъ, наносятъ мелкимъ торговцамъ чувствительный ущербъ, выражающійся прежде всего въ сокращеніи ихъ доходовъ, а затѣмъ и въ сокращеніи ихъ численности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности.

Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, — и въ этомъ заключается одно изъ самыхъ существенныхъ неудобствъ существующаго режима, — что огромное число мелкихъ торговцевъ не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣрами услугъ, оказываемыхъ послѣдними потребителямъ. Сколько поразительныхъ примѣровъ было уже приведено въ доказательство того, какъ дорого обходится публикѣ паразитизмъ посредниковъ, начиная хотя бы съ примѣра нормандскихъ яблокъ, которыя продаются въ Парижѣ въ 60 разъ дороже ихъ стоимости на мѣстѣ, и кончая литромъ южнаго вина, который продается за 70 или 80 сантимовъ у парижскихъ кабатчиковъ, въ то время, какъ производитель получилъ за него на мѣстѣ не болѣе 15 сантимовъ.

И, тѣмъ не менѣе, не взирая на такіе разорительные для покупателя доходы, мелкіе торговцы, сильно увеличиваясь въ числѣ, доходятъ, въ концѣ концовъ, до того момента, когда тысячи изъ нихъ, особенно въ отрасляхъ, захваченныхъ крупной торговлей, находятся наканунѣ банкротства.

«Если, — по совершенно справедливому замѣчанію Ш. Жиды, — каждый булочникъ для изготвленія хлѣба тратитъ не болѣе одного мѣшка муки, и если на доходъ отъ продажи этого мѣшка онъ долженъ существовать, платить квартирныя деньги и налоги, а также жалованье своимъ подмастерьямъ, — то простая необходимость заставитъ его поднять цѣну на каждый изготовленный имъ хлѣбъ, причѣмъ подлежитъ еще сомнѣнію, спасетъ ли его это отъ нищеты. Вотъ что, главнымъ образомъ, доказываетъ, поскольку существующій механизмъ не годенъ и насколько справедливъ строгій приговоръ, произнесенный еще утопистами надъ бесполезнымъ возрастаніемъ числа мелкихъ торговцевъ.

«Торговля, говоритъ Консидерантъ, полезна только въ томъ случаѣ, когда служить интересамъ производства и потребления. Она должна быть слугою этихъ двухъ отраслей. Непроизводительная по своей природѣ, она ничего не прибавляетъ ни къ количеству, ни къ качеству предметовъ, проходящихъ черезъ ея руки. Въ выполненіи ея функций должно принимать участіе какъ можно меньшее число лицъ. Последнее условіе можетъ, однако, быть осуществлено только съ помощью такой административной организаціи, которая поставитъ производителя въ непосредственныя отношенія къ потребителю, уничтоживъ этимъ самымъ всѣхъ посредниковъ, хищниковъ и паразитовъ.»

Выводы и заключенія.

Подводя итогъ, мы замѣчаемъ, что, не смотря на всевозрастающее преобладаніе капиталистической формы производства, въ современномъ обществѣ повсюду встрѣчаются еще въ значительной степени пережитки былыхъ, докапиталистическихъ формъ соціальной организаціи.

Крестьянская собственность, ремесленное производство и мелкая самостоятельная торговля не находятъ нахануи своего исчезновенія, и повсюду, гдѣ они сохранились еще, осуществляютъ собою соединеніе собственности съ трудомъ. Впрочемъ, грядущій строй никоимъ образомъ не смѣетъ въ виду добиться ихъ обобществленія какими либо мѣрами насилія.

Но, какъ бы многочисленны ни были въ нѣкоторыхъ районахъ и въ нѣкоторыхъ странахъ извѣстныя отрасли промышленности — эти свидѣтели отжившей эпохи, — не подлежитъ все-же сомнѣнію, что, въ общемъ, развитіе капитализма стремится вытѣснить, разорить самостоятельныхъ производителей или, по меньшей мѣрѣ, поработая ихъ себѣ, лишить ихъ первоначальной независимости.

Какъ только происходитъ достаточное расширеніе *рынка*, преимущества, доставляемая личнымъ надзоромъ хозяина, искусствомъ ручного труда, повышеннымъ усердіемъ въ работѣ, поощряемымъ личнымъ интересомъ самого производителя, становятся уже недостаточными для борьбы съ преимуществами повышенной производительности, достигаемыми раздѣленіемъ труда, точнымъ знакомствомъ съ условіями сбыта и примѣненіемъ капитала въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Положеніе это сохраняетъ тѣмъ большую справедливость по отношенію къ отраслямъ промышленности, въ которыхъ машина съ прогрессомъ техники все съ большимъ успѣхомъ утверждаетъ свое господство. Не смотря на отчаянныя усилія мелкой буржуазіи сохранить хоть тѣнь своей независимости, изготовленіе ручнымъ способомъ предметовъ житейскаго обихода все болѣе уступаетъ мѣсто машинному производству, занимающему все увеличивающееся число наемныхъ работниковъ.

Въ Германіи, напримѣръ, съ 1882 по 1895 г., число независимыхъ производителей въ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова, уменьшилось на 139.382, тогда какъ общее число промышленныхъ работниковъ увеличилось на 861.468.

Если принять теперь въ соображеніе все роды занятій въ промышленности, торговлѣ и земледѣліи, то, наряду съ увеличеніемъ числа рабочихъ и различныхъ служащихъ, замѣчается съ 1882 г. и абсолютное увеличеніе числа независимыхъ, или называющихъ себя таковыми, производителей. Но, въ то время, какъ для самостоятельныхъ производителей это увеличеніе не превышаетъ 5%, для рабочихъ оно даетъ 20%, а для служащихъ 100%. Болѣе трехъ четвертей изъ числа этихъ новичковъ, явившихся на рынокъ труда—принадлежитъ рабочему классу, и если даже взять всю совокупность различныхъ профессій, то ока-

жется, что число служащихъ и рабочихъ значительно возрастаетъ на счетъ числа независимыхъ производителей.

Слѣдующая таблица, заимствованная у Раухберга, какъ нельзя лучше подтверждаетъ указываемые выводы: На 100 лицъ, занятыхъ трудомъ въ Германской Имперіи, за время отъ 1882 по 1895 г., приходилось:

	Независимые производители		Рабочіе и служащіе	
	1882	1895	1882	1895
Земледѣліе	27.78	30.98	72.22	69.02
Промышленность	34.41	24.90	65.59	75.10
Торговля	44.67	36.07	55.33	63.93
Итого	32.03	28.94	67.97	71.06

Такимъ образомъ, не смотря на сокращеніе числа сельскихъ рабочихъ и поденщиковъ, поглощаемыхъ крупными городами, относительное значеніе пролетаріата все увеличивается.

Означаетъ-ли это, что всѣ самостоятельные производители должны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбежно превратиться въ наемныхъ рабочихъ и, спускаясь внизъ, пройти послѣдовательно черезъ всѣ ступени капиталистической лѣстницы? Мы этого не думаемъ.

Мы уже замѣтили, что мыслимы различныя формы развитія и, что личная собственность можетъ превратиться въ собственность кооперативную или общественную, минуя промежуточную фазу капитализма. Съ другой стороны, мы ясно видимъ, что во многихъ отрасляхъ, если даже личная собственность и находится на пути къ исчезновенію, высшія формы капиталистическаго производства,

Какъ только происходитъ достаточное расширеніе *рынка*, преимущества, доставляемыя личнымъ надзоромъ хозяина, искусствомъ ручного труда, повышеннымъ усердіемъ въ работѣ, поощряемымъ личнымъ интересомъ самаго производителя, становятся уже недостаточными для борьбы съ преимуществами повышенной производительности, достигаемыми раздѣленіемъ труда, точнымъ знакомствомъ съ условіями сбыта и примѣненіемъ капитала въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Положеніе это сохраняетъ тѣмъ большую справедливость по отношенію къ отраслямъ промышленности, въ которыхъ машина съ прогрессомъ техники все съ большимъ успѣхомъ утверждаетъ свое господство. Не смотря на отчаянныя усилія мелкой буржуазіи сохранить хоть тѣнь своей независимости, изготовленіе ручнымъ способомъ предметовъ житейскаго обихода все болѣе уступаетъ мѣсто машинному производству, занимающему все увеличивающееся число наемныхъ работниковъ.

Въ Германіи, на примѣръ, съ 1882 по 1895 г., число независимыхъ производителей въ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова, уменьшилось на 139.382, тогда какъ общее число промышленныхъ работниковъ увеличилось на 861.468.

Если принять теперь въ соображеніе всѣ роды занятій въ промышленности, торговлѣ и земледѣліи, то, наряду съ увеличеніемъ числа рабочихъ и различныхъ служащихъ, замѣчается съ 1882 г. и абсолютное увеличеніе числа независимыхъ, или называющихъ себя таковыми, производителей. Но, въ то время, какъ для самостоятельныхъ производителей это увеличеніе не превышаетъ 5%, для рабочихъ оно даетъ 20%, а для служащихъ 100%. Болѣе трехъ четвертей изъ числа этихъ новичковъ, явившихся на рынокъ труда—принадлежитъ рабочему классу, и если даже взять всю совокупность различныхъ профессій, то ока-

жется, что число служащихъ и рабочихъ значительно возрастаетъ на счетъ числа независимыхъ производителей.

Слѣдующая таблица, заимствованная у Раухберга, какъ нельзя лучше подтверждаетъ указываемые выводы: На 100 лицъ, занятыхъ трудомъ въ Германской Имперіи, за время отъ 1882 по 1895 г., приходилось:

	Независимые производители		Рабочіе и служащіе	
	1882	1895	1882	1895
Земледѣліе	27.78	30.98	72.22	69.02
Промышленность	34.41	24.90	65.59	75.10
Торговля	44.67	36.07	55.33	63.93
Итого	32.03	28.94	67.97	71.06

Такимъ образомъ, не смотря на сокращеніе числа сельскихъ рабочихъ и поденщиковъ, поглощаемыхъ крупными городами, относительное значеніе пролетариата все увеличивается.

Означаетъ-ли это, что всѣ самостоятельные производители должны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбежно превратиться въ наемныхъ рабочихъ и, спускаясь внизъ, пройти послѣдовательно черезъ всѣ ступени капиталистической лѣстницы? Мы этого не думаемъ.

Мы уже замѣтили, что мыслимы различныя формы развитія и, что личная собственность можетъ превратиться въ собственность кооперативную или общественную, минуя промежуточную фазу капитализма. Съ другой стороны, мы ясно видимъ, что во многихъ отрасляхъ, если даже личная собственность и находится на пути къ исчезновенію, высшія формы капиталистическаго производства,

не смотря на всё свои преимущества, съ точки зрѣнія болѣе рациональнаго веденія хозяйства, не въ силахъ все же окончательно вытѣснить низшія, рутинныя, жалкія формы домашней промышленности, мелкаго земледѣлія и мелкой промышленности.

Порожденный капитализмомъ паразитизмъ посредниковъ, изобиліе предметовъ роскоши, безконечное дробленіе земли будутъ, по всей вѣроятности, существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самый капиталистическій строй.

Нѣкоторыя отрасли самостоятельнаго производства, нѣкоторые остатки крестьянской собственности, быть можетъ, даже переживутъ его. Ничто, въ сущности, не мѣшаетъ допустить, что въ будущемъ строѣ индивидуальная собственность и индивидуальный трудъ будутъ существовать наряду съ коллективной собственностью и общественнымъ способомъ производства. Какъ бы то ни было, несомнѣненъ тотъ фактъ, что въ самыхъ главныхъ отрасляхъ промышленности, въ тѣхъ именно, которыя отвѣчаютъ наиболѣе важнымъ и широко распространеннымъ потребностямъ общества, преимущества крупнаго машиннаго производства, съ точки зрѣнія высшей производительности, приводятъ къ вытѣсненію личной собственности и индивидуальнаго производства. А такъ какъ эти самыя причины продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, то капиталистическія формы производства и обмена, характерныя для современныхъ условій труда, продолжаютъ обнаруживать, какъ мы это прослѣдимъ ниже, явные признаки все возрастающей тенденціи къ концентраціи и обобществленію.

Г Л А В А П.

Развитіе капиталистической собственности.

Монополія раздувается, раздувается до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не лопнетъ.

Прудонъ.

За первичной стадіей концентраціи капиталовъ—экспроприаціей независимыхъ производителей, превращеніемъ ремесла въ коллективную или централизованную фабрику, замѣщеніемъ мануфактуры *машинофактурой*—слѣдуетъ новая стадія, характеризующаяся борьбой крупныхъ капиталистовъ противъ мелкихъ.

Въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ промышленности и торговли число предпріятій уменьшается по мѣрѣ того, какъ растетъ сила немногихъ побѣдителей. Индивидуальное производство замѣняется производствомъ коллективнымъ; отдѣльные капиталисты — союзами послѣднихъ. Наступаетъ господство акціонерныхъ обществъ и объединенныхъ капиталистическихъ организацій: промышленныхъ синдикатовъ, картелей и трестовъ, приводящихъ къ образованію гигантскихъ національныхъ международныхъ монополій.

§ 1. Акціонерныя общества.

Въ настоящее время акціонерныя общества встрѣчаются во всѣхъ почти отрасляхъ промышленности, а между тѣмъ, не далѣе, какъ въ концѣ XVIII в., Адамъ Смитъ отзывался о нихъ въ такихъ же выраженіяхъ, въ какихъ въ настоящее время иные отзываются о предсказывателяхъ обобществленія крупной промышленности. «Акціонерныя кампаніи—утверждалъ онъ—смогли бы успѣшно справиться только съ тѣми дѣлами, которыя отличаются настолько однообразными приѣмами, что очень мало или совсѣмъ не подвергаются измѣненіямъ. Таковы: 1) банковое дѣло; 2) страхованіе отъ пожаровъ и кораблекру-

шьяя; 3) устройство судоходныхъ каналовъ и надзоръ за ними и 4) водоснабженіе большихъ городовъ.

Банки, страхование, судоходное дѣло, водоснабженіе — все это предпріятія, которыя либо уже превращены, либо не замедлятъ превратиться въ общественныя (Services publics), и въ то же время область акціонерныхъ обществъ простерлась далеко за узкіе предѣлы, опредѣленные ей Адамомъ Смитомъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что довольно часто сегодняшняя утопія превращается въ завтрашнюю дѣйствительность. Небезопасно по этому поводу напомнить, что доводы, приведенные въ настоящее время противъ общественной организаціи производства, насколько не отличаются отъ тѣхъ, какіе нѣкогда приводились противъ акціонерныхъ обществъ.

Въ эпоху основанія первыхъ акціонерныхъ банковъ Лордъ Оберстонъ, опытный англійскій банкиръ, выразилъ сомнѣнія насчетъ ихъ будущности по соображеніямъ, поразительно напоминающимъ возраженія, приводимыя въ наше время противъ государственныхъ банковъ: «Мнѣ кажется, поворочилъ онъ, что независимо отъ того, что отвѣтственность раздѣляется въ нихъ между многими лицами, акціонерные банки лишены всего необходимаго для усилившаго веденія банковыхъ дѣлъ. Последніе предполагаютъ постоянное присутствіе лицъ неослабно внимательныхъ ко всякимъ мелочамъ, требуютъ съ ихъ стороны такой всухышной бдительности, какой не требуетъ никакое другое дѣло. Приходится принимать немедленныя рѣшенія, не выжидая ни на какія наличныя обстоятельства, такъ какъ во многихъ случаяхъ никакое замедленіе недопустимо. Помимо того, каждый отдѣльный случай требуетъ особаго образа дѣйствій. Между тѣмъ, акціонерные банки вынуждены будутъ доирать свои дѣла служащими, которыхъ придется связать установленными общими правилами; служащіе эти, въ отличіе отъ обыкновенныхъ банкировъ,

не будутъ пользоваться свободой поступать сообразно обстоятельствамъ: они не смогутъ также съ достаточной компетентностью рѣшать вопросы объ открытіи кредитовъ, потому что у нихъ не будетъ возможности детально знакомиться со всѣми подробностями каждаго даннаго дѣла».

Не смотря на всѣ эти убѣдительныя на первый взглядъ возраженія, акціонерныя банки, благодаря превосходству, обезпечиваемому за ними крупнымъ капиталомъ, все больше и больше вытѣсняють болѣ скромныя частныя предпріятія: въ 1896 г. Англія насчитывала 102 акціонерныхъ банка съ 2695 отдѣленіями и агентствами, вклады въ которые достигали 455 милліоновъ, а основной капиталъ 43 мил. фунтовъ стерлинговъ. Число же частныхъ банковъ упало съ 201 въ 1844 г. до 38 со вкладами на сумму въ 70 милліоновъ и съ основнымъ капиталомъ, едва достигающимъ 12 милліоновъ фунтовъ.

То же самое явленіе наблюдается и во всѣхъ другихъ промышленныхъ странахъ, а также во всѣхъ главныхъ отрасляхъ производства и обмѣна. Повсюду анонимныя общества и крупная промышленность развиваются на счетъ частныхъ фирмъ и мелкаго производства.

Относительно Германіи это обнаружится съ особенной очевидностью, когда мы сравнимъ данныя промышленныхъ переписей 1882 и 1895 г.г.

Въ Англіи (по даннымъ Joint Stock Year Book) число анонимныхъ обществъ почти утроилось съ 1895 г. Нѣкоторыя отрасли промышленности цѣликомъ перешли отъ формы индивидуальныхъ предпріятій къ формѣ обществъ. Въ пивовареніи это превращеніе совершилось въ трехлѣтній періодъ 1886—1889 г.

Та же тенденція замѣчается и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ штатѣ Массачузетсъ, напримѣръ, число частныхъ фирмъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности увеличилось за десятилѣтній періодъ 1885—1895 г. на

9,33%, между тѣмъ, какъ приростъ акціонерныхъ обществъ достигъ 77%.

Въ девяти же главныхъ отрасляхъ, производящихъ 47% общей стоимости всѣхъ товаровъ, развитие акціонерныхъ обществъ сопровождалось значительнымъ сокращеніемъ числа частныхъ фирмъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ прилагаемой таблицы.

Отрасли промышленности	Частныя фирмы	Общества	Сюзы, синдикаты и жел. дор.	Общее число заведений	Участники части. фирмъ.		Акціонеры	
					общее число	% увелич. по сравнен. съ 1885 г.	общее число	% увелич. по сравнен. съ 1885 г.
Обувь	1990	84	—	2,074	2645 (а)	12,82	1023	145,99
Ковры	5	9	—	14	7 (а)	83,33	1067	13,88
Хлопчат. бумага	43	145	—	188	72 (а)	25,77	22,113	52,93
Кожн	180	20	—	200	(в) 780 (а)	10,55	(с) 391	637,74
Машины и машинныя части	500	153	7	660	712 (а)	5,94	5223	194,92
Металлы и металлич. издѣлія	2161	147	1	2309	2594 (а)	21,23	3935	42,26
Бумага и бумажныя издѣлія	68	91	1	160	123 (а)	25,90	1663	39,98
Шерсть	121	45	—	166	190 (а)	24,00	1268	35,04
Пряжи	17	14	—	31	36	50,00	497	104,53
Другія отрасли	19,495	917	52	20,463	23,256	17,36	20,011	0,27
ИТОГО	24,579	1625	61	26,265	—	7,34	57,191	33,84

Эта таблица, относящаяся къ одной изъ самыхъ промышленныхъ странъ земного шара, доказываетъ, что концентрація капиталовъ совершается съ интенсивностью далеко неодинаковой для разныхъ отраслей производства.

Но повсюду, куда ни проникаетъ капитализмъ, возникаетъ борьба за существованіе между отдѣльными предпріятіями.

Наиболѣе слабо оборудованныя отстаиваютъ свое существованіе съ энергіей отчаянія. Они дѣлаютъ сверхчеловѣческія усилія, чтобы избѣжать банкротства, и невзгоды, вытекающія для нихъ изъ ихъ технической отсталости, они стараются уравнивать непозволительнымъ удлиненіемъ рабочаго дня.

На этой ступени развитія производство носитъ анархическій характеръ, и личность не имѣетъ никакой власти надъ ходомъ событій.

Какое нибудь политическое событіе, происходящее на другомъ концѣ свѣта, война, плохой урожай, техническій переворотъ, измѣненіе въ системѣ налоговъ или пошлинъ, можетъ каждый день разорить самаго мысленнаго и освѣдомленнаго промышленника. Буры осаждаютъ Кимберлей: въ результатѣ разореніе антверпенскихъ или амстердамскихъ торговцевъ алмазами.

Американскій хлопокъ поднимается въ цѣнѣ на 30 сант. на килограммъ (въ ноябрѣ 1899 г.): бумагопрядильная и хлопчатобумажная промышленности претерпѣваютъ страшный кризисъ, не зирая на оживленіе во всѣхъ остальныхъ промышленныхъ центрахъ.

Воцаряется протекціонистская политика Мелина: брюссельскіе владѣльцы виноградниковъ, главные поставщики винограда для французскаго стола, лишаются своего главнаго рынка.

Представьте себѣ, что въ одинъ прекрасный день континентальныя страны отмѣнятъ акцизы и вывозныя

преміи на сахаръ, вынуждающія насъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ покупающіе его у насъ англичане. Это приведетъ къ разоренію англійскихъ фабрикъ бисквитовъ, варенья, сироповъ и мармеладовъ, пользующихся нынѣ низкими цѣнами на сахаръ на лондонскомъ рынкѣ.

Допустите, наоборотъ, что англосаксонскіе империалисты, съ цѣлью оказать покровительство производству тростниковаго сахара въ колоніяхъ, облагаютъ высокими ввозными пошлинами изготовляемый въ Европѣ свекловичный сахаръ. Это означало бы разореніе сахарной промышленности на континентѣ.

Капиталисты живутъ, такимъ образомъ, подъ вѣчной угрозой неотразимыхъ бѣдствій. При этомъ постоянно оказывается,—и, въ этомъ случаѣ, промышленная анархія достигаетъ своего апогея,—что наиболѣе сильные изъ нихъ стараются остаться единственными хозяевами положенія и разоряютъ своихъ конкурентовъ, продавая нѣкоторое время свои продукты ниже стоимости. Примѣромъ сказаннаго можетъ служить исторія двухъ американскихъ компаній, попытавшихся монополизировать перевозку скота непрерывнымъ пониженіемъ тарифа. Наконецъ, одна изъ нихъ, не будучи въ состояніи продолжать борьбу, закупила весь скотъ района и поручила его перевозку своей соперницѣ.

Прибѣгая къ аналогичнымъ приемамъ, Джонъ Рокфеллеръ, одинъ изъ нефтяныхъ королей, овладѣлъ рудниками Верхняго озера. Захвативъ самые богатые рудники, при эксплуатаціи которыхъ онъ примѣнялъ наиболѣе усовершенствованныя орудія производства, онъ затѣялъ сильнѣйшую конкуренцію съ соседними рудниками. Когда послѣдніе падали въ этой борьбѣ, онъ приобрѣталъ ихъ за безцѣнокъ, если находилъ ихъ въ достаточной степени доходными. Если же они слишкомъ долго держались, онъ начиналъ продавать руду ниже рыночной

цѣны, заставляя, такимъ образомъ, и своихъ сосѣдей понижать цѣны до разорительныхъ для нихъ размѣровъ. Онъ безъ всякаго затрудненія переносилъ въ этомъ случаѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ убытки, такъ какъ обладалъ самой толстой монной и понималъ, что монна его конкурентовъ истощится раньше.

Впрочемъ, подобныя продѣлки представляютъ собою ходячую монету въ сношеніяхъ между капиталистами.

Могутъ, пожалуй, сказать, что потребители остаются при этомъ въ выигрышѣ. Да, но до того момента только, пока побѣдители, отдѣлавшись отъ своихъ соперниковъ, начинаютъ съ избыткомъ вознаграждать себя за временныя убытки, заставляя публику уплачивать себѣ военныя издержки.

«Конкуренція, сказалъ Прудонъ, убиваетъ конкуренцію».

Раньше или позже наступаетъ моментъ, когда неудобства этого порядка вещей, этой *постоянной анархїи*, достигаютъ такихъ размѣровъ, что сами капиталисты пытаются положить этому конецъ путемъ разнаго рода соглашеній. Когда-же остается только небольшое число хорошо вооруженныхъ конкурентовъ, выступающихъ другъ противъ друга въ качествѣ непобѣдимыхъ соперниковъ, то они вступаютъ въ соглашеніе, съ цѣлью прекращенія этой безполезной и разорительной борьбы.

Тогда-то начинается новая стадія капиталистической эволюціи: наступаетъ эра *картелей и трестовъ*.

§ 2. Капиталистическія монополїи.

Переходъ отъ анархїи къ монополїи представляетъ двѣ послѣдовательныя ступени: первая характеризуется неполнымъ (*картели*), а вторая — полнымъ сліяніемъ (*тресты*) промышленныхъ и торговыхъ предпрїятій.

1. Картели.

Картель есть свободный и условный союзъ, заключенный между предпринимателями одной и той же отрасли промышленности, съ цѣлью монополизировать сообща рынокъ, сохраняя въ то же время за своими предпріятіями большую или меньшую самостоятельность.

Переходя отъ наиболѣ простыхъ къ наиболѣ сложнымъ формамъ картелей, можно различить слѣдующія 4 разновидности: картели для нормировки цѣнъ, картели, регулирующія производство, картели для разграниченія рынковъ сбыта и картели для распределенія прибыли.

1. Картели для нормировки цѣнъ.

Это наиболѣ простая форма картели; она представляетъ изъ себя союзъ, соглашеніе, на основаніи котораго нѣкоторые или все промышленники одной и той же отрасли производства обязываются платить за перерабатываемое ими сырье не выше установленной цѣны или же продавать по условленной цѣнѣ изготавливаемые ими продукты.

Какъ на примѣръ картели перваго типа можно указать на картель сахарозаводчиковъ, цѣль которой — заставить сельскихъ хозяевъ продавать свою свекловичу по установленной картелью цѣнѣ.

Что же касается картелей втораго типа, то онѣ особенно развились за послѣдніе нѣсколько лѣтъ, и, главнымъ образомъ, въ отношеніи громоздкихъ товаровъ. Перевозка такихъ товаровъ обходится дорого, а посему продажа ихъ ограничена опредѣленнымъ райономъ. Промышленники пользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобы поднять цѣны на означенные продукты, не опасаясь серьезной конкуренціи со стороны слишкомъ отдаленныхъ соперниковъ.

Примѣромъ могутъ служить коксовые и каменноугольные картели, существующія нынѣ почти во всѣхъ странахъ. Въ Бельгiи, напримѣръ, давно уже установилось полное соглашенiе между всеми владѣльцами каменноугольныхъ бассейновъ насчетъ продажной цѣны угля, идущаго на домашнее потребленiе. Что же касается жирнаго угля—этого чернаго хлѣба промышленности,—то углепромышленники недавно соединились въ синдикаты, которымъ удалось сильно поднять цѣны на уголь, что ложится, конечно, тяжелымъ бременемъ на всѣхъ остальныхъ промышленниковъ.

Чтобы хоть сколько нибудь обуздать крайнiя притязанiя этихъ «черныхъ бароновъ», управленiе желѣзныхъ дорогъ рѣшило сдѣлать закупки угля въ Англiи, а комиссiя сената — знаменiе времени — высказалась за эксплуатацiю государствомъ опредѣленнаго количества каменноугольныхъ коней во избѣжанiе повторенiя подобныхъ явленiй.

2. Картели, регулирующiя производство.

Это такая картель, гдѣ предприниматели обязываются сократить свое производство, каждый въ опредѣленной пропорцiи.

Данная форма картелей встрѣчается очень часто въ стеклянной, сахарной и другихъ отрасляхъ промышленности.

Въ ноябрѣ 1899 г. подобная картель была основана въ бумагопрядильной промышленности, причемъ эта картель сумѣла объединить 760.000 изъ общаго числа 886.000 существовавшихъ тогда въ Бельгiи веретенъ.

«Чтобы помочь—читаемъ мы въ *Revue du Travail*—кризису, вызванному унетающимъ влiянiемъ ненормально огромнаго запаса, и чтобы избѣгнуть полнаго прекра-

щенія производства, неизбежнаго въ ближайшемъ будущемъ, бельгійское общество бумагопрядильщиковъ постановило сократить рабочее время на определенномъ числѣ бумагопрядильныхъ фабрикъ («*Schort time*»), дабы, такимъ образомъ, сократить производство на $\frac{1}{6}$.

Соглашенія этого рода являются логическимъ слѣдствіемъ, можно даже сказать неперемѣннымъ условіемъ существованія картелей для нормировки цѣнъ. До тѣхъ поръ, пока производство не ограничено, соглашенія, клонящіяся къ нормировкѣ цѣнъ, не могутъ быть прочными.

Вообще говоря, можно замѣтить, что подобнаго рода промышленныя соглашенія, которымъ всегда угрожаетъ! внѣшняя конкуренція или внутренняя измѣна, упрощается только по мѣрѣ того, какъ наиболѣе простыя ихъ формы переходятъ въ болѣе сложныя.

3. Картели для разграниченія рынковъ сбыта.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ картелями, не ограничивающимися нормировкой цѣнъ и регулированіемъ производства. Они характеризуются главнымъ образомъ распредѣленіемъ сбыта и заказовъ по географическимъ районамъ. Устанавливаютъ такъ называемыя «сферы вліянія» для каждаго картелизованнаго промышленника; въ предѣлахъ своего округа послѣдній вполне свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но онъ не имѣетъ права вторгаться въ округъ своего сосѣда.

Самымъ типичнымъ изъ картелей этого рода — все болѣе и болѣе распространяющихся въ каменноугольной и металлургической промышленности — является синдикатъ рейнско-вестфальскихъ углепромышленниковъ. Потребителямъ и торговцамъ, желающимъ покупать рейнско-вестфальскій уголь, приходится имѣть дѣло не съ отдѣльными, конкурирующими между собою обществами, а съ однимъ, общимъ для всѣхъ, комитетомъ, которому син-

дикать поручаетъ руководительство дѣломъ продажи всего вырабатываемаго конями угля. Мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ распределеніемъ заказовъ въ зависимости отъ мѣста ихъ происхожденія, но тутъ еще нѣтъ распределенія прибыли, которое мы найдемъ въ наиболѣе развитой формѣ картели.

4. Картели для распределенія прибыли.

Эти картели оставляютъ предпріятія раздѣльными и предоставляютъ имъ извѣстную самостоятельность, но прибыль распределяется пропорціонально вложенному каждому изъ нихъ капиталу.

Какъ на образецъ такого рода синдикатовъ, можно указать на *The Dynamite trust Company*, который объединилъ большинство англійскихъ и нѣмецкихъ динамитныхъ фабрикъ и заключилъ съ остальными динамитными и пороховыми фабриками этихъ странъ договоръ относительно распределенія прибыли.

Картелями послѣдняго рода достигается почти полное обобществленіе промышленности. Однако, какъ бы могущественны и хорошо организованы ни были эти предпріятія, камнемъ преткновенія для нихъ всегда служитъ, помимо внутреннихъ распрей, возможность конкуренціи со стороны новыхъ обществъ. Въ особенности возможность эта мыслима въ каждый данный моментъ въ отношеніи торговыхъ предпріятіи, въ которыхъ большая часть капитала въ противоположность промышленности, составляетъ оборотный капиталъ. Необходимо, поэтому, противопоставить этимъ предполагаемымъ конкурентамъ такую могучую организацію, такіе крупные капиталы, чтобы всегда быть въ силахъ раздавить вновь возникшія предпріятія.

II. Тресты.

Такимъ образомъ, путемъ незамѣтнаго перехода, мы приближаемся къ тому моменту, когда картели, становясь все болѣе и болѣе сложными, превращаются въ *тресты*, представляющіе уже собою полное сліяніе соединившихся предпріятій.

Каждому извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ развитіе капитализма не встрѣчало на своемъ пути тѣхъ препятствій, которыя оно находитъ въ Европѣ въ видѣ пережитковъ прошлаго, эта форма уже въ настоящее время является господствующей.

«Все теперь организуется въ тресты, — сказалъ одинъ чикагскій гражданинъ Полю де-Рузье, собиравшему документы и показанія для труда о монополизированной промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ.— Взгляните на эти огромные магазины для розничной продажи: вы найдете въ нихъ кухонную утварь [и обувь, мебель и бѣлье; они убиваютъ мелкую торговлю, сдѣлавъ для нея невозможной конкуренцію и превращаютъ въ служащихъ людей, способныхъ вести свои собственные независимыя предпріятія. Взгляните на эти колоссальныя двадцатиэтажныя желѣзныя и каменные зданія, гдѣ помѣщаются тысячи бюро, конторъ и банковъ. Они непомерно повышаютъ цѣны на прилегающіе земельные участки и обезцѣниваютъ отдаленныя земли, не находящія себѣ покупателей, вслѣдствіе чрезмѣрнаго нагроможденія этажей въ торговыхъ кварталахъ города. Взгляните на эти гигантскія скотобойни, на которыхъ производятся всѣ работы по убою скота и приготавливаются мясные консервы. Мелкій мясникъ у насъ совершенно исчезъ: заготовленное соответствующимъ образомъ мясо развозится въ вагонахъ-холодильникахъ по всѣмъ городамъ Штатовъ, гдѣ продажей его занимаются торговцы. Взгляните на эти огром-

ныя мельницы въ Минеаполисѣ, снабжающія мукой весь сѣверо-западъ государства. Взгляните на эти крупныя желѣзнодорожныя компании, уничтожающія или поглощающія своихъ мелкихъ соперницъ. Керосинъ, сахаръ, водка, антрацитъ, крахмалъ, сталь, льняное и конопляное масло, каучукъ и многое другое, все это, въ концѣ концовъ, монополизировано нѣсколькими личностями.

По даннымъ «Journal of commerce and commercial bulletin» Соединенные Штаты насчитывали въ мартѣ 1899 года 353 различныхъ размѣровъ треста съ общимъ капиталомъ въ 5.832.882.842 долларовъ, т. е. приблизительно въ 11½ миллиардовъ рублей.

За промежутокъ времени отъ марта 1899 года до мая 1900 г. основалось множество новыхъ трестовъ, и въ статьѣ, посвященной трестамъ въ «Revue des Revues», мы находимъ уже слѣдующую картину: «если сложить, говорить авторъ этой статьи, капиталы разныхъ трестовъ, функционирующихъ почти повсемѣстно, но оффиціально зарегистрированныхъ въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ, то, по всей вѣроятности, получится цифра немногимъ меньше 20 миллиардовъ рублей, т. е. сумма, въ 10 разъ превышающая уплоченную Франціей военную контрибуцію послѣ франко-прусской войны 1870 года.»

Изъ числа этихъ гигантскихъ трестовъ самими могущественными и послужившими образцомъ для всѣхъ остальныхъ являются, несомнѣнно, керосиновый, сахарный и стальной тресты.

Керосиновый трестъ—The Standard Oil Company, существующій съ 1872 года, владѣетъ всѣми нефтепроводами, достигающими нерѣдко 500—600 километровъ длины каждый, соединяющими промыслы нефтеносныхъ областей Пенсильваніи съ нефтеочистительными заводами на берегахъ Атлантическаго океана и большихъ озеръ. Всѣ эти заводы принадлежатъ тресту. Весь огромный капи-

таль (200 милліоновъ дол.), вложенный въ этотъ трестъ, принадлежитъ всего 9 лицамъ. Ихъ монополія, противъ когорой оказались безсильными всѣ репрессивные законы, почти абсолютна. Трестъ этотъ вошелъ, кромѣ того, въ соглашеніе съ нефтепромышленниками Галиціи и Кавказа, создавъ, такимъ образомъ, тройственный союзъ новаго типа, при помощи котораго американскіе Рокфеллеры и лондонскіе и вѣнскіе Ротшильды подѣлили между собой снабженіе Европы керосиномъ. Сахарный, правильнѣе сахаро-рафинадный трестъ (The American-Sugar Refining-Company), основанный подъ покровительствомъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ, монополизируетъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ все сахарное производство, тогда какъ еще въ 1880 году Соединенные Штаты насчитывали 149 фирмъ, располагавшихъ, въ общемъ, капиталомъ въ 277 милліоновъ долларовъ. Чтобы упрочить свою монополію, этотъ трестъ пріобрѣлъ въ собственность желѣзныя дороги и различныя фабрики; помимо этого онъ является участникомъ массы другихъ предиріятій, какъ напримѣръ, мучного треста штатовъ Нью-Йорка и Миннесотти, треста магазиновъ въ Бруклинѣ, трамваевъ въ Провиденсѣ, нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ компаній и нѣкоторыхъ банковъ.

Стальной трестъ обязанъ своимъ основаніемъ (въ 1870 г.) союзу питебургскаго владѣльца сталелитейныхъ заводовъ Карнеджи съ Рокфеллеромъ, королемъ нефтяныхъ промысловъ и желѣзныхъ рудниковъ.

Карнеджи занимаетъ первое мѣсто среди владѣльцевъ сталелитейныхъ бессемеровскихъ заводовъ въ центрѣ самаго богатаго каменноугольнаго бассейна Пенсильваніи, этой обѣтованной земли каменнаго угля. Если бы руда Верхняго озера могла быть доставлена въ Питебургъ на такихъ же выгодныхъ условіяхъ, какъ въ Чикаго

или Кливлендъ, побѣда надъ конкурентами была бы обезпечена.

Съ другой стороны, какъ мы замѣтили выше, Рокфеллеру удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ богатѣйшіе залежи Верхняго озера. Онъ приобрѣлъ въ собственность желѣзныя дороги, построилъ доки, снарядилъ флотъ изъ огромныхъ кораблей, специально приспособленныхъ для перевозки руды. Къ концу 1896 г. этотъ флотъ достигъ такой силы, что Рокфеллеру удалось, путемъ конкуренціи, разорить владѣльцевъ старыхъ судовъ, занимавшихся перевозкой руды. «Желѣзный король, говоритъ Де Рузье, получилъ возможность протянуть руку стальному и въ союзъ съ нимъ выдержать какіе угодно натиски какихъ бы то ни было коалицій». При такихъ именно условіяхъ и возникла *Rokfeller Carnegie Combination*. Компанія Верхняго озера сдала на 50 лѣтъ въ аренду свои рудники и флотъ компаніи Карнеджи, которая превращается съ тѣхъ поръ въ полного хозяина рынка.

Послѣдствія этой концентраціи оказались, естественно, губительными для всѣхъ остальныхъ предпринимателей, но нельзя сказать, чтобы отъ нея пострадали интересы потребителей. Не уменьшая своихъ, барышей *Carnegie-Rokfeller* получили въ то же время возможность понизить цѣны на свои товары и предпринять завоеваніе европейскаго рынка.

Серьезныя политическія и соціальныя неудобства этихъ большихъ монополій до нѣкоторой степени уравновѣшиваются преимуществами, вытекающими изъ обобществленія труда и техническаго превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ. Невершенныя орудія, отсталые способы производства, устарѣлыя формы промышленности исчезаютъ подъ давленіемъ конкуренціи и систематически устраниются самимъ же управленіемъ тре-

стовъ. Водочный трестъ, напр., сплотившій 80 заводовъ, въ самомъ же началѣ своего основанія закрылъ изъ нихъ 68 заводовъ и сконцентрировалъ производство въ 12-и остальныхъ, снабженныхъ всеми усовершенствованіями новѣйшей техники.

Благодаря этимъ пріемамъ искусственнаго подбора, приводящимъ, въ послѣднемъ счетѣ, къ удешевленію производства, часто случается, что тресты, основанные съ цѣлью поднять цѣны на продукты, кончаютъ черезъ нѣкоторое время пониженіемъ этихъ цѣнъ. Основательно, однако, то, что первое время потребителямъ приходится платить дороже, чѣмъ до основанія треста. Да и послѣ того, какъ преимущества крупной промышленности приводятъ къ рыночному удешевленію товаровъ, потребителямъ все же приходится платить за продукты дороже цѣнъ, которыя могли бы установиться при отсутствіи монополіи производства.

«Скоро невозможно будетъ, сказалъ одинъ американскій журналистъ, ни выпить, ни поѣсть, ни одѣться, ни потребить вообще чего бы то ни было безъ того, чтобы не уплатить при этомъ налога какому-нибудь тресту».

То же замѣчаніе сохраняетъ свою справедливость и по отношенію къ другимъ предметамъ потребленія. Благодаря болѣе высокой производительности труда, тресты съ возрастающей быстротой захватываютъ все отрасли промышленности, все болѣе и болѣе утверждая свое тройное господство: экономическое, социальное и политическое. Ибо не только потребители, съ точки зрѣнія экономической, но также—и главнымъ образомъ—и рабочіе, съ точки зрѣнія социальной, вся совокупность гражданъ, съ точки зрѣнія политической, испытываютъ неисчислимыя неудобства того строя, въ которомъ все сводится къ господству крупныхъ богачей.

Не подлежит, само собою разумѣется, никакому сомнѣнію, что концентрація, достигаемая трестами, усиленная связь между предпринимателями и увеличивая резервную армію труда, въ соотвѣтственной степени ослабляетъ относительную силу рабочихъ союзовъ.

Съ другой же стороны, когда рабочіе, приходя къ сознанию того, что одной экономической борьбы недостаточно, чтобы обезпечить себѣ побѣду, принимаются за борьбу политическую,—они сталкиваются съ плутократіей господствующихъ классовъ, занимающей всѣ видныя мѣста, торгующей парламентскими мандатами, воздѣйствующей на слишкомъ часто развращенныхъ депутатовъ и администраторовъ. Это тресты царятъ въ Бѣломъ домѣ; это они совѣщаются въ парламентѣ; это они устанавливаютъ въ свою пользу охранныя пошлины и рѣшаютъ въ послѣдней инстанціи вопросы внѣшней политики.

Какъ бы, однако, ни была ненавистна ихъ тиранія, какъ бы возмутительны ни были злоупотребленія капиталистическаго господства, они не должны заставить забыть о томъ, что крупныя монополіи, централизуя производительныя силы, готовятъ и облегчаютъ переходъ къ новому строю. Пытаться затормозить развитіе трестовъ значило бы препятствовать самому прогрессу промышленности; обращеніе ихъ преимуществъ на пользу всего общества—такова должна быть преслѣдуемая цѣль. Эта мысль прекрасно выражена американскимъ экономистомъ Даніель-де-Лиономъ: «развитіе способовъ производства, непрерывное усовершенствованіе орудій труда—вотъ лѣстница, по которой человѣчество поднималось къ цивилизациіи. Трестъ занимаетъ вершину этой лѣстницы. Онъ находится въ центрѣ разыгрывающейся на нашихъ глазахъ соціальной драмы. Крупная буржуазія стремится сохранить его для своего исключительнаго пользованія;

средняя и мелкая буржуазія пытается сломить его, повернувъ, такимъ образомъ, въ обратную сторону колесо цивилизаціи; пролетаріатъ старается его сохранить, усовершенствовать и передать въ общественное пользованіе».

ГЛАВА III.

В о з р а ж е н і я .

„Opportet haereses esse“.

Тертуллианъ.

Если мы попытаемся окинуть взоромъ только что описанную нами промышленную эволюцію, то она представится намъ въ видѣ гигантскаго постояннаго усиленія, продолжавшагося на протяжении вѣковъ и направленнаго въ сторону обобществленія труда путемъ концентраціи средствъ производства и обмѣна.

Эта концентрація проявляется въ двухъ различныхъ направленіяхъ: 1) концентрація промышленныхъ заведеній; 2) концентрація предпріятій.

Съ одной стороны, во многихъ отрасляхъ промышленности мелкія промышленныя заведенія, влѣдствіе своей технической отсталости, либо совсѣмъ исчезаютъ, либо начинаютъ играть исключительно мѣстную и второстепенную роль.

Съ другой стороны, частныя промышленныя предпріятія, постоянно расширяя свой кругъ дѣятельности, кончаютъ тѣмъ, что уступаютъ мѣсто анонимнымъ или кооперативнымъ обществамъ, соединяющимъ капиталы, необходимые для крупнаго производства. Затѣмъ слѣдуютъ промышленные союзы, картели и, наконецъ, трестъ—полная монополія, болѣе или менѣе устойчивая, объединенная организація производства и обмѣна.

Въ большей или меньшей степени это наблюдается уже въ отрасляхъ промышленности, *обычно разсматриваемыхъ въ качествѣ основныхъ*, но той ли причинѣ, что онѣ удовлетворяютъ насущнымъ потребностямъ, по-

тому ли, что онѣ доставляютъ сырье другимъ отраслямъ производства, оттого ли, наконецъ, что всеобщій характеръ услугъ, оказываемыхъ ими людямъ, заставляетъ разсматривать самое производство ихъ, какъ общественное дѣло.

Таковы, напр., желѣзные дороги и каналы, учетные эмиссіонные банки, почта, телеграфъ и телефонъ, страхованіе.—однимъ словомъ центральные органы того огромнаго механизма, который обезпечиваетъ, облегчаетъ, ускоряетъ и регулируетъ круговое обращеніе богатствъ и взаимныя сношенія людей.

Изъ отраслей, производящихъ сырье, можно указать на доставляющія уголь, желѣзо, дерево и камень: наконецъ, отрасли, производящія и доставляющія продукты, удовлетворяющія наиболѣе широко распространеннымъ потребностямъ всего общества, каковы хлѣбъ и вода, соль и сахаръ, керосинъ и газъ, табакъ и спиртъ, одежда, обувь и, въ меньшей степени, молоко, масло, маргаринъ, колониальные и аптекарскіе товары и мн. др.

Во всѣхъ этихъ отрасляхъ занято безусловно огромное большинство рабочихъ. Если бы эти отрасли были превращены въ общественную собственность, область частной промышленности была бы сужена весьма замѣтнымъ образомъ. А между тѣмъ, ужъ въ настоящее время довольно значительное число указанныхъ отраслей либо вполне, либо отчасти обобществлены: напомнимъ монополіи на табакъ, соль и спиртъ; эксплуатацію государствомъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и телефоновъ; болѣе или менѣе полное обобществленіе эмиссіонныхъ банковъ съ участіемъ государства въ полученіи прибыли; муниципализацію водопроводовъ, газоваго и электрическаго освѣщенія, трамваевъ, скотовоенъ; переходъ въ общественную или общинную собственность лѣсовъ, рудниковъ, каналовъ и дорогъ.

Что же касается основныхъ отраслей промышленности, остающихся въ сферѣ дѣятельности частнаго ка-

пигала, то всё онѣ — въ силу ихъ крупнаго масштаба, обусловленнаго обширнымъ спросомъ — достигли высокой степени капиталистической концентрации: телеграфы въ Соед. Шт. принадлежатъ двумъ компаніямъ; страхованіе жизни на всемъ земномъ шарѣ сконцентрировано въ рукахъ нѣсколькихъ обществъ; центральные эмиссіонные банки, даже въ томъ случаѣ, когда они не пользуются законодательной монополіей, естественнымъ путемъ уничтожаютъ остальные; керосиновый тройственный союзъ, водочный и сахарный тресты обезпечиваютъ господство горсти капиталистовъ; металлургическая, угольная, текстильная отрасли промышленности представляютъ собой наиболѣе усовершенствованные типы крупнаго производства. И даже въ области сбыта съѣстныхъ припасовъ и одежды, которая, казалось бы, составляетъ исключеніе изъ общаго правила, крупные магазины, кооперативныя общества, разныя формы технической и торговой концентраціи начинаютъ совершенно вытѣснять или подчинять себѣ огромное количество мелкихъ промышленниковъ.

Каково бы поэтому ни было число вспомогательныхъ отраслей промышленности, порождаемыхъ прогрессивнымъ раздѣленіемъ труда, не подлежитъ сомнѣнію, что въ недалекомъ будущемъ всё основныя отрасли обобществятся, по крайней мѣрѣ въ отношеніи производства. И указанная тенденція къ централизаціи проявляется съ такой очевидностью, что даже противники общественной организаціи производства принуждены признать это. Они оспариваютъ однако общее значеніе этого факта; они отвергаютъ вытекающіе изъ него выводы и, сходясь въ этомъ смыслѣ съ нѣкоторыми коллективистами, противопоставляютъ «догмѣ капиталистической концентраціи» цѣлый рядъ возраженій, изъ которыхъ наиболѣе существенныя сводятся къ слѣдующему:

«1. Число мелкихъ предиріятій, по крайней мѣрѣ въ торговлѣ и сельскомъ хозяйствѣ, увеличивается вмѣсто того, чтобы уменьшаться; нельзя поэтому говорить объ общемъ законѣ капиталистической концентраціи, воздѣйствующемъ на все отрасли производства».

«2. Мало того, концентрація производства не обуславливаетъ концентраціи богатствъ, которыя не сосредоточиваются исключительно въ рукахъ нѣсколькихъ магнатовъ капитализма: число зажиточныхъ людей увеличивается; анонимныя общества демократизируютъ капиталы».

«3. Даже въ средѣ самого рабочаго класса ростъ сбереженій возстанавливаетъ, въ иной формѣ, мелкую собственность».

«Неправы, слѣдовательно, утверждающіе, что развитіе капитализма ведетъ къ образованію двухъ противостоящихъ другъ другу классовъ, изъ которыхъ одинъ обладаетъ собственностью, но ничего не производитъ, а другой производитъ все, но лишень всякой собственности».

Мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи разсмотрѣть насколько основательны все эти возраженія.

§ 1. Сбереженія рабочихъ.

Бельгійская анкета 1892 г. о заработной платѣ и бюджетахъ рабочихъ позволяетъ намъ точно опредѣлить размѣры той «капиталистической собственности», которую пролетаріатъ накопляетъ въ сберегательныхъ кассахъ. Результаты этой анкеты показываютъ, что доходы рабочихъ семействъ, относительно которыхъ собраны данныя, только въ размѣрѣ 1,8% своей общей суммы имѣли своимъ источникомъ не заработную плату и помощь, оказываемую общественнымъ призрѣніемъ.

Правда, 532 милліона фр., вложенныхъ въ сберегательныя кассы въ 1898 г.—сумма въ достаточной сте-

пени внушительная. «Больше полумилліарда!» скажутъ иные: «это что-нибудь да значить!» Да, конечно!—Но не слѣдуетъ забывать, что эти полмилліарда распределяются между полутора милліонами вкладчиковъ; что наиболѣ крупные вклады принадлежатъ не рабочимъ семьямъ, и что, наконецъ, если даже учесть все, то на долю одного вкладчика придется въ среднемъ 372 фр. 87 с., что даетъ ежегодный доходъ въ 13 фр. 05 сант.!

Изъ 1000 сберегательныхъ книжекъ 422 приходились на книжки со вкладами отъ 1 до 20 фр.; 192—отъ 21 до 100 фр.; 186—отъ 101 до 500 фр.; 69—отъ 501 до 1000 фр., и 130—отъ 1001 фр. и выше.

Такимъ образомъ, больше 60% этихъ сберегательныхъ книжекъ составляли книжки на сумму меньшую 100 фр. Если вы къ этой суммѣ прибавите содержимое копилочекъ, вклады частныхъ сберегательныхъ кассъ, фонды рабочихъ товариществъ, капиталы, вложенные въ дешевыя рабочія жилища,—вы все же придете къ заключенію, что настойчивое желаніе представить пролетаріевъ мелкими капиталистами звучитъ горькой прониіей.!

§ 2. Демократизація капиталовъ.

«Среди социалдемократовъ, говоритъ Эдуардъ Берштейнъ, существуетъ само, пожалуй, напрашивающееся на умъ представленіе, что параллельно съ концентраціей промышленныхъ предпріятій растетъ и концентрація имущества.

«Но это, въ сущности, не такъ. Форма акціонернаго товарищества въ значительной степени противодѣйствуетъ тенденціи централизаціи имущества. Она допускаетъ весьма обширное дробленіе уже концентрировавшагося капитала и дѣлаетъ необязательнымъ въ результатѣ концентрированія промышленныхъ предпріятій присвоеніе прибыли отдѣльными капиталистами».

Мы нисколько не намѣрены отрицать справедливости положенія, на которомъ основывается это разсужденіе. Было бы въ высшей степени ошибочнымъ отождествлять эти два явленія: концентрацію капиталовъ и концентрацію производства.

Земельная собственность, на примѣръ, можетъ концентрироваться, въ то самое время, когда обработка земли раздробляется. Съ другой стороны возникновеніе крупныхъ предпріятій въ формѣ анонимныхъ обществъ само по себѣ еще не доказываетъ, что концентрація богатствъ идетъ параллельно съ концентраціей средствъ производства; но еще менѣе правы тѣ, которые вмѣстѣ съ Бернштейномъ заключаютъ, что централизація капиталовъ въ формѣ обществъ соотвѣтствуетъ децентрализаціи богатствъ въ формѣ акцій и облигацій.

Въ своемъ отвѣтѣ Бернштейну Каутскій очень ясно, напротивъ, доказываетъ, что доводы, на которые ссылаются обычно въ подтвержденіе этого положенія, либо не достигаютъ цѣли, либо явноошибочны.

Нельзя оспаривать того, что крупное производство увеличиваетъ абсолютное число капиталистовъ, живущихъ нетрудовыми доходами. Но въ то же время еще въ большихъ размѣрахъ растетъ число пролетаріевъ, и это двустороннее движеніе совершается на счетъ различныхъ категорій самостоятельныхъ производителей: ремесленниковъ, мелкихъ предпринимателей, крестьянъ-собственниковъ.

Ссылаются, правда, на данныя податной статистики о поступленіи подоходнаго налога, чтобы доказать, что число собственниковъ изъ промежуточнаго класса мелкой и средней буржуазіи, увеличивается, вмѣсто того, чтобы уменьшаться. Но допуская даже, что эта статистика заслуживаетъ того довѣрія, которое ей оказываютъ, слѣдуетъ все же имѣть въ виду, что увеличеніе числа *доходовъ*, превышающихъ минимумъ, необходимый для

существованія, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ увеличенія числа *собственниковъ-капиталистовъ*.

Въ дѣйствительности эти доходы могутъ имѣть своимъ источникомъ не собственность, а трудъ. Для Саксоніи, напр., Гербнеръ, основываясь на статистическихъ данныхъ 1879 и 1894 г.г., констатируетъ, что двѣ социальныя группы, относительный ростъ которыхъ наиболѣе силенъ, это рабочіе съ среднимъ достаткомъ и группа миллионеровъ.

Нижеприведенная таблица взята изъ книги Каутскаго. («Отвѣтъ Бернштейну»):

Лица, владѣющія доходами въ	1879	1894	Увеличеніе	
			Абсолютное.	о/о
800 марокъ	826,686	972,257	143,571	17,3
отъ 800 до 100 »	165,362	357,974	192,612	116,4
» 1600 » 3300 »	61,810	106,136	44,326	71,6
» 3300 » 9600 »	24,072	41,890	17,818	74,0
» 9600 » 54000 »	4,683	10,518	5,835	154,4
болѣе 54000 »	238	886	648	272,0

Огромное развитіе производительности отражается—несмотря на чрезвычайно многочисленныя исключенія—на общемъ благосостояніи: увеличивается въ нѣкоторой степени средняя заработная плата работниковъ и жалованіе служащихъ. То же развитіе благоприятствуетъ, однако, въ гораздо большей степени концентраціи богатствъ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ: XIX вѣкъ слышетъ не только вѣкомъ рабочихъ; его будутъ называть также вѣкомъ миллионеровъ.

Что касается акціонерныхъ обществъ, то они, правда, дѣлаютъ возможнымъ возникновеніе крупныхъ предпри-

ятій путемъ стягиванія мелкихъ капиталовъ; но вмѣсто того, чтобы вызывать дробленіе капиталовъ уже сконцентрированныхъ, они, наоборотъ, содѣйствуютъ еще большому ихъ сосредоточенію. Благодаря механизму этихъ обществъ, тысячи маленькихъ людей получаютъ возможность принимать участіе въ дѣлахъ Панамериканскаго канала, въ золотыхъ приискахъ Трансваала. Кто, однако, возьметъ на себя смѣлость вывести изъ этого заключеніе, что подобное стягиваніе мелкихъ сбереженій имѣетъ своимъ слѣдствіемъ болѣе равномерное распредѣленіе богатствъ? Не очевидно ли, наоборотъ, что вся эта мелкота, приобретающая акціи и облигаціи и незнакомая со всеми практикующимися продѣлками, подвергается гораздо большому риску, чѣмъ магнаты капитализма, оставляющіе себѣ самыя лакомые куски—львиную долю—и постоянно старающіеся помѣщать, для большей безопасности, свои капиталы въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ?

Увеличеніе числа акціонеровъ не означаетъ еще, такимъ образомъ, увеличенія числа собственниковъ; меньше всего означаетъ оно также дробленіе крупныхъ богатствъ: оно показываетъ только, что акціи дѣлаются преобладающей формой собственности.

Въ началѣ мы встрѣчаемъ земельную собственность, эту форму частной собственности по преимуществу, какъ бы связывающую брачными узами земледѣльца съ кормилицей—землей. На вершинѣ капиталистической эволюціи предметомъ собственности является бумажка, предоставляющая своему владѣльцу безличное право, раздѣляемое имъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ, на китайскія желѣзныя дороги, каучковые лѣса Конго или минеральныя богатства Клондайка.

И именно этому-то обезличенію капиталистической собственности, лишенной какой бы то ни было связи съ

зація соотвѣтствуетъ—до появленія крупныхъ магазиновъ—периодъ торговой децентрализаціи. Но, вообще говоря, эти безчисленные посредники, не придающіе товарамъ новой цѣнности, а только увеличивающіе на нихъ цѣны, въ сущности представляютъ собою ничто иное, какъ *внѣшнихъ агентовъ*, занимающихся распрѣдѣленіемъ продуктовъ капиталистической промышленности.

II. Сельско-хозяйственныя предпріятія.

Воздѣйствіе капитализма на сельское хозяйство выражается въ томъ, что онъ, увеличивая промышленное и торговое населеніе сельскихъ округовъ, благопріятствуетъ дробленію сельскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ—что вызываетъ повышеніе арендной платы—и быстрому росту мелкихъ культуръ, доставляющихъ овощи и картофель для рабочихъ семей.

Съ другой стороны—какъ мы это показали въ другомъ мѣстѣ и какъ Каутскій превосходно доказалъ въ одной изъ главъ своей книги объ аграрномъ вопросѣ—масса причинъ экономического и технического характера препятствуютъ развитію крупнаго земледѣльческаго хозяйства. Эти причины—недостаточность и дороговизна рабочихъ рукъ, все болѣе и болѣе стягивающихся къ городамъ и промышленнымъ центрамъ; вліяніе иностранной конкуренціи, болѣе опасной для крупныхъ фермеровъ, находящихся въ большей зависимости отъ рынка, чѣмъ сельскіе хозяева, производящіе продукты, главнымъ образомъ, для собственнаго потребленія; отсутствіе у арендатора всякаго интереса къ улучшенію своего участка, выгодному только для землевладѣльца и, въ послѣднемъ счетѣ, приводящему къ увеличенію арендной платы и т. д. Не взирая, однако, на такія препятствія, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Бельгій, число крупныхъ сельскихъ хозяйствъ въ настоящее время растетъ, а число мелкихъ уменьша-

ется, хотя въ началѣ развитія капитализма замѣчалось какъ разъ обратное явленіе.

Въ статистическомъ ежегодникѣ Бельгіи за 1900 г. мы, между прочимъ, находимъ слѣдующія строки: «Убыль (на 84,569) замѣчается исключительно въ хозяйствахъ ниже 5-ти гектаровъ, особенно-же въ хозяйствахъ ниже 2-хъ гект. Наоборотъ, число хозяйствъ выше 10 гект. увеличилось на 3.789. Въ этомъ случаѣ проявляется концентрація земельной собственности, соответствующая развитію крупной сельско-хозяйственной промышленности и скотоводства. Начиная съ 1880 г. происходитъ нѣчто противоположное тому, что наблюдалось въ періодъ времени между 1866 и 1880 г., когда число мелкихъ хозяйствъ значительно возросло, а число крупныхъ уменьшилось. Въ настоящее время мелкая земельная собственность уступаетъ мѣсто крупному».

Мы, само собою разумѣется, не намѣрены утверждать, что эта концентрація хозяйствъ представляетъ общее явленіе. Статистическія данныя Германіи, напр., приводятъ къ діаметрально противоположнымъ выводамъ. Но мы выяснили уже, что во всѣхъ странахъ, даже въ тѣхъ, въ которыхъ число мелкихъ земледѣльцевъ увеличивается, число *самостоятельныхъ* хозяевъ, крестьянъ-собственниковъ, непрерывно уменьшается.

III. Промышленныя предпріятія.

Промышленная концентрація, вытѣсняя мелкихъ производителей изъ основныхъ отраслей производства, гонитъ ихъ въ тѣ отрасли, въ которыхъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь мѣстныхъ или спеціальныхъ условій, невозможно, или *пока* еще невозможно, раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ и сотрудничество рабочихъ. Въ то же время не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что развитіе капитализма

приводить къ увеличенію числа этихъ отраслей и примыкающихъ къ нимъ предпріятій.

Прежде всего въ деревняхъ, по мѣрѣ того, какъ производство для домашняго потребленія уступаетъ мѣсто производству для рынка, число ремесленниковъ и мелкихъ производителей, работающихъ для мѣстнаго рынка, все болѣе и болѣе увеличивается.

Затѣмъ, по мѣрѣ концентраціи крупныхъ отраслей промышленности, специализація труда постоянно влечетъ за собою возникновеніе новыхъ промысловъ. Въ данныхъ послѣдней промышленной переписи въ Гену мы, наряду со стеклянными и металлургическими заводами и каменноугольной промышленностью находимъ и ремесла новѣйшаго происхожденія, какъ, напр., изготовленіе ремней для деревянныхъ сандалій, кожаныхъ картузовъ для шахтеровъ, деревянныхъ подошвъ и много др. Многія изъ этихъ ремеселъ, благодаря ихъ специальности или новизнѣ, не вышли еще изъ первичныхъ стадій развитія и увеличиваютъ число мелкихъ производителей.

Наконецъ, обогащеніе класса капиталистовъ, непроизводительно истрачивающихъ большую часть своей прибыли, содѣйствуетъ развитію профессій, занимающихся изготовленіемъ предметовъ искусства и роскоши для ничтожнаго меньшинства, въ то время, какъ огромнѣйшая масса населенія лишена самаго необходимаго.

Всѣ эти предметы изготовляются по крайней мѣрѣ въ первое время ручнымъ трудомъ работниками у себя на дому или же въ мелкихъ и среднихъ мастерскихъ.

Словомъ, во всѣхъ сферахъ общественно-хозяйственной дѣятельности можно констатировать, что концентрація и замѣна ручного труда машиннымъ, совершающіяся въ данныхъ отрасляхъ производства, не препятствуютъ, а часто даже содѣйствуютъ непрерывному возникновенію новыхъ предпріятій съ ограниченнымъ числомъ рабочихъ.

Но между этими мелкими предприятиями современнаго происхожденія и аналогичными предприятиями стараго типа столь же мало общаго, сколько между раскидистыми вѣтвями могучаго дуба и ютящимся вблизи него ку-старникомъ.

Первыя обязаны своей живучестью, всѣми условіями своего существованія, огромному дереву капиталистическаго производства: оно имъ даетъ жизнь; отъ него они находятъ въ полной зависимости.

Вторыя, напротивъ того, ведутъ борьбу за свое существованіе съ гигантомъ, корни и листва котораго лишаетъ ихъ питательныхъ соковъ, земли и животворныхъ лучей солнца: онѣ сохраняютъ нѣкоторое время кажу-щуюся независимость, но прозябаютъ и чахнутъ въ ожиданіи полнаго своего исчезновенія.

§ 4. Выводы и заключенія.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами положеній слѣдуетъ, въ общемъ, заключить, что капиталистическая концентрація, являющаяся результатомъ высшей производительности совмѣстнаго труда, не совершается съ такой быстротой и простотой, какъ это можно было бы предположить, основываясь исключительно на наблюденіяхъ надъ главными отраслями промышленности.

Конечно, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что, вообще говоря, производство для домашняго потребленія идетъ на убыль, ремесло замѣняется мануфактурой, а послѣдняя фабрикой. Но изъ того факта, что механическое производство завоевываетъ себѣ господство, несмотря на всевозможныя препятствія къ его развитію, вовсе еще не слѣдуетъ—если разсматривать промышленность данной страны въ ея цѣломъ—что число работниковъ на дому и мелкихъ самостоятельныхъ производителей уменьшается.

Можетъ случиться,—и случается,—что въ то время, когда домашнее производство въ однихъ отрасляхъ за-

мѣняется машиннымъ, въ другихъ, напротивъ, оно развивается, вербуя для себя рабочихъ изъ среды разорившихся ремесленниковъ и крестьянъ.

Можетъ также случиться,—и случается,—что въ то время, когда въ нѣкоторыхъ районахъ фабричная или мануфактурная промышленность поглощаетъ или подчиняетъ себѣ самостоятельныхъ производителей, неспособныхъ отстаивать свою независимость,—въ другихъ менѣ развитыхъ въ капиталистическомъ отношеніи районахъ, ремесленное производство развивается насчетъ натурального хозяйства, область котораго все болѣе и болѣе суживается. И именно этотъ-то неизмѣнный унадокъ замкнутаго домашняго хозяйства, живущаго своей самостоятельной жизнью, даетъ намъ ключъ къ пониманію кажущагося противорѣчія между общими результатами статистики и неоспоримымъ фактомъ экспроприаціи мелкихъ производителей крупными. Несмотря на промышленную концентрацію, число кустарей, а иногда даже ремесленниковъ, можетъ продолжать увеличиваться, по той причинѣ, что число работъ, выполняемыхъ у домашняго очага самими членами семьи, постоянно уменьшается. Какъ бы тамъ ни было, но, по мѣрѣ того, какъ домашнее хозяйство уступаетъ мѣсто мѣновому и спеціализація труда усиливаетъ сношенія между производителями, все болѣе и болѣе утверждается политическая и социальная гегемонія крупной торговли и крупнаго производства. Какое, въ самомъ дѣлѣ, значеніе можетъ имѣть число индивидуальныхъ предприятий въ мѣстныхъ или вспомогательныхъ ремеслахъ, въ новыхъ или спеціальныхъ отрасляхъ промышленности, когда капитализмъ овладѣваетъ всѣми важнѣйшими органами производства и обмѣна?

Какое значеніе могутъ имѣть мелкіе сельскіе хозяева, мелкіе торговцы и мелкіе промышленники наряду со всемогущими союзами крупныхъ предприятий, уп-

равляющими банками, держащими въ своихъ рукахъ транспортное дѣло и добывающую промышленность, утилизирующими большую часть сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, производящими и распредѣляющими всѣ предметы житейскаго обихода и все болѣе и болѣе развивающими раздѣленіе и координацію общественнаго труда?

Даже въ томъ случаѣ, когда старыя формы сохраняются, независимые производители становятся полузависимыми. Прямо или косвенно, всѣ содѣйствуютъ одному и тому же общему дѣлу. И именно этому національному и международному сотрудничеству слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать невѣроятно быстрое развитіе производительныхъ силъ, наблюдаемое съ самаго начала капиталистической эры.

При подобномъ вынужденномъ, механическомъ и, въ большинствѣ случаевъ, безсознательномъ сотрудничествѣ, огромное большинство участниковъ нисколько не заинтересовано въ увеличеніи общественной производительности труда.

Функции управленія принадлежать—иногда по праву завоеванія, но чаще всего по праву рожденія—одному классу собственниковъ. Координація силъ остается безусловно несовершенной. Ожесточенная конкуренція служитъ постояннымъ препятствіемъ торжеству солидарности между людьми и народами.

Низшія формы производства и обмѣна упорно отстаиваютъ свое существованіе; число паразитовъ постоянно увеличивается, и самое развитіе капитализма,—какъ это прекрасно выражено на первыхъ страницахъ «Манифеста»—все болѣе и болѣе обнаруживаетъ свои глубокія внутреннія противорѣчія. Растущее обобществленіе производства увеличиваетъ производительность труда, но уничтожаетъ разумныя основанія и развиваетъ отрицательныя стороны личной собственности, все болѣе и болѣе увели-

чивая число работниковъ, лишенныхъ собственности, и капиталистовъ, живущихъ безъ труда.

Развитіе торговли, свободный обмѣнъ идей и продуктовъ, всеобщая воинская повинность уменьшаютъ шансы войны, но въ то же время, съ другой стороны, нарушенное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, лихорадочная погоня за новыми рынками, завоеваніе колоніальнаго міра—этого государства будущаго для буржуазнаго общества—умножаютъ причины конфликтовъ, отягчаютъ бремя вооруженнаго мира и подъ гнетущей угрозой всеобщаго столкновенія увѣковѣчиваютъ ужасы открытой войны на окраинахъ цивилизованнаго міра.

Наконецъ, одновременно съ тенденціей къ низведенію до минимума заработной платы, къ удлиненію до крайнихъ предѣловъ рабочаго дня, къ замѣнѣ работника—машинной, взрослою—его женой и дѣтьми, тенденціей, являющейся главной, неизбежной цѣлью капиталистическаго производства—то же самое капиталистическое производство пробуждаетъ къ жизни, вырывая самому себѣ могилу, организованныя силы, проникающіяся сознаниемъ средствъ и цѣли своей борьбы и уже нынѣ, въ нѣдрахъ современнаго общества, являющіяся могучимъ зародышемъ грядущаго социальнаго строя.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Обобществленіе средствъ производства и обжѣха.

Богатство, будучи общественнымъ по своему происхожденію, должно остаться общественнымъ и при его использованіи.

П. Лаффитъ.

Основной недостатокъ капиталистическаго строя— не только съ точки зрѣнія распредѣленія, но и съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда—заключается въ томъ, что имущіе классы присваиваютъ себѣ прибавочную стоимость, созданную классомъ наемныхъ рабочихъ.

Было бы, конечно, большою ошибкой (и ее ложно приписываютъ сторонникамъ коллективизма) считать производительнымъ одинъ только ручной трудъ, а все инныя формы дохода, не составляющія заработной платы въ узкомъ смыслѣ этого слова, разсматривать лишь, какъ незаконное присвоеніе.

Наоборотъ, не подлежитъ сомнѣнію, что все снабжающіе общество своимъ полезнымъ трудомъ, все принимающіе фактическое участіе въ общественной работѣ— будь то инженеры или директора промышленныхъ заведеній, ученые или художники, участіе которыхъ также необходимо для производства въ его цѣломъ—должны

по справедливости получать вознагражденіе и имѣть свою долю въ создаваемыхъ при ихъ содѣйствіи продуктахъ.

Можно оправдать, такимъ образомъ, современные нетрудовые доходы, обезпечивающіе спокойное существованіе поэтовъ, философовъ, изобрѣтателей. Но, прибавивъ даже все эти доходы къ суммѣ доходовъ, получаемыхъ наемными рабочими и признавъ справедливыми всякаго рода вознагражденія, достаеміяся всеѣмъ производителямъ, участникамъ производствъ — мы все же получимъ излишекъ, прибавочный продуктъ, прибавочную стоимость, которую дѣлятъ между собою различныя группы капиталистовъ—представители промышленнаго, торговаго и земельнаго капитала—не въ видѣ вознагражденія за исполняемый ими трудъ, но только въ силу—quia (pominor) leo—ихъ правъ собственности на средства производства и обмѣна.

Таковъ тотъ основной фактъ, на который опираются все коллективистскія требованія. Онъ бросается въ глаза всякому, кто только хочетъ дать себѣ трудъ подумать. Все ученія изслѣдованія, которыя Марксъ, используя труды своихъ предшественниковъ, согласовалъ и синтезировалъ въ своемъ капитальномъ произведеніи сводятся лишь къ научной формулировкѣ факта эксплуатаціи трудящихся владѣльцами капитала.

Эту эксплуатацію невозможно отрицать, такъ какъ имѣются цѣлыя группы людей, не живущихъ собственнымъ трудомъ и, слѣдовательно, безусловно существующихъ на счетъ чужого труда. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще,—и сторонники обобщественнаго производства никогда этого не утверждали,—будто въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи прибавочная стоимость, созданная трудомъ, достается непосредственно,—такъ сказать, автоматически,—отдѣльному капиталисту, хозяину даннаго предпріятія.

Чтобы разобраться въ явленіяхъ, надо разсматривать ихъ въ ихъ совокупности. На эту точку зрѣнія и становится К. Марксъ, когда онъ, выясняя образованіе прибавочной стоимости въ процессѣ производства, показываетъ потомъ превращеніе ея въ прибыль, и еще далѣе—при реализаціи ея въ процессѣ обращенія—въ среднюю прибыль. (Капиталъ, т. III).

Въ существенныхъ чертахъ его точка зрѣнія такая, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ—капиталисты не реализуютъ при продажѣ товаровъ прибавочную стоимость, созданную въ ихъ сферѣ производства. Эта прибавочная стоимость сливается въ одну массу съ прибавочной стоимостью, созданной всеѣмъ общественнымъ трудомъ въ его совокупности и, превращаясь въ среднюю прибыль, стремится распредѣлиться пропорціонально долямъ вложеннаго капитала. Капиталисты, взятые въ цѣломъ, должны—поскольку рѣчь идетъ о прибыли—быть разсматриваемы, какъ акціонеры одного обширнаго анонимнаго общества, распредѣляющіе между собою, пропорціонально числу своихъ акцій, полученную этимъ обществомъ прибыль.

И чѣмъ болѣе утверждается гегемонія капиталистическаго производства, чѣмъ болѣе мобилизуется собственность, превращаясь въ легко обращающіяся стоимости, тѣмъ сильнѣе стремится прибыль къ уравнию во всеѣхъ отрасляхъ производства,—если оставить, конечно, въ сторонѣ вліяніе разницы въ рискѣ, вліяніе монополій и временныхъ колебаній рынка. Дѣйствительно, какъ только въ какой либо области производства или обмѣна прибыль въ продолженіи замѣтнаго времени превосходитъ среднюю норму, туда начинаютъ притекать свѣжіе капиталы, и ихъ конкуренція, согласно съ законами спроса и предложенія, понижаетъ барыши. Наоборотъ, если прибыль въ продолженіи долгаго времени остается ниже

редней, то капиталы удаляются изъ данной области производства въ другія, болѣе выгодныя, и въ результатѣ—прибыль подымается.

Само собою разумѣется, что несмотря на эту тенденцію къ уравниенію—на пути къ которой стоитъ, впрочемъ, не мало препятствій, — прибыль, реализуемая въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи, крайне измѣнчива: она можетъ достигать фантастическихъ размѣровъ и спускаться до нуля, а въ иныхъ случаяхъ падать и ниже нуля.

Каково бы, впрочемъ, ни было само по себѣ знаніе этихъ счастливыхъ или несчастныхъ случайностей для отдѣльныхъ капиталистовъ, остается все же фактомъ, что классъ капиталистовъ, взятый въ цѣломъ, благодаря одному тому, что онъ есть владѣлецъ средствъ производства и обмѣна, присваиваетъ себѣ и распредѣляетъ между своими членами въ видѣ прибыли прибавочную стоимость, созданную физическими и умственными работниками.

Правда, нѣкоторые стараются оправдать это присвоеніе, отнимающее у громадной массы работниковъ всякій непосредственный интересъ къ увеличенію производительности общественнаго труда, указаніемъ на то, что прибыль класса капиталистовъ составляетъ нервъ производства, что она представляетъ справедливое и необходимое вознагражденіе за вложенные ими капиталы и за исполняемую ими функцію руководителей предпріятій.

Разберемъ же въ существенныхъ чертахъ аргументацію тѣхъ, кто это утверждаетъ.

Г Л А В А I.

Три элемента прибыли.

Я лежу и владѣю,
Не мѣшай мнѣ спать.

Р. Вагнеръ.

Во всякомъ дѣлѣ прибыль предпринимателя, если онъ является въ одно и то же время и капиталистомъ и

владѣльцемъ занимаемой имъ недвижимости, равняется продажной цѣнѣ продуктовъ за вычетомъ издержекъ производства.

Предположимъ, напримѣръ, что въ какой нибудь бумагопрядильнѣ фабрикантъ, скажемъ, дабы изготовить 10.000 фунтовъ пряжи № 40, которые продаются (въ июль 1900 г.) за 10.750 франковъ, затратилъ 1300 франковъ на уплату служащему персоналу, 6.750 фр. на закупку сырья (хлопчатой бумаги), 250 фр. на вспомогательный матеріалъ (уголь, газъ и проч.) и 650 фр. на погашеніе стоимости недвижимостей, машинъ и на издержки—въ общемъ, слѣдовательно, 8.450 фр. Прибыль его тогда равняется: $= 10.750 - 8.950 = 1.800$ фр.

Чтобы оправдать эту прибыль въ разное время съ особенной силой подчеркивали то тотъ, то другой изъ ея трехъ составныхъ элементовъ:

- 1) Вознагражденіе труда предпринимателя.
- 2) Проценты на вложенный капиталъ, (включая и земельную ренту, если предприниматель въ то же время и владѣлецъ недвижимости).

3) Страховая премія за рискъ, сопряженный съ предпріятіемъ.

У нѣкоторыхъ экономистовъ есть другая терминологія. Они рисуютъ намъ капиталистовъ въ видѣ наемныхъ рабочихъ, надѣясь такимъ путемъ предотвратить превращеніе наемныхъ рабочихъ въ собственниковъ капитала. Эта терминологія: 1) плата за рискъ 2) плата за воздержаніе (the remuneration of the abstinence, какъ говоритъ Сеніоръ) и 3) плата за управленіе *Unternehmer-lohn* Wager of snperintendeuce.

§ 1. Плата за рискъ.

Утверждаютъ, прежде всего, что крупные барышни, получаемые нѣкоторыми капиталистами, составляютъ воз-

награжденіе за связанный съ веденіемъ дѣла рискъ. «Опытъ доказываетъ, говоритъ Леруа-Болье (Traité d'économie politique), что изъ десяти промышленныхъ или торговыхъ предпріятій въ двухъ или трехъ веденіе дѣла приводитъ къ банкротству, пять или шесть даютъ своимъ хозяевамъ только возможность безбѣдно существовать, не увеличивая совѣмъ, или же увеличивая очень незначительно ихъ состояніе, и только въ одномъ или двухъ случаяхъ наживаются крупныя богатства.»

Поэтому, если иные предприниматели зарабатываютъ много или даже, какъ намъ кажется, слишкомъ много, то не слѣдуетъ забывать, что имѣются и такіе, которые терпятъ убытки. Такъ, на примѣръ, изъ 2.554 нѣмецкихъ обществъ, балансы которыхъ на 1891—92 г. приведены Фонъ-деръ-Бортомъ:

471	—	дали дефицитъ
888	—	не дали дивидендовъ
641	—	дали прибыли до 5 ^o / _o
734	—	» » отъ 5—10
149	—	» » » 15—20
64	—	» » » 10—15 ^o / _o
39	—	» » » 20—30
18	—	» » » 30—40
21	—	» » выше 40 ^o / _o

Таковы на примѣръ, общество угольныхъ копей Аренбарга (Эссенъ), которое дало 80°/_o геттингское общество сахароваренныхъ заводовъ—83°/_o, дрезденское общество морского, рѣчного и т. д. транспортовъ—100°/_o, Верхне-Силезское общество 120°/_o и т. д.

Итакъ, для того, чтобы оправдать, огромные барыши иныхъ капиталистовъ, указываютъ на оборотную сторону медали, на гибель и банкротства неудачливыхъ конкурентовъ. Но въ нашихъ глазахъ именно это обстоятельство и служитъ къ осужденію строя въ которомъ от-

сутствуетъ общественная солидарность, который однимъ обезпечиваетъ громадныя барыши и который въ то же время подвергаетъ всѣмъ случайностямъ конкуренціи, ажіотажа и спекуляціи не только хозяевъ предпріятій, болѣе или менѣе отвѣтственныхъ за свои поступки, но и рабочихъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ.

Мы, конечно, не оспариваемъ того, что при современномъ положеніи вещей прибыль неизбѣжно должна содержать премію за страхованіе. Мы утверждаемъ только, — и это не трудно будетъ доказать, — что при общественной организаціи труда въ этой преміи не будетъ никакой надобности.

Фактъ тотъ, что если въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи дѣло и можетъ окончиться убытками, то крайне рѣдко бываетъ, чтобы цѣлая отрасль промышленности не давала барышей. Если не принимать въ расчетъ случайныхъ промышленныхъ катастрофъ, то можно утверждать, что капиталисты въ цѣломъ, какъ классъ, никогда не остаются въ накладѣ.

Въ теченіе 1891—92 хозяйственнаго года, гдѣ 2.254 общества, относительно которыхъ Ванъ-деръ-Бортъ могъ собрать точныя и полныя данныя, получили въ среднемъ, несмотря на потери значительнаго числа изъ нихъ, 8,8% прибыли на свой номинальной капиталъ и роздали 6,1% дивиденда.

То же самое мы видимъ и на примѣрѣ бельгійскихъ промышленныхъ предпріятій, барыши и убытки которыхъ ежегодно публикуются въ *Annuaire officiel**).

*) Въ 1898 г. акціонерныя общества, на которыя распространялось дѣйствіе закона 18 мая 1873 года, обладали въ общемъ капиталомъ въ 2.045.722,000 франковъ. Чистая прибыль, полученная 948 изъ нихъ, доходила до 197,041,000 франковъ; потери 112 обществъ равнялись 3.394,000 фр. Сдѣлавъ расчетъ, получаемъ излишекъ барышей надъ потерями въ 190,647,000 фр. т. е. 9,4% на обычно переоцниваемый номинальный капиталъ.

Мы, слѣдовательно, вправѣ утверждать, что въ среднемъ владѣльцы средствъ производства и обмѣна распредѣляютъ между собою массу прибыли, массу превращенной прибавочной стоимости, величина которой непостоянна, но которая, для всей совокупности предпріятій, никогда не спускается до нуля.

§ 2. Плата за воздержаніе.

Вторымъ элементомъ прибыли мы назвали процентъ на вложенный капиталъ.

Разъ капиталъ принадлежитъ частнымъ лицамъ, то весьма естественно, что эти послѣдніе требуютъ вознагражденія за предоставленіе его въ распоряженіе работниковъ: тотъ, кто допускаетъ частное присвоеніе средствъ производства, долженъ принять и вытекающія изъ него слѣдствія.

Но идутъ еще дальше и утверждаютъ, будто это вознагражденіе составляетъ единственное дѣйствительное средство обезпечить исполненіе весьма важной общественной функціи, именно функціи накопленія, путемъ воздержанія, капиталовъ, необходимыхъ для производства.

«Рядомъ съ платой за трудъ—заработной платой—право на существованіе которой общеризнано, ишетъ одинъ ученикъ Шульце-Делича, Фаухеръ, имѣется другой факторъ, правомѣрность котораго нельзя отрицать—это проценты на капиталъ; проценты эти, въ сущности, ничто иное, какъ плата за воздержаніе. Кто накапливаетъ капиталъ, тотъ налагаетъ на себя лишенія; онъ не тратитъ приобрѣтенныхъ имъ средствъ, онъ накапливаетъ ихъ въ видѣ усовершенствованныхъ орудій, въ видѣ матеріаловъ и т. д. Такимъ образомъ, онъ становится владѣльцемъ капиталовъ, полезныхъ для общества; уступая обществу плоды своей умѣренности, онъ заслуживаетъ вознагражденія, получаемого въ видѣ постоянной ренты,

такъ какъ его воздержаніе стоитъ не менѣе, а подчасъ даже и болѣе, чѣмъ самъ трудъ. Вотъ почему невозможно. чтобы плата за трудъ повышалась на счетъ платы за воздержаніе».

Лассалю, въ его знаменитомъ памфлетѣ противъ Шульце-Делича, было нетрудно, конечно, осыпать насмѣшками несчастныхъ аскетовъ-капиталистовъ, этихъ индійскихъ факировъ, столпниковъ, стоящихъ одной ногой на столпѣ, съ блѣднымъ изнуреннымъ лицомъ, поддавшихся впередъ всѣмъ тѣломъ и протягивающихъ народу тарелку для полученія платы за свои лишения.

Даже въ Англии, гдѣ теорія Сениора о «Remuneration for the abstinence» пользовалась такимъ успѣхомъ. экономисты, вроде Седжвика, признаютъ, что коллективистская критика покончила съ этимъ мнимымъ оправданіемъ нетрудовыхъ доходовъ «Въ дѣйствительности, говоритъ Седжвикъ, въ силу двухъ различныхъ обстоятельствъ необходимость для рабочаго пользоваться орудіемъ производства уменьшаетъ его долю въ средствахъ потребленія, во первыхъ потому, что онъ долженъ затратить часть своего времени на изготовленіе этихъ орудій; во вторыхъ потому, что онъ долженъ посвятить другую часть своего времени производству предметовъ личнаго потребленія капиталиста».

Только первый изъ указанныхъ факторовъ существовалъ бы въ обобществленномъ строе. Общество должно было проявлять бережливость, удѣлять часть своего продукта на поддержаніе и возобновленіе общественнаго капитала; но ему не пришлось бы сверхъ того платить еще капиталистамъ, чтобы побудить ихъ къ сбереженію.

Указанное положеніе вещей уже теперь имѣетъ мѣсто въ кооперативныхъ обществахъ и въ общественныхъ предпріятіяхъ (Services publics) въ отношеніи той части капитала, которая не получила путемъ займа. Об-

щество, государство или община взимаетъ съ прибылей предпріятія или со взносовъ и налоговъ, платимыхъ ихъ членами, часть, необходимую для усовершенствованія технической и другихъ сторонъ предпріятія. Сбереженіе въ будущемъ потеряетъ, такимъ образомъ, свой индивидуальный характеръ—оно станетъ коллективнымъ, оно станетъ общественной функціей, выполняемой всѣми въ интересахъ всѣхъ. И не будетъ уже мѣста, какъ въ настоящее время, всѣмъ капризамъ частнаго интереса, свободной фантазіи капиталистовъ, разрываемыхъ двумя противоположными стремленіями: стремленіемъ увеличить свои доходы, съ одной стороны, расширить свое потребленіе—съ другой.

Не надо забывать и того, что классы выполняютъ доставшуюся имъ при современномъ положеніи вещей функцію накопленія капитала лишь съ огромной растратой силъ и богатствъ. То, что они расходуютъ производительно для увеличенія эксплуатаціи труда, нужно сопоставить съ ихъ непроизводительными затратами, почти постоянно бессмысленными, тщеславными, безнравственными затратами на то, чтобы блеснуть роскошью или чтобы оплатить тысячи работниковъ, необходимыхъ для производства этой роскоши и справедливо прозванныхъ Фурье агентами отрицательнаго творчества, чтобы содержать, наконецъ, эти легіоны низшихъ паразитовъ—лакеевъ, жокеевъ, крупье, проституткокъ,—которые кишатъ, какъ черви.

Въ этотъ переченьъ еще не входитъ постоянная армія, необходимая для защиты бѣдныхъ наемниковъ поддержанія отъ тѣхъ, кого нужда заставляетъ содержать ихъ.

§ 3. Плата за управленіе.

Въ настоящее время, для оправданія прибыли предпринимателей напираютъ главнымъ образомъ на этотъ пунктъ.

«Въ прибыли, и въ особенности въ крупной прибыли большихъ капиталистическихъ предприятий, восклицаетъ Леруа-Болье, заключаются не только проценты на вложенные капиталы, не только обезпеченіе риска, которому они подвергаются, но и обычная плата за управление — жалованье, уплачиваемое директору или служащему. Источникъ — настоящий источникъ крупныхъ предпринимательскихъ барышей — это предприимчивость, искусство, знаніе, большая или меньшая геніальность вождей промышленности». «Въ концѣ концовъ неважно, самъ ли предприниматель придумалъ извѣстную комбинацію или онъ только, благодаря быстротѣ соображенія и природной смѣлости, понялъ и отважился примѣнить чужую счастливую комбинацію. Одной изъ важнѣйшихъ функций предпринимателя является выборъ — не только матеріаловъ, помѣщенія, машинъ и рабочихъ, но и всѣхъ его служащихъ и помощниковъ. Онъ является организаторомъ не только мертвыхъ, сырыхъ матеріаловъ, но и человѣческихъ способностей. Ему нѣтъ необходимости быть лично инженеромъ, изобрѣтателемъ; что для него важно — такъ это умѣть въ каждый данный моментъ — самому или черезъ посредство избранныхъ имъ людей — придать производству самую пригодную организацію; онъ долженъ обладать даромъ плодотворнаго приспособленія къ обстоятельствамъ».

Трудно яснѣе выразить мысль, что громадныя барыши предпринимателя вытекаютъ прежде всего изъ его особеннаго умѣнья эксплуатировать чужой трудъ.

Что намъ до того, что геніальныя идеи изобрѣтателя созрѣваютъ на соломѣ, что интеллигентный пролетаріатъ, пролетаріатъ дипломовъ, вопіетъ о голодѣ, что рабочіе продаютъ силу своихъ мышцъ за низведенную до минимума плату, — крупныя барыши все же являются законной наградой ловкаго организатора, пользующагося

своей капиталистической монополіей для того, чтобы на-
вербовать ихъ и выжать изъ нихъ все соки.

Иные, пожалуй, найдутъ, что эта аргументація
слишкомъ своеобразна. Но что особенно поражаетъ въ
ней, такъ это игнорированіе такого важнаго факта, какъ
проникновеніе во все отрасли крупной промышленности
анонимныхъ обществъ и замѣна капиталистовъ, прини-
мающихъ участіе въ дѣлахъ, наемными директорами.

Мы готовы еще понять тѣхъ людей, которые, пре-
доставивъ этимъ вѣчнымъ хулителямъ — коллективистамъ
разоблачать *отрицательныя* стороны капитализма, про-
славляютъ сами ловкость, лихорадочную дѣятельность,
организаторскіе таланты и трудолюбіе, необходимые ини-
ціатору предпріятія, чтобы одержать верхъ надъ конкур-
рентами. Но какой смыслъ въ этихъ панегирикахъ, когда
рѣчь идетъ о дѣятельныхъ капиталистахъ, объ акціоне-
рахъ и облигационерахъ анонимныхъ обществъ, передаю-
щихъ свои полномочія наемному управляющему? Не оче-
видно ли, что въ подобныхъ случаяхъ — а они изъ ис-
ключенія все болѣе и болѣе превращаются въ правило
— невозможно оправдать прибыль ссылкой на то, что она
вытекаетъ изъ труда управленія.

Это отлично показываетъ Ваксвейлеръ, отвѣчая на
вопросъ, чѣмъ становится прибыль въ анонимныхъ об-
ществахъ: «Послѣ вычета въ пользу резервнаго фонда,
говоритъ онъ, она распределяется между акціонера-
ми, т. е. достается тѣмъ участникамъ производства, кото-
рые какъ разъ не выполняютъ ни одной изъ многооб-
разныхъ активныхъ функцийъ предпринимателя; все, за-
нятые общимъ руководствомъ дѣла, ежедневнымъ веде-
ніемъ его, техническимъ и коммерческимъ управленіемъ,
финансовымъ контролемъ, получаютъ определенное жало-
ванье. Да въ концѣ концовъ акціонеры и не являются
даже полноправными владѣльцами капиталовъ, такъ какъ

въ выбранномъ нами примѣрѣ половина имущества общества принадлежитъ облигационерамъ, получающимъ опредѣленный процентъ. Гдѣ же тогда тотъ общій предпринимателю и акціонеру элементъ, который превращаетъ послѣдняго въ наслѣдника перваго въ отношеніи къ правамъ на прибыль? Этотъ элементъ открывается намъ въ той пассивной роли предпринимателя, которую мы уже изобразили, когда сказали, что онъ несетъ рискъ операций. Такова въ своемъ чистомъ видѣ та экономическая функція, за которую получается прибыль: ея настоящее имя — спекуляція.

Итакъ, при господствѣ анонимныхъ обществъ, за исключеніемъ участія въ барышахъ руководящаго дѣломъ персонала служащихъ, всякій элементъ труда исчезаетъ изъ прибыли. Индивидуальная инициатива уступаетъ мѣсто бюрократической организаціи. Ленивые короли капитализма уступаютъ управленіе предпріятіями своимъ мажордомамъ.

Говорятъ постоянно о всякаго рода дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ абсентеизма въ земледѣльческихъ странахъ. Но абсентеизмъ свирѣцствуетъ не только въ земледѣліи: онъ становится правиломъ промышленности, по мѣрѣ того, какъ начинаетъ распространяться господство анонимныхъ обществъ.

Крупный капиталистъ, напримѣръ, помѣщающій свои деньги въ цѣлый рядъ предпріятій, чтобы уравновѣсить шансы потери, перестаетъ интересоваться этими предпріятіями точно такъ же, какъ и имѣіемъ, которое онъ покупаетъ въ тѣхъ же цѣляхъ помѣщенія денегъ. И по мѣрѣ развитія капитализма, абсентеизмъ акціонера становится все полнѣе, связь между собственностью и собственникомъ все болѣе безличной и слабой.

«Старики, говорилось недавно въ *Moniteur de intérêts matériels*,—еще помнятъ, должно быть, то время, когда

акціи бельгійскихъ копей принадлежали лишь жителямъ Льежа и Гента. Когда фламандцы приобрѣли впервые названные акціи, это явилось предметомъ общаго изумленія... Съ тѣхъ поръ все набросилось на это дѣло, и поимѣненіе денегъ въ общества угольныхъ копей—какъ внутри страны, такъ и внѣ ея—стало обычнымъ явленіемъ. То же мы видимъ и на примѣрѣ южно-американскихъ и другихъ «экзотическихъ» цѣнностей. Всего лѣтъ пятнадцать, какъ распространились по всей странѣ—не принося съ собою, впрочемъ, особеннаго счастья—все эти южно-американскія ренты и цѣнности, съ которыми до тѣхъ поръ имѣлъ дѣло одинъ лишь Антверпенъ. Съ другой стороны, Антверпенъ сталъ промышленлять акціями промышленныхъ обществъ, которыми онъ прежде мало интересовался. вмѣсто двухъ рынковъ, Антверпена и Брюсселя, съ различными и часто противоположными тенденціями, существуетъ въ настоящее время одинъ общій рынокъ бельгійскихъ капиталовъ.»

Такимъ образомъ, исчезаетъ всякая кооперація, всякое сотрудничество между капиталистами и ихъ рабочими, работающими подъ руководствомъ директоровъ-наемниковъ.

Отдѣленіе собственности отъ труда становится такимъ же полнымъ въ промышленности, какъ и въ земледѣліи. Азціонеръ, какъ таковой есть уже только человекъ, болѣе или менѣе ловко, болѣе или менѣе удачно помѣщающій свои деньги въ различныя предпріятія. Эксплуатація человека человекомъ какъ бы срываетъ съ себя послѣдніе покровы того времени, когда капиталистъ былъ еще одновременно и организаторомъ. И, подобно легендарному дракону, лежавшему въ глубинѣ своей пещеры на золотѣ Рейна, бездѣятельный капитализмъ, свернувшись на своихъ богатствахъ, живетъ въ мірѣ своихъ праздныхъ мечтаній, неподвижный и страшный, съ презрѣніемъ къ возмущен-

ніямъ, равнодушный къ страданіямъ чуждаго ему пролетаріата.

Ich lieg' und besitze
Lass mich schlafen.
(Я лежу и владѣю,
Не мѣшай мнѣ спать).

§ 4. Прибавочная стоимость и прибыль.

Итакъ, прибыль, въ зависимости отъ точки зрѣнія, является передъ нами въ двухъ совершенно различныхъ видахъ.

Съ одной стороны, если вычесть плату за управленіе, изобрѣтенія, организацию предпріятій—она представляетъ массу прибавочной стоимости, которую классъ капиталистовъ исторгаетъ, въ силу его права собственности, изъ физическихъ и умственныхъ работниковъ, находящихся подъ его владычествомъ.

Съ другой стороны,—если принять во вниманіе ея распредѣленіе между отдѣльными предпринимателями,—прибыль представляетъ главный, или даже единственный, двигатель капиталистическаго производства.

Только надежда на полученіе барыша вызываетъ накопленіе капиталовъ, только она привлекаетъ вождей индустріи на поле брани конкуренціи, только она порождаетъ въ лихорадѣ отважныхъ и часто безчестныхъ спекуляцій—*inter stercus et urinam nascitur homo*—многообразный и роскошный расцвѣтъ предпріятій, покрывшихъ за послѣдніе годы всю поверхность земного шара. Но одновременно и параллельно съ тѣмъ, какъ активные капиталисты, люди инициативы и ловкіе дѣльцы—однимъ словомъ современные conquistadores—непрестанно создаютъ новыя предпріятія съ энергіей, равняющейся развѣ ихъ безсовѣтности, и учиняютъ правильный (систематическій) грабежъ новыхъ странъ,—развивается и пассивный капитализмъ, этотъ балластъ совре-

менной индустрии. II. благодаря механизму акціонерныхъ обществъ, обособляющему вознагражденіе за трудъ во всѣхъ его формахъ отъ барышей, пассивно получаемыхъ акціонерами,—становится все яснѣе, что прибыль этихъ послѣднихъ не соотвѣтствуетъ никакому дѣйствительному труду, а есть лишь продуктъ ажіотажа, результатъ частной собственности на капиталы.

Но, возразятъ намъ, безъ сомнѣнія, необходимо еще доказать, при желаніи оправдать выводы сторонниковъ обобщественнаго производства, что такая собственность незаконна. Если прибыль не представляетъ никакого дѣйствительнаго, настоящаго труда, то она является вознагражденіемъ за прошлый трудъ. Если существуютъ бездѣятельные, нетрудящіеся капиталисты, то это, вообще говоря, происходитъ лишь потому, что они ужь поработали въ свое время, что они приобрѣли право ничего не дѣлать, добились, благодаря своимъ усиліямъ и уму, благосостоянія, и доказали этимъ свои исключительныя способности въ дѣлѣ инициативы и организаціи.

Нетрудно возразить на эту аргументацію. Было бы легко доказать, что въ большинствѣ случаевъ источникъ громадныхъ состояній далеко не имѣетъ этой, приписываемой ему, хрустальной чистоты. Исторія собственности, какъ земельной, такъ и капиталистической, обнаруживаетъ предъ нами немало другихъ причинъ обогащенія: расточеніе государственныхъ земель; насильственная или основанная на обманѣ экспропріація общинныхъ угодій и крестьянской собственности; дешевая покупка монастырскихъ имуществъ; желѣзнодорожныя и т. п. концессіи, въ большинствѣ случаевъ приобретаемыя за гроши и выкупасмыя затѣмъ за сумму гораздо высшую ихъ стоимости; ростовничество, дутыя предпріятія, биржевыя плутни, недозволенныя соглашенія; автоматическій, самопроизвольный ростъ земельной ренты, благодаря развитію промы-

шленности и народонаселенія; присвоеніе капиталистами прибавочной стоимости, созданной работниками; позорная эксплуатация гения изобрѣтателей, вынуждаемыхъ продавать свой мозгъ, чтобы не умереть съ голоду и т. д. и т. д. Можно было бы продолжать этотъ перечень до безконечности.

Допустимъ, однако, что дѣло обстоитъ иначе: допустимъ на время, вопреки всякой очевидности, что все капиталисты-кузнецы своего счастья, что все ихъ предпріятія законны, что все владѣльцы средствъ производства приобрѣли свои богатства однимъ только собственнымъ личнымъ трудомъ,—развѣ общество предоставило имъ вѣчное переходящее отъ одного къ другому право на продуктъ чужого труда? Развѣ это было бы достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы ихъ дѣти и дѣти ихъ дѣтей, изъ поколенія въ поколѣніе, были бы—

«Наслѣдниками, (безъ труда), полей, дымящихся еще отъ крови мертвыхъ?»

Допустимъ даже, что пожизненное владѣніе вытекаетъ изъ собственного труда,—мы этимъ не можемъ еще оправдать собственность наследственную.

Утверждаютъ, правда, что право наследованія необходимо съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ оно побуждаетъ къ труду тѣхъ, кто стремится обогатить своихъ наследниковъ или потомковъ.

Это соображеніе сохраняетъ еще нѣкоторую силу, когда дѣло идетъ о наследованіи по прямой линіи или о наследованіи по завѣщанію, которое коллективисты, вообще говоря, предлагаютъ ограничить, а не уничтожить. Но примѣнимо ли оно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о наследованіи по боковой линіи, этомъ послѣднемъ, не имѣющимъ уже нынѣ никакихъ основаній, пережиткѣ той эпохи, когда «большая семья» являлась еще реальностью; съ другой стороны, развѣ неправиль-

но, что эта коренная несправедливость, позволяющая однимъ принуждать работать другихъ, вмѣсто того, чтобы работать самимъ, въ значительно большей степени вредна для производительности общественнаго труда, чѣмъ даже чрезмѣрные органиченія наследованія по завѣщанію или *ab intestat*?

Мы глубоко убѣждены, поэтому, въ томъ, что производительныя силы современныхъ обществъ увеличились бы въ громадной пропорціи, если бы обобществленіе главныхъ отраслей промышленности уничтожило или, по меньшей мѣрѣ, значительно сократило бы нетрудовые доходы, порождаемые капиталистической собственностью.

Г Л А В А II.

„Всѣ мы теперь коллективисты“.

Сэръ Вильямъ Гаркортъ.

Когда коллективисты, опираясь на усѣхи капиталистической концентраціи съ вытекающими изъ нея, съ точки зрѣнія эксплуатаціи труда, слѣдствіями, настаиваютъ на обобществленіи уже созрѣвшихъ для этого отраслей производства, они только продолжаютъ и обобщаютъ тенденціи, обнаруживающіяся въ самыхъ нѣдрахъ современныхъ буржуазныхъ обществъ.

Уже въ теченіе ряда вѣковъ правосудіе отирается обществомъ; точно также и дѣло народнаго образованія, несмотря на сопротивленіе церкви, все болѣе переходитъ въ вѣденіе государства. Помимо всего того, врядь ли кто усомнится въ томъ, что и въ экономической области коллективная собственность непрерывно возрастаетъ: «Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, говоритъ Гамильтонъ, веденіе дѣлъ обществомъ настолько утвердилось, что нельзя уже и думать о возвращеніи къ эпохѣ частной инициативы. Таковы—монет-

ное дѣло, почтовое дѣло, желѣзнодорожное сообщеніе и т. д. Нетрудно понять причины этого. Но мѣръ развитія цивилизаціи подобныя учрежденія должны вестись во все болѣе крупномъ масштабѣ и со все возрастающимъ единствомъ и взаимной связью. Если бы даже они и были оставлены въ вѣденіи частныхъ лицъ или обществъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣло должно было бы вестись административнымъ персоналомъ, подобнымъ государственному,—слѣдовательно, не имѣлось бы того стимула личнаго интереса, который повсюду составляетъ выгоду частнаго производства. При наличности конкуренціи, цѣль достигается въ этихъ случаяхъ неполно и крайне неэкономно,—укажемъ на примѣръ нѣсколькихъ конкурирующихъ между собою желѣзнодорожныхъ компаній. При отсутствіи конкуренціи, наоборотъ, публика всячески страдаетъ, испытывая на себѣ тиранническую власть частныхъ интересовъ владѣльцевъ. Поэтому, какъ съ точки зрѣнія производства, такъ и съ точки зрѣнія распредѣленія, общественная организація подобныхъ предпріятій весьма выгодна».

Эти выгоды веденія дѣла государствомъ и другими общественными единицами, какъ, напримѣръ, департаментомъ и особенно общиной, чрезвычайно разнообразны. Съ одной стороны, полученные барыши, вмѣсто того, чтобы исчезнуть въ карманахъ акціонеровъ, идутъ на уменьшеніе бремени налоговъ; съ другой стороны, здѣсь нѣтъ стремленія къ достиженію максимальной прибыли, и если оно даже и существуетъ, то проявляется далеко не такъ сильно, какъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ (мы не принимаемъ, конечно, въ расчетъ монополій фиска). Поэтому ихъ руководители могутъ скорѣе руководствоваться соображеніями чисто соціального порядка въ вопросахъ, касающихся положенія служащихъ, за-

купки сырья, стоимости и качества продуктов и, наконец, интереса будущих поколѣній.

§ 1. Прибыль въ общественныхъ предпріятіяхъ.

Общественныя производства и въ частности монополии—естественныя или искусственныя—могутъ быть прежде всего источникомъ доходовъ для общины. Въ Брюсселѣ, на примѣръ, одна газовая монополия даетъ ежегодно около двухъ милліоновъ прибыли. Во Франціи табачная монополия, благодаря которой табакъ оплачивается въ шесть разъ дороже своей стоимости, приноситъ казнѣ въ среднемъ болѣе трехсотъ милліоновъ.

Само собою разумѣется, что въ концѣ концовъ эти доходы суть ничто иное, какъ косвенные налоги. Разъ общественное хозяйство продастъ свои продукты дороже собственной цѣны, то получаемая этимъ путемъ прибыль непременно будетъ носить фискальный характеръ. И при общественномъ производствѣ тѣ вычеты, которыя обществу придется сдѣлать до распредѣленія продукта между своими членами для удовлетворенія общихъ потребностей, явятся эквивалентомъ современныхъ налоговъ. Но, если существуютъ продукты въ родѣ табака и водки, являющіеся законными объектами обложенія, то имѣются и другіе, какъ напр. вода и газъ, которые являются предметами первой необходимости и не должны подлежать никакому налоговому обложенію.

Впрочемъ, уже и въ настоящее время существуютъ муниципальныя хозяйства, доставляющія эти продукты по своей цѣнѣ, или ниже ея или, наконецъ, даже даромъ.

Въ своей книгѣ о социализмѣ въ Англіи Мэтэнъ упоминаетъ о двухъ маленькихъ городкахъ, доставляющихъ даромъ газъ своимъ жителямъ.

Въ Шербекѣ, одномъ изъ главныхъ предмѣстій Брюсселя, сознательно донускаемый городскимъ водопроводомъ

дефицитъ покрывается спеціальнымъ подоходнымъ налогомъ.

Въ Женевѣ, гдѣ съ 1896 г. дѣло снабженія жителямъ водой, газомъ и электричествомъ, находится въ рукахъ города, послѣдній получаетъ небольшой доходъ отъ газа и воды, но зато раздаетъ по своей цѣнѣ гидравлическую и электрическую двигательную силу, которую два громадныхъ завода заимствуютъ у водъ Роны.

Ту же тенденцію къ систематическому пониженію прибыли мы находимъ у большинства англійскихъ муниципалитетовъ. Можно вообще сказать, что повсюду, гдѣ развивается коллективистическій духъ, ослабляется фискальный характеръ общественныхъ предпріятій. «Ни одинъ городъ не развилъ такой сложной муниципальной организаціи, какъ Глазго, и ни одинъ не можетъ сравниться съ нимъ въ смыслѣ дѣеспособности администраціи и уровня общественнаго мнѣнія. И, въ то же время, нигдѣ бремя муниципальных налоговъ не является настолько нечувствительнымъ, нигдѣ не преслѣдуется такъ систематически система малыхъ барышей».

Поступать иначе и стремиться къ крупной прибыли отъ предпріятій, имѣющихъ общепольное значеніе, значитъ возстановлять въ замаскированномъ видѣ всѣ невыгоды налоговъ на потребление, справедливо названныхъ прогрессивными налогами на нищету. Чтобы дать правильную оцѣнку всѣмъ выгодамъ обобществленія производства, надо, по нашему мнѣнію, стать не на точку зрѣнія прибыли, а на точку зрѣнія выгодъ общества и служащихъ.

§ 2. Положеніе служащихъ.

Вообще говоря, условія труда и заработка низшаго служебнаго персонала въ общественныхъ предпріятіяхъ лучше, чѣмъ въ частныхъ. Частныя компаніи, говорителъ

въ посланіи федеральнаго совѣта о выкупѣ швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ,—проявляютъ естественную тенденцію къ пониженію, по мѣрѣ возможности, расходовъ на служащихъ; всѣ они придерживаются правила—хорошо оплачивать нѣкоторыя вышія должности и экономизировать на заработкѣ низшихъ служащихъ, составляющихъ громадное большинство и вызывающихъ, поэтому, наибольшую долю издержекъ. Въ общественныхъ предіриятіяхъ, наоборотъ, господствуетъ скорѣе противоположная тенденція.

Это не значитъ, конечно, что тузы администраціи получаютъ недостаточное вознагражденіе, не обеспечивающее имъ приличнаго существованія,—низшіе служащіе находятъ его даже слишкомъ хорошимъ,—но все относительно, и въ большинствѣ случаевъ вознагражденіе это значительно ниже соответственныхъ окладовъ въ частныхъ предіриятіяхъ. Вотъ почему послѣднимъ и удается переманивать къ себѣ лучшихъ работниковъ, привлекать наиболѣе способныхъ людей, наиболѣе извѣстныхъ техниковъ.

Если, несмотря на сказанное, мы наряду съ негодными работниками, бюджетодами, встрѣчаемъ въ общественныхъ предіриятіяхъ и довольно значительное число энергичныхъ и интеллигентныхъ личностей, то это объясняется, главнымъ образомъ, перепроизводствомъ умственныхъ работниковъ. Нельзя, тѣмъ не менѣе, отрицать того, что въ общественномъ строѣ, въ которомъ деньги составляютъ единственное почти побужденіе къ труду, единственное за него вознагражденіе, государство сможетъ привлечь въ свои предіриятія лучшихъ руководителей, если только обеспечить имъ такое же вознагражденіе, какое они получаютъ въ частной промышленности.

Да и простые рабочіе и мелкіе служащіе далеко не всегда получаютъ въ общественныхъ предіриятіяхъ болѣе

высокую плату и жалованье, чѣмъ въ частныхъ. Въ Бельгiи, напримѣръ, государство платитъ своимъ машинамъ гораздо меньше, чѣмъ крупныя французскія компаніи.

Не подлежитъ все же сомнѣнію, что въ демократическомъ государствѣ, въ странѣ съ представительнымъ образомъ правленія, гдѣ народъ принимаетъ участіе въ выборахъ, — люди, намѣревающіеся добиться улучшенія своего положенія, имѣютъ возможность гораздо легче достигнуть цѣли, при веденіи дѣла государствомъ, отвѣтственнымъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ при веденіи его частными компаніями, надъ которыми контроль общества безсиленъ.

Впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, когда вознагражденіе служащихъ въ общественномъ предпріятіи ниже, чѣмъ въ частныхъ, работники выигрываютъ въ обезпеченности то, что они теряютъ въ величинѣ заработка. Они довольствуются меньшимъ жалованьемъ по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ владѣльцы государственныхъ бумагъ довольствуются меньшимъ процентомъ. Устойчивость ихъ положенія вознаграждаетъ работниковъ за меньшій размѣръ заработной платы. Она гарантируетъ ихъ отъ риска безработицы, инвалидности, неспособности къ труду изъ-за несчастнаго случая или старости, носящихся подобно грозной тѣни надъ существованіемъ столькихъ рабочихъ. И эта гарантія, это обезпеченіе насущнаго хлѣба представляютъ такія преимущества, что для достиженія ихъ рабочіе съ изумительнымъ терпѣніемъ сносятъ всѣ придирки и пренія, которыя ставитъ административная дисциплина ихъ политической свободѣ и ихъ политическимъ правамъ, въ особенности ихъ праву ассоціаціи.

Не слѣдуетъ забывать, что съ этой точки зрѣнія деспотизмъ государства-хозяина ничѣмъ не лучше де-

спотизма, царящаго въ большинствѣ частныхъ предпріятій, и это положеніе вещей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться смѣшеніе руководства общественными предпріятіями съ общественной властью, подъ управленіемъ ставленниковъ капиталистическаго общества.

§ 3. Закупка сырья.

При капиталистическомъ веденіи дѣлъ мелкіе производители и, въ особенности, мелкіе крестьяне, поставляющіе сырье для крупной сельскохозяйственной промышленности, почти постоянно находятся во власти колебанія цѣнъ, вытекающаго изъ промышленной анархіи, или во власти «железныхъ» контрактовъ, навязываемыхъ имъ картелями сахарозаводчиковъ, фабрикантовъ табаку, цикорія и т. д.

Но когда какая либо отрасль промышленности находится подъ контролемъ общества, государство, благодаря своей огромной покупательной силѣ, въ состояніи оказывать значительное вліяніе на цѣны продуктовъ и на условія работы поставщиковъ.

Правда, вліяніе это представляетъ и другую, опасную сторону въ тѣхъ случаяхъ, когда общественная власть оказывается въ рукахъ какой нибудь партіи, класса; но зато, когда это вліяніе направлено въ сторону интересовъ общаго порядка, оно можетъ вызвать весьма благотворныя для производителей сырья послѣдствія.

Такъ, въ Швейцаріи, напримѣръ, администрація водочной монополіи (которую по этому поводу, хотя и несправедливо, обвиняли въ примѣненіи системы *„избирательнаго картофеля“*) оказываетъ большія услуги бѣднымъ кантонамъ, употребляя для изготовленія спирта производимый послѣдними картофель. вмѣсто того, чтобы прибѣгать, подобно прежнимъ частнымъ винокурамъ, къ мансу и другимъ заграничнымъ злакамъ.

Франція, благодаря введенію табачной монополіи, которая ограничиваетъ, въ зависимости отъ величины потребностей, размѣры площади подъ обработку табака, избавлена отъ перепроизводства, неустойчивости и пониженія цѣнъ, такъ жестоко отзывающихся въ послѣдніе годы на бельгійскихъ табаководкахъ. «Собранный табакъ», говоритъ А. Вагнеръ, приобрѣтается администраціей монополіи по различнымъ для разныхъ сортовъ цѣнамъ, которыя министръ финансовъ устанавливаетъ ежегодно заранее и которыя имъ публично оловѣщаются; благодаря этому, табаководъ получаетъ цѣну не только выгодную, но и такую, которая изъ года въ годъ остается почти однообразной. Такимъ образомъ, онъ получаетъ—выгодно отличаясь этимъ отъ жертвъ «свободной торговли»—прочное основаніе для своихъ расчетовъ, что для воздѣльвателя табака представляетъ настоящее благодѣяніе».

То же было бы и съ разведеніемъ свекловицы, если бы обобществленіе сахарной промышленности освободило, наконецъ, крестьянъ отъ тяжелой, часто отвратительной эксплуатаціи, которой они подвергаются со стороны «бароновъ вѣса и мѣры». Экспроприація этихъ послѣднихъ имѣла бы, сверхъ того, и ту выгодную сторону, что подняла бы жалкое положеніе рабочихъ сахарныхъ заводовъ и была бы единственно вѣрнымъ средствомъ противъ безчисленныхъ обмановъ на вѣсъ и плотности, совершающихся въ настоящее время при приѣмкѣ свекловицы въ ущербъ фермерамъ и, въ особенности, мелкимъ крестьянамъ, лишеннымъ возможности учредить надъ этимъ серьезный контроль.

Впрочемъ, обобществленіе средствъ производства и обмѣна вообще повлечетъ за собою исчезновеніе всякаго рода обмановъ и фальсификацій, которые въ капиталистическомъ обществѣ, съ его бѣшенною погоней за барышами, порождаются почти съ фатальной необходимостью.

§ 4. Стоимость продуктовъ и услугъ.

Мы уже констатировали для общественныхъ предприятий (*Services publics*) тенденцію къ устраненію фискальныхъ соображеній, господствовавшихъ въ нихъ вначалѣ, и стремленіе все болѣе и болѣе приблизиться къ коммунистическому распредѣленію или, по меньшей мѣрѣ, къ продажѣ по своей цѣнѣ. Наоборотъ, повсюду, гдѣ монополизированныя отрасли промышленности сохраняютъ свой капиталистическій характеръ, мы замѣчаемъ повышение цѣнъ, являющееся настоящимъ бѣдствіемъ для потребителей, и зависимыхъ отъ этой отрасли индустри производителей.

Въ Парижѣ, напримѣръ, газовая компанія—монополія которой несомнѣнно будетъ продлена новымъ муниципальнымъ совѣтомъ, избраннымъ мелкой буржуазіей—взимаетъ за кубическій метръ газа 30 сантимовъ, тогда какъ въ англійскихъ городахъ, взявшихъ это дѣло въ свои руки, то же количество газа обходится въ 8—10 сантимовъ.

Неудобства монополіи и выгоды обобществленія, съ точки зрѣнія цѣнъ или тарифовъ, достигаютъ своего максимума, когда дѣло касается основныхъ отраслей промышленности, отъ которыхъ зависятъ все остальные,—какъ, напримѣръ, промышленность добывающая или перевозочная.

Мы первые готовы признать, что эксплуатація железнодорожнаго дѣла государствомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она организована въ Бельгіи или Германіи, даетъ много основанийъ для справедливой и суровой критики. Но, съ точки зрѣнія тарифовъ и выгодъ, доставляемыхъ ею промышленности вообще, она все же несомнѣнно стоитъ выше веденія дѣла частными компаніями. Такъ, напримѣръ, частныя компаніи—какъ справедливо указываетъ на это посланіе швейцарскаго федеральнаго совѣта, пред-

лагающее выкупъ желѣзныхъ дорогъ — обслуживаютъ прежде всего доходныя линіи, ограничиваясь лишь самымъ необходимымъ по отношенію къ линіямъ недоходнымъ. Подчасъ онѣ идутъ дальше минимума, установленнаго концессіями, такъ какъ надъ всѣмъ остальнымъ господствуетъ мысль о размѣрахъ дивиденда. «Въ Англіи, въ особенности, въ Ирландіи и Шотландіи имѣются цѣлыя области, совершенно лишеныя желѣзныхъ дорогъ потому только, что ихъ проведеніе не окупило бы издержекъ компаній.»

Государство, наоборотъ, испытываетъ моральную необходимость пожертвовать часть своихъ доходовъ ради созданія желѣзнодорожной сѣти въ обездоленныхъ мѣстностяхъ. Въ Германіи, Австріи, Бельгіи существуетъ цѣлый рядъ линій, проведенныхъ изъ этихъ, именно, соображеній.

И все же, несмотря на указанное излишнее бремя расходовъ, дѣлаемыхъ въ общихъ интересахъ, несмотря на болѣе крупныя расходы по вознагражденію низшаго служебнаго персонала, — не подлежитъ сомнѣнію, что въ странахъ, гдѣ желѣзнодорожное дѣло ведется государствомъ, пассажирскіе и товарныя тарифы ниже, чѣмъ во Франціи и въ особенности въ Англіи.

На это указывалъ въ апрѣлѣ 1899 г. передъ лондонскимъ обществомъ искусствъ г. Форстеръ Браунъ, одинъ изъ виднѣйшихъ англійскихъ инженеровъ, при разсмотрѣніи положенія угольной промышленности съ точки зрѣнія международной конкуренціи.

«Въ настоящее время, говорилъ онъ, самые серьезныя конкуренты Англіи—это Германія и Бельгія. Нѣмецкія казенныя желѣзныя дороги уменьшили тарифы до половины того, что мы платимъ у себя въ Англіи, и дали, такимъ образомъ, толчекъ какъ внутренней, такъ и внѣшней торговлѣ углемъ».

Выгоды этого тѣмъ болѣе важны, что объединеніе всей желѣзнодорожной сѣти въ рукахъ государства позволяетъ всѣмъ промышленнымъ областямъ страны пользоваться удобствами такого пониженія тарифовъ.

Соображенія указаннаго порядка и побудили, главнымъ образомъ, швейцарское правительство совершить разомъ выкупъ почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся на территоріи республики.

Къ тѣмъ же соображеніямъ обращался и бывший бельгійскій министръ путей сообщенія Ванденпербомъ, когда, обсуждая проектъ выкупа главной центральной линіи, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ защищалъ принципъ правительственной эксплуатаціи желѣзнодорожнаго дѣла: «Нѣтъ сомнѣнія, что если добиваться наиболѣе легкаго, съ правительственной точки зрѣнія, рѣшенія, то необходимо продать желѣзныя дороги. Онѣ обошлись въ 1,400 милліоновъ; за нихъ дадутъ теперь 2 милліарда. И еслибы эта операція была произведена, то за почти полнымъ покрытіемъ бельгійскаго государственнаго долга, не пришлось бы въ будущемъ думать о сведеніи бюджета, не пришлось бы задумываться надъ трудностями, связанными съ организаціей такого громаднаго дѣла. Но существуетъ другая, болѣе возвышенная точка зрѣнія, исходящая изъ интересовъ промышленности и торговли. Можно сказать не обинуясь, что то гигантское процвѣтаніе промышленности, котораго вы являетесь свидетелями, которое не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ нашей исторіи, а, быть можетъ, и въ исторіи всѣхъ остальныхъ народовъ, обязано своимъ происхожденіемъ этому могущественному орудію труда, находящемуся во власти государства.

«Мои предшественники, равно какъ и я, въ продолженіи послѣднихъ 30 лѣтъ работали, преслѣдуя исключительно успѣхи промышленности. Въ настоящее время сожальютъ,

насколько мнѣ кажется, что желѣзнодорожное дѣло не находилось въ рукахъ частныхъ предпринимателей, которые извлекли бы изъ него не одинъ миллионъ прибыли... Въ тотъ день, когда вся желѣзнодорожная сѣть очутится въ рукахъ государства, палатѣ придется рѣшить: необходимо ли, чтобы эксплуатаціей ея занималось государство, или-же, чтобы она была передана частнымъ компаниямъ. Я повторяю, однако, что въ случаѣ принятія второго рѣшенія, пробьетъ часъ нашего промышленнаго и торговаго упадка.» (Засѣданіе 15 іюня 1897 г.).

Врядъ ли приходится указывать, что эти аргументы, произведшіе огромное впечатлѣніе на палату, примѣнимы, *mutatis mutandis*, ко всѣмъ другимъ отраслямъ перевозочной промышленности. То, что вѣрно относительно желѣзныхъ дорогъ, въ такой же мѣрѣ сохраняетъ свою справедливость и въ отношеніи трамваевъ. И, въ то время, какъ во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ владычество компаній и трестовъ приводятъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ, въ Англии, наоборотъ, опыты муниципализаціи трамвайнаго дѣла увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести слѣдующій отрывокъ изъ *Municipal Year Book* за 1899 г. «Ни одна область муниципальнаго хозяйства не сдѣлала за послѣдній годъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, какъ эксплуатація трамвайнаго дѣла. Почти всѣ безъ исключенія города муниципализировали трамваи или собираются это сдѣлать. Истеченіе срока заключенныхъ съ компаниями контрактовъ совпадаетъ съ введеніемъ новыхъ методовъ тяги, и черезъ нѣсколько лѣтъ въ большихъ городахъ произойдетъ полный переворотъ въ способахъ быстрого сообщенія. Поэтому многіе муниципалитеты, торопясь подчинить своему контролю трамвайное дѣло, не ожидаютъ истеченія срока концессій и выкупаютъ ихъ заранѣе.

Въ настоящее время общепризнано, что только при веденіи трамвайнаго дѣла общиной, какъ хозяиномъ его, получается наибольшее количество выгодъ для населенія.»

Если кто либо еще сомнѣвается въ этомъ, пусть онъ сравнитъ уряскія колымаги—съ платой въ 30 сантимовъ за конецъ, позорящія мостовыя Парижа, съ изящными экипажами, украшенными гербомъ города, которые за 5 сантимовъ перевозятъ васъ во все концы Эдинбурга или Глазго. Свѣтлыи убѣдятся тогда въ томъ, что веденіе трамвайнаго дѣла городомъ {выгоднѣе монополіи омнибусовъ не только съ точки зрѣнія тарифовъ, но и съ точки зрѣнія оказываемыхъ услугъ. Последнее соображеніе вынуждаетъ насъ перейти къ разсмотрѣнію другого ряда выгодъ, протекающихъ изъ обобществленія.

§ 5. Качество продуктовъ.

Самые ярые противники государственныхъ монополій вынуждены признать за послѣдними то преимущество, что они снабжаютъ потребителей продуктами лучшаго качества, нежели частныя предпріятія. «При высокихъ налогахъ, говоритъ Леруа Болье, государственная монополія представляетъ собою единственный способъ изготавленія гигиеничныхъ и не фальсифицированныхъ продуктовъ. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Во время дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ въ 1877 и 1878 гг. по поводу налога на табакъ, вице-президентъ Стоффенбергъ сказалъ: «мы, бурящіе, знаемъ хорошо, что куримъ, но мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что именно мы куримъ». Употребленіе суррогата въ табакѣ практикуется теперь въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что можно было бы посвятить цѣлую лекцію по ботаникѣ описанію всѣхъ растений, примѣшиваемыхъ къ нашимъ сигарамъ и табаку, начиная съ листа свеклы и кончая вишневымъ листомъ. Не трудно себѣ представить, во что превратится табакъ, когда налогъ на него будетъ увели-

ченъ еще на 55—75 фр. — Французскій акцизъ гораздо выше, нежели тотъ, о которомъ говорилъ этотъ ораторъ въ рейхстагѣ, а между тѣмъ наши продукты чисты отъ всякихъ примѣсей; это именно и можетъ служить лучшимъ аргументомъ въ пользу монополіи».

Этотъ же аргументъ могъ бы быть приведенъ въ защиту монополіи на спиртъ, еслибы, какъ это думали когда-то, очищенная водка могла облегчить борьбу съ алкоголизмомъ.

Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что съ введеніемъ въ Швейцаріи монополіи, очистка спирта, — крайне несовершенная при господствѣ домашняго винокуренія — производится теперь такимъ усовершенствованнымъ способомъ, что приходится примѣшивать $1\frac{1}{2}$ на 1000 fûsel (крайне нечистая картофельная водка), для того, чтобы заставить потребителей покупать федеральную водку, которую они находили безвкусной.

Поспѣшимъ, однако, оговориться. Принимая во вниманіе, что алкоголь, даже въ совершенно чистомъ видѣ, составляетъ ядъ. мы по совершенно другимъ мотивамъ и, главнымъ образомъ, съ цѣлью ограниченія его потребленія, высказываемся за монополизацию его производства и продажи.

Зато, когда дѣло касается пищевыхъ продуктовъ — какъ хлѣбъ, масло, молоко, бакалейные товары, — словомъ, всѣхъ тѣхъ предметовъ потребленія, надъ продажей которыхъ учрежденъ тягостный контроль, (слишкомъ часто, впрочемъ, оказывающійся недѣйствительнымъ), социализация производства и продажи этихъ продуктовъ государствомъ или общиной была бы особенно желательна въ видахъ полученія продуктовъ лучшаго качества.

Въ настоящее время бакалейные торговцы, за рѣдкими исключеніями, пользуются репутацией фальсификаторовъ. Молочницы, несмотря на полицейскій надзоръ, про-

даютъ молоко, смѣшанное съ водою. Фальсификація масла примѣшиваніемъ къ нему маргарина такой общеизвѣстный фактъ, что распространяться о немъ не приходится.

Наконецъ, въ *Revue d' Economie politique*, въ статьѣ, посвященной вопросу о муниципализаціи хлѣбопекарнаго дѣла, мы находимъ слѣдующія поучительныя строки, рисующія состояніе мелкихъ пекаренъ въ Австріи: «Заглянемъ на минуту въ какую-нибудь изъ нашихъ пекаренъ; насъ сейчасъ же охватитъ глубокое отвращеніе при видѣ того, что тамъ происходитъ: игнорируются самыя элементарныя правила гигіены. Всѣ пекарни помѣщаются въ сырыхъ, темныхъ подвалахъ, которые приходится освѣщать даже днемъ. Грязь невѣроятная. Потолокъ, полъ и стѣны чистятся рѣдко или никогда. Отхожія мѣста нерѣдко помѣщаются тутъ же и находятся въ отвратительномъ состояніи. Негдѣ умываться; не видно ни полотенца, ни плевальницъ, ни водоотлива подъ краномъ. Квашня нерѣдко служитъ кроватью или лоханью для мойки бѣлья, а само тѣсто мѣсятъ грязной водою. Помѣщенія эти провѣтриваются рѣдко, особенно зимою, въ видахъ экономіи топлива; воздухъ, поэтому удушливый, наполненъ паромъ, табачнымъ дымомъ и разными вредными и зловонными газами».

Мы, конечно, не думаемъ утверждать, что и во всѣхъ другихъ странахъ пекарни находятся въ такихъ же печальныхъ условіяхъ, какъ въ Австріи; но нельзя, во всякомъ случаѣ, оспаривать того, что производство хлѣба въ большихъ кооперативныхъ булочныхъ представляетъ собою счастливую противоположность только что описанной мрачной картинѣ. Это обстоятельство и служитъ однимъ изъ аргументовъ въ пользу обобществленія хлѣбопекарнаго дѣла.

По тѣмъ же мотивамъ гигиены и въ видахъ экономіи силъ и времени муниципальный совѣтъ въ Глазго занялся выработкой проэкта, имѣющаго въ виду снабженіе населенія молокомъ, предварительно подвергнутымъ въ муниципальной лабораторіи химическому анализу и стерилизаціи. Авторы этого проэкта особенно настаиваютъ на томъ, что муниципализація молочнаго дѣла, кромѣ своихъ преимуществъ съ точки зрѣнія гигиены, значительно ускоритъ доставку молока потребителямъ: молоко будетъ разноситься по домамъ небольшимъ числомъ разносчиковъ точно такъ же, какъ письма и газеты разносятся почтальонами.

Резюмируя, мы можемъ сказать, что веденіе дѣлъ государствомъ или общиной, которыя не гонятся исключительно за барышемъ, представляетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что обезпечиваетъ населеніе чистыми отъ всякихъ примѣсей продуктами. Развитіе социализаціи приводитъ, такимъ образомъ, къ порядочности въ экономическихъ отношеніяхъ.

§ 6. Интересы будущихъ поколѣній.

Независимо отъ непосредственныхъ выгодъ для населенія, веденіе дѣлъ государствомъ имѣетъ передъ ихъ веденіемъ капиталистами еще то преимущество, что оно лучше обезпечиваетъ сохраненіе и рациональную эксплуатацію почвенныхъ и подпочвенныхъ богатствъ.

Исторія хищническаго веденія дѣла на бельгійскихъ желѣзныхъ рудникахъ въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительна.

Въ *Revue Industrielle des mines* (за іюнь 1900 г.) мы находимъ строгую критику эксплуатаціи англійскихъ каменно-угольныхъ копей, критику, которую съ одинаковымъ усѣхомъ можно примѣнить и по отношенію къ другимъ странамъ. «Въ то время, говорится тамъ, какъ

въ угольныхъ бассейнахъ Англии добываніе угля могло бы продолжаться еще (до глубины въ 1200 метр.) втеченіе трехъ вѣковъ, шахтовладѣльцы ведутъ производство такимъ хищническимъ образомъ, что, благодаря вытекающимъ отсюда для будущей эксплуатаціи техническимъ затрудненіямъ, черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ уголь неизбежно долженъ значительно вздорожать.

Когда въ началѣ южно-африканской войны трансевальское правительство взяло въ свои руки эксплуатацію золотыхъ приисковъ Ранда, его инженеры сдѣлали аналогичныя заявленія. «Во многихъ мѣстахъ, писалъ одинъ изъ нихъ, извлекали только самую богатую руду, нисколько не заботясь о рациональности эксплуатаціи и подготовительныхъ работъ».

Та же нерадивость, но въ еще болѣе грубой формѣ и съ болѣе печальными для будущихъ поколѣній послѣдствіями, проявляется при хищнической рубкѣ лѣсовъ частными лѣсовладѣльцами. «Раньше или позже — читаемъ мы въ Bulletin de la société centrale forestiere de Belgique — частные лѣса либо совсѣмъ будутъ истреблены, либо перестанутъ играть ту роль, которую они играютъ теперь въ смыслѣ общаго интереса. Лѣсовладѣлецъ нисколько не заботится о томъ, какое вліяніе рубка его лѣса можетъ оказать на климатъ, атмосферныя осадки и мѣстную промышленность. Онъ заботится исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ.

По этимъ именно мотивамъ чиновники лѣсного департамента, точно такъ же, какъ и большинство экономистовъ, стоятъ за сохраненіе, возстановленіе и расширеніе государственной собственности на лѣса. И слѣдуетъ по этому поводу замѣтить, что всѣ соображенія, которыя ими приводятся, можно въ одинаковой мѣрѣ примѣнить и къ другимъ богатствамъ почвы и подпочвы, которыя необходимо оберегать въ интересахъ будущихъ поколѣній.

§ 7. Заключение и выводы.

Преимущества, о которых только что шла рѣчь, имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, такое важное значеніе, что, вопреки предразсудкамъ, борьбѣ интересовъ и даже серьезнымъ аргументамъ, которые можно выставить противъ веденія дѣлъ капиталистическимъ государствомъ, процессъ социализаціи совершается, въ демократическихъ странахъ, съ все болѣе и болѣе возрастающей интенсивностью.

«Муниципальный совѣтникъ индивидуалистъ—остроумно замѣчаетъ Синдей Веббъ—ходитъ по вымощеннымъ муниципалитетомъ улицамъ, освѣщаемымъ муниципальнымъ газомъ, подметаемымъ муниципальными метлами и поливаемыми муниципальной водой. Муниципальные часы на муниципальномъ рынкѣ показываютъ ему, что онъ пришелъ слишкомъ рано встрѣчать своихъ дѣтей, возвращающихся изъ муниципальной школы, построенной рядомъ съ муниципальной больницей. Онъ воспользуется национальнымъ телеграфомъ и скажетъ своимъ дѣтямъ, чтобы они не приходили въ муниципальный паркъ, а съѣли на муниципальную конку и пріѣхали бы къ нему въ муниципальный залъ для чтенія, находящійся рядомъ съ муниципальной библиотекой и муниципальнымъ музеемъ. Онъ тамъ будетъ просматривать нѣкоторые национальныя изданія, чтобы подготовиться къ рѣчи, которую онъ намѣренъ произнести въ муниципальномъ совѣтѣ по вопросу о канализаціи и объ усиленіи правительственнаго контроля надъ желѣзными дорогами.»

Мы, конечно, должны оговориться,—и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся доказать это,—что частичный коллективизмъ (этотъ переходъ къ общинѣ или государству общепользныхъ предпріятій при господствѣ буржуазнаго строя) глубоко и существенно отличается отъ коллективизма въ настоящемъ значеніи этого слова, а во

многихъ отрасляхъ промышленности его примѣненіе представляло бы больше неудобствъ, чѣмъ преимуществъ.

До сихъ поръ мы говорили только о преимуществахъ, которыя въ общемъ можно свести къ одной и той же причинѣ: въ отличіе отъ частныхъ капиталистовъ, думающихъ исключительно о своихъ барышахъ, общественныя учрежденія больше заботятся объ общемъ интересѣ и руководствуются скорѣе другими соображеніями, чѣмъ видами на прибыль.

Нетрудно понять, что чиновники съ опредѣленнымъ жалованьемъ, нисколько не заинтересованные въ барышахъ предпріятія, не будутъ, подобно частнымъ предпринимателямъ, гонящимся за прибылью, стараться понижать заработную плату, мошенничая на рабочихъ часахъ, обманывать потребителей, фальсифицировать продукты, расхищать естественныя богатства. Но съ другой стороны—и тутъ то выступаетъ наружу обратная сторона медали—повсюду, гдѣ господствуетъ духъ бюрократизма, эта незаинтересованность, это обособленіе личныхъ матеріальныхъ интересовъ *при соціальному стропу, при которомъ дѣйствіе альтруистическихъ факторовъ всячески парализуется*—должны неизбѣжно оказывать гибельное вліяніе на личную инициативу и энергію руководителей предпріятій.

Превосходство, которое социализація труда и объединеніе промышленности представляютъ съ точки зрѣнія производительности труда, отчасти уравнивается рутинной, канцелярскимъ отношеніемъ къ дѣлу, расточительностью, игнорированіемъ желаній потребителя,—всѣмъ, что справедливо ставится въ упрекъ современной бюрократіи. И если муниципальное хозяйство нѣкоторыхъ демократическихъ общинъ можетъ считаться образцовымъ, то въ пользу большинства государственныхъ предпріятій можно сказать лишь то, что, представляя всѣ преимуще-

ства коллективнаго присвоенія, они не стоятъ ниже крупныхъ частныхъ предпріятій.

Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что было бы въ высшей степени ошибочно смотрѣть на коллективизмъ, какъ на простое расширеніе области современной государственной собственности. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться социальное господство буржуазіи, общественныя предпріятія по необходимости будутъ оставаться капиталистическими предпріятіями, эксплуатируемыми государствомъ, если и не въ исключительныхъ интересахъ господствующихъ классовъ, то во всякомъ случаѣ при самомъ благожелательномъ къ нимъ отношеніи.

ГЛАВА III.

Управленіе вещами.

Когда всѣ станутъ чиновниками, не
будетъ больше чиновниковъ.

Ж. Жоресъ.

Несмотря на неоднократно заявленные протесты со стороны теоретиковъ коллективизма, большинство его противниковъ упорно утверждаютъ, что коллективизмъ имѣетъ своимъ девизомъ: «все для государства.»

Но это, конечно, простая игра двойнымъ значеніемъ слова государство.

Государствомъ, взятымъ въ широкомъ значеніи этого слова, будетъ всякая общественная организація, какова бы она ни была. Но это можетъ быть также полицейскимъ и бюрократическимъ государствомъ, служащимъ орудіемъ въ рукахъ имущихъ классовъ для защиты совокупности ихъ интересовъ.

И, только до крайности искажая коллективистскую доктрину, можно дойти до того, чтобы утверждать, что именно этому полицейскому государству, государству въ

настоящемъ видѣ, мы намѣрены довѣрить управление всѣми предпріятіями, монополію всѣхъ отраслей промышленности, власть надъ производствомъ и обменомъ.

Если бы это было дѣйствительно такъ, то самыми ярыми противниками коллективизма были бы сами же коллективисты.

Мы первые готовы признать, что подобный строй былъ бы въ высшей степени опасенъ, какъ съ точки зрѣнія личной свободы, такъ и въ отношеніи общественной производительности труда. Забываютъ только, что коллективизмъ преслѣдуетъ, наряду съ собственнымъ присвоеніемъ, организацію труда, существенно отличающуюся отъ той, которая существуетъ теперь.

Для того, чтобы эта коллективистская организація труда могла установиться, надо предварительно предположить цѣлый рядъ преобразованій не только морального и интеллектуального, но также и политическо-соціального характера, а именно: завоеваніе организованнымъ пролетаріатомъ общественной власти, отдѣленіе *государства-правительства* отъ *государства-промышленника*, децентрализацію общественныхъ предпріятій, характеризующихся теперь гнетущей централизаціей.

§ 1. Завоеваніе пролетаріатомъ общественной власти.

Основное различіе между веденіемъ дѣлъ большими компаніями и веденіемъ дѣлъ государствомъ, общиной, или другими общественными организаціями состоитъ въ способѣ образованія направляющей воли.

Въ первомъ случаѣ эта воля исходитъ отъ собранія акціонеровъ и руководствуется, слѣдовательно, исключительно ихъ частными интересами.

Во второмъ случаѣ, наоборотъ, она исходитъ отъ всей совокупности гражданъ, образующихъ государство или общину и, слѣдовательно, — *въ той мѣрѣ, въ кото-*

рой они дѣйствительно принимаютъ участіе въ управленіи власти—эта воля руководствуется общимъ интересомъ. Но само собою разумѣется, если власть принадлежитъ автократу или же правящей олигархіи, эксплуатация общественныхъ предпріятій можетъ итти въ разрѣзъ съ интересами огромнаго большинства, на пользу автократу или господствующему классу. Часто, поэтому, случается, что въ государствѣ капиталистическомъ, въ особенности же въ государствѣ монархическомъ и милитаристскомъ, сами же коллективисты самымъ энергичнымъ образомъ высказываются противъ расширенія власти государственныхъ предпріятій.

Нѣмецкіе марксисты, напримѣръ, были самыми яркими противниками бисмарковскаго законопроекта о табачной монополіи, законопроекта Каница о монополіи хлѣбной, а въ самое послѣднее время они выступили противъ законопроектовъ аграріевъ, поставившихъ себѣ цѣлью преобразовать *Reichsbank* въ государственный банкъ. «Добиться въ настоящее время созданія государственнаго банка—сказалъ Шенлакъ въ Рейхстагѣ въ февралѣ 1899 года—значило бы дать въ руки юнкерамъ новое оружіе, облегчить осуществленіе ихъ хищническихъ плановъ, параллелизовать вмѣстѣ съ ними успѣхи современнаго производства». Точно такъ же Каутскій, въ своей книгѣ по аграрному вопросу, категорически высказывается противъ буржуазныхъ формулъ націонализаціи земли, которая при политическомъ строеѣ Германіи могла бы привести только къ увеличенію числа государственныхъ фермеровъ, доставляла бы государству средства для отливки новыхъ пушекъ, постройки крѣпостей и военныхъ судовъ,—однимъ словомъ, позволила бы дѣлать огромныя непроеводительныя затраты, не подвергаясь финансовому вмѣшательству парламента.

Короче говоря. для того, чтобы общественная собственность была выгодна для всей совокупности гражданъ, необходимо, чтобы имъ же принадлежала правительственная власть.

И, если вѣрно то, что въ болѣе или менѣе демократическихъ странахъ рабочій классъ пользуется такимъ вліяніемъ, что, благодаря ему, въ дѣлѣ эксплуатаціи нѣкоторыхъ государственныхъ монополій преобладаютъ соображенія общественнаго интереса, то это сдѣлается общимъ правиломъ только тогда, когда полное завоеваніе власти окончательно утвердитъ политическую эмансипацію работниковъ.

Но даже полное преобразование власти само по себѣ не будетъ еще достаточно, чтобы устранить безчисленные неудобства, связанные съ веденіемъ дѣла государствомъ въ его современной формѣ.

Большинство этихъ неудобствъ происходитъ, въ самомъ дѣлѣ, отъ крайней централизаціи и отъ полного смѣшенія административныхъ функций государства съ его хозяйственными функциями, или, по терминологіи Шеффле, отъ смѣшенія *государственнаго хозяйства съ соціальной экономикой*, или, наконецъ, по сильному выраженію Сэнтъ-Симона, отъ смѣшенія *управленія людьми съ управленіемъ вещами*.

§ 2. Государство-правительство и государство-промышленникъ.

Современное государство не представляетъ собою *единнаго* юридическаго лица, а сложный, многообразный и измѣнчивый агломератъ юридическихъ лицъ, отиравающихъ самыя разнообразныя функціи.

Тутъ можно найти организацію воинскаго типа, завѣщаннаго вѣками прошлаго, и современныя организаціи промышленнаго характера.

Представленное министрами государство въ одно и то же время является главою арміи, университета, правосудія, полиціи; а съ другой стороны, оно управляетъ почтой, телеграфомъ, телефономъ, желѣзными дорогами, строитъ мосты, прокладываетъ дороги; занимается надзоромъ за промышленностью и рудниками, покровительствуетъ сельскому хозяйству, чеканитъ монеты.

«Во Франціи, говоритъ Лавелэй, министры располагаютъ суммой въ три миллиарда фр., т. е. суммой, превышающей доходность всей французской земли. Министрамъ же принадлежитъ контроль надъ бюджетами общинъ, округовъ и благотворительныхъ учреждений, а эти бюджеты достигаютъ добраго миллиарда. Они ведутъ и контролируютъ учебное дѣло въ общедоступныхъ школахъ всѣхъ степеней и разрядовъ. Они назначаютъ епископовъ и расплачиваются одной рукой съ священнослужителями, а другой съ оперными балеринами; они содержатъ институты, академіи, обсерваторіи; назначаютъ число гектаровъ подъ табачныя плантаціи, число плантацій на каждомъ гектарѣ и число листьевъ на каждомъ растеніи, назначая для этого особыхъ инспекторовъ; черезъ посредство особыхъ агентовъ, продаютъ они это одурманивающее средство въ многочисленныхъ, разбѣянныхъ по всей странѣ, табачныхъ лавкахъ; они рассылаютъ, письма, телеграммы, газеты, что опять таки требуетъ цѣлаго штата служащихъ; они строятъ шоссеиыя и желѣзныя дороги, мосты, каналы; эксплуатируютъ государственные лѣса; изготовляютъ фарфоровыя издѣлія въ Севрской мануфактурѣ и ковры въ Гобеленовской; при помощи пошлинъ, акциза и премій въ пользу покровительствуемыхъ производствъ они вліяютъ на развитіе раздѣленія труда во всѣхъ отрасляхъ промышленности.»

И для верховнаго управленія всѣми этими многочисленными дѣлами—фактически управляемыми компетентными, но безотвѣтственными чиновниками—избира-

ется известное число ответственных, но не компетентных политических деятелей.

В то время, как председательство в совете управления *частных* железных дорог считается настоящей профессией, — во главе *государственных* железных дорог стоят не инженеры, техники и профессионалы, а адвокаты, политические деятели. И единственным основанием для поручения такому деятелю управления национальными локомотивами служить услуги, оказываемые им своей партией.

Один и тот же министр — и Ванденпербомъ в Бельгии может быть тому примером — в одно и то же время управляет железными дорогами и государственной машиной.

А в случае политического поражения, онъ в то же время оставляет свои технические функции, и именно это то смѣшение, эта неспособность или неустойчивость министровъ, эта разнородная смѣсь противоположных и несовместимых функций, даютъ либеральнымъ экономистамъ самые вѣские, по ихъ мнѣнію, аргументы противъ коллективизма.

Подобно спартанцамъ, нравоучительно показывавшимъ своимъ гражданамъ пьяныхъ илотовъ, либералы показываютъ намъ буржуазное государство съ его бюрократическимъ паразитизмомъ, съ его гнетущей централизацией, стѣснительной регламентацией, разорительнымъ управлениемъ и говорятъ: «Вотъ порядки, которые вы хотите сдѣлать общими для всей государственной и общественной жизни». На самомъ же дѣлѣ коллективизмъ ставитъ себя прямо противоположными цѣли.

Коллективизмъ предполагаетъ не только обобществленіе средствъ производства и обмена. Онъ преслѣдуетъ, кромѣ того, дифференціацию *государства-правительства*, органа правленія, отъ *государства-промышленника*, органа экономической жизни общества.

Мы говоримъ «дифференціація», а не «отдѣленіе», потому что, если промышленная организація (Services), какъ экономическіе органы, должны пользоваться автономіей, необходимой для ихъ усѣшнаго функціонированія, то онѣ не могутъ пользоваться полной независимостью отъ государства, какъ органа коллективной воли. Законодательное вниманіе, направленное теперь на регламентацію рабочаго дня, организацію страховаія рабочихъ, ихъ защиту отъ злоупотребленій властью со стороны хозяевъ,—это вниманіе продолжало бы, очевидно, проявляться, еслибы предпріятія носили общественный характеръ. Но, по мѣрѣ того, какъ будетъ расширяться область общественного хозяйства, все больше и больше будетъ чувствоваться необходимость дифференціаціи экономическихъ и политическихъ функцій; и эта дифференціація будетъ такой же глубокой, какъ и та, которая существуетъ въ человѣческомъ организмѣ между питаніемъ, пищевареніемъ и кровообращеніемъ съ одной стороны и функціями нервной системы съ другой.

Впрочемъ, уже теперь, помимо всякихъ предвзятыхъ идей, и въ силу необходимости, вызываемой обстоятельствами, такая тенденція къ дифференціаціи замѣчается во всѣхъ странахъ. Повсюду, въ самомъ дѣлѣ, требуютъ или приводятъ въ жизнь болѣе или менѣе ясное разграниченіе между политикой и дѣломъ управленія.

Въ 1898 г., напримѣръ, *бельгійская федерація промышленныхъ и торговыхъ обществъ*, жалуясь на нѣкоторыя неправильности въ транспортныхъ тарифахъ желѣзныхъ дорогъ, заявляетъ, что «эти злоупотребленія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги будутъ эксплуатироваться государствомъ и управляться политическими дѣателями, на которыхъ всегда производятся разнаго рода давленія. Эта федерація требовала, поэтому, «образаванія совѣщательнаго тарифнаго комитета, который состоялъ бы изъ желѣзно-дорожныхъ чинов-

никовъ, парламентскихъ депутатовъ и представителей бельгійской промышленности и торговли и съ которымъ министръ долженъ былъ бы совѣтоваться каждый разъ, когда бы онъ намѣревался составлять или измѣнять тарифы».

Аналогичное предложеніе было внесено во французскій парламентъ въ видѣ законопроекта.

Позднѣе, въ статьяхъ «о почтовой анархіи во Франціи», П. Леруа-Болье, въ свою очередь, высказывается за выдѣленіе почты въ особое автономное учрежденіе. «Еще вопросъ, говоритъ онъ, хорошо ли, что во главѣ почтового дѣла стоитъ статсъ-секретарь сенаторъ или депутатъ. Завѣдываніе почтовымъ дѣломъ совершенно не имѣетъ политическаго характера: оно поэтому должно быть поручено человѣку, обладающему извѣстной технической компетенціей. Зачѣмъ же, спрашивается, ставить на этотъ постъ показную фигуру—человѣка естественно некомпетентнаго?..

Зачѣмъ же, прибавимъ мы отъ себя, обобщая эти справедливыя замѣчанія,—зачѣмъ ставить подобныхъ лицъ во главѣ другихъ общественныхъ предпріятій (*Services publics*), напримѣръ, въ перевозочной промышленности, которая все больше и больше превращается въ государственную монополію? Почему бы не послѣдовать примѣру швейцарскаго правительства, которое законопроектомъ о національномъ банкѣ и закономъ, регулирующимъ организацію желѣзныхъ дорогъ, выкупленныхъ государствомъ въ 1893 г., провело рѣзкую грань между политикой и управленіемъ государственными имуществами?

Администрація швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ пользуется по отношенію къ центральной власти полной автономіей. Члены Совѣта Правленія частью назначаются федеральнымъ Совѣтомъ, частью федеральнымъ собраніемъ и частью кантонами. Функции этихъ членовъ по закону

несовмѣстимы съ функціями политическими или правительственными. Это—стоящіе въ сторонѣ отъ политики профессиональные дѣятели, а не профессиональные политики.

Такой же порядокъ существуетъ (и далѣ хорошіе результаты) для желѣзныхъ дорогъ въ англійскихъ колоніяхъ, для департамента труда и народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ; для сберегательныхъ кассъ и общиннаго кредита (учрежденій государственныхъ, но юридически отдѣленныхъ отъ государства)—въ Бельгійи и для нѣкоторыхъ муниципальных учрежденій въ Англійи.

Если распространить эту систему на всѣ общественныя предпріятія, то этимъ можно было бы устранить массу неудобствъ, связанныхъ съ министерскою некомпетентностью или неустойчивостью и съ чрезмѣрнымъ вмѣшательствомъ государственной власти въ область производства. Но эта реформа сама по себѣ недостаточна: она не устранила бы тѣхъ органическихъ недостатковъ, которыми отличается государство-правленіе въ его современной формѣ.

§ 3. Децентрализація общественныхъ предпріятій.

Въ административномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи, характерной чертой существующаго строя является доведенная до крайнихъ предѣловъ централизація.

Снизу до верху, во всѣхъ вѣдомствахъ практикуется одна и та же система контроля, подавляющая инициативу и упраздняющая отвѣтственность. На бельгійской государственной желѣзной дорогѣ, наиримѣръ, инженеръ, завѣдующій мастерскими, не имѣетъ права вносить измѣненія въ способы или систему эксплуатаціи довѣренныхъ ему службъ безъ разрѣшенія своего непосредственнаго начальника, который въ свою очередь долженъ получить на это санкцію дирекціи; рѣшеніе послѣдней,

никовъ, парламентскихъ депутатовъ и представителей бельгійской промышленности и торговли и съ которымъ министръ долженъ былъ бы совѣтоваться каждый разъ, когда бы онъ намѣревался составлять или измѣнять тарифы».

Аналогичное предложеніе было внесено во французскій парламентъ въ видѣ законопроекта.

Позднѣе, въ статьяхъ «о почтовой анархіи во Франціи», П. Леруа-Болъе, въ свою очередь, высказывается за выдѣленіе почты въ особое автономное учрежденіе. «Еще вопросъ, говоритъ онъ, хорошо ли, что во главѣ почтоваго дѣла стоитъ статсъ-секретарь сенаторъ или депутатъ. Завѣдываніе почтовымъ дѣломъ совершенно не имѣетъ политическаго характера: оно поэтому должно быть поручено человѣку, обладающему извѣстной технической компетенціей. Зачѣмъ же, спрашивается, ставить на этотъ постъ показную фигуру—человѣка естественно некомпетентнаго?..

Зачѣмъ же, прибавимъ мы отъ себя, обобщая эти справедливыя замѣчанія,—зачѣмъ ставить подобныхъ лицъ во главѣ другихъ общественныхъ предпріятіи (Services publics), на примѣръ, въ перевозочной промышленности, которая все больше и больше превращается въ государственную монополію? Почему бы не послѣдовать примѣру швейцарскаго правительства, которое законопроектомъ о національномъ банкѣ и закономъ, регулирующимъ организацію желѣзныхъ дорогъ, выкупленныхъ государствомъ въ 1893 г., провело рѣзкую грань между политикой и управленіемъ государственными имуществами?

Администрація швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ пользуется по отношенію къ центральной власти полной автономіей. Члены Совѣта Правленія частью назначаются федеральнымъ Совѣтомъ, частью федеральнымъ собраніемъ и частью кантонами. Функціи этихъ членовъ по закону

несовмѣстимы съ функціями политическими или правительственными. Это—стоящіе въ сторонѣ отъ политики профессиональные дѣятели, а не профессиональные политики.

Такой же порядокъ существуетъ (и далѣе хорошіе результаты) для желѣзныхъ дорогъ въ англійскихъ колоніяхъ, для департамента труда и народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ; для сберегательныхъ кассъ и общиннаго кредита (учрежденій государственныхъ, но юридически отдѣленныхъ отъ государства)—въ Бельгіи и для нѣкоторыхъ муниципальных учрежденій въ Англии.

Если распространить эту систему на всѣ общественныя предпріятія, то этимъ можно было бы устранить массу неудобствъ, связанныхъ съ министерской некомпетентностью или неустойчивостью и съ чрезмѣрнымъ вмѣшательствомъ государственной власти въ область производства. Но эта реформа сама по себѣ недостаточна: она не устранила бы тѣхъ органическихъ недостатковъ, которыми отличается государство-правленіе въ его современной формѣ.

§ 3. Децентрализація общественныхъ предпріятій.

Въ административномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи, характерной чертой существующаго строя является доведенная до крайнихъ предѣловъ централизація.

Снизу до верху, во всѣхъ вѣдомствахъ практикуется одна и та же система контроля, подавляющая инициативу и упраздняющая отвѣтственность. На бельгійской государственной желѣзной дорогѣ, на примѣръ, инженеръ, завѣдующій мастерскими, не имѣетъ права вносить измѣненія въ способы или систему эксплуатаціи довѣренныхъ ему службъ безъ разрѣшенія своего непосредственнаго начальника, который въ свою очередь долженъ получить на это санкцію дирекціи; рѣшеніе послѣдней,

наконецъ, въ большинствѣ случаевъ должно быть одобрено совѣтомъ правленія. То же самое можно было бы сказать и о другихъ странахъ. Короче говоря, всякая инициатива должна пройти черезъ три инстанціи, въ каждой изъ которыхъ она имѣетъ немало шансовъ наталкиваться на рутину, невѣжество, непріязнь. Если инициатива исходитъ отъ человѣка съ огромной силой воли, то онъ преодолѣетъ всѣ эти препятствія; но такъ какъ подобные люди являются исключеніемъ изъ общаго правила, то въ большинствѣ случаевъ инициативѣ суждено заглохнуть.

Съ другой стороны, эта іерархическая организація, ставящая себѣ цѣлю привести все къ центру, уничтожаетъ всякую отвѣтственность. Такъ какъ министромъ бываетъ обыкновенно лицо некомпетентное, то представителемъ интересовъ общества для контроля надъ экономическимъ веденіемъ дѣла является совѣтъ правленія. Отъ кого же послѣдній требуетъ отчета въ случаѣ плохого веденія дѣла? Отъ дирекціи? Но вѣдь она ничего не рѣшаетъ и не можетъ рѣшать безъ одобренія совѣта. Что же касается самой дирекціи, начальника службъ, инженеровъ, то никому изъ нихъ и не прійдетъ въ голову мысль о какомъ либо контролѣ въ интересахъ общества, такъ какъ всѣ они являются сами отвѣтственными за всѣ частности веденія дѣла.

Эта система повсюду пустила такіе глубокіе корни, что въ общественныхъ учрежденіяхъ контролю подвергается не экономическая сторона дѣла, но его чисто внѣшняя сторона. Главное вниманіе обращается на провѣрку того, соблюдались ли при принятіи рѣшеній всѣ правила іерархическаго дѣлопроизводства. Цѣна продуктовъ *feut* не играетъ никакой роли. Никогда директоръ низшаго или высшаго ранга не ведетъ детальной отчетности дѣла. Доклады министра путей сообщенія и его отвѣты на парла-

ментскія интерпрелляціи прекрасно доказываютъ это. Даются обыкновенно нѣсколько суммарныхъ цифръ, доставляемыхъ въ государственную отчетность для контроля бюджета.

Эта система должна была бы быть замѣнена системой децентрализаціи, системой автономіи и отвѣтственности. Ничто не помѣшало бы сдѣлать это сейчасъ же; это было бы даже прекрасной подготовкой къ федеральной организаціи, которая явится на смѣну современной.

Къ тому же эта система въ полномъ своемъ объемѣ примѣняется самой буржуазіей каждый разъ, когда этого требуютъ ея непосредственные интересы. Во всякомъ промышленномъ обществѣ директоръ пользуется полной независимостью въ вопросахъ техническихъ и коммерческихъ. Сосѣтъ правленія, являющійся представителемъ интересовъ акціонеровъ, контролируетъ раньше всего результаты; онъ вмѣшивается въ постановленія и ихъ исполненіе только въ томъ случаѣ, когда затрагиваются особенно важные вопросы и когда онъ считаетъ нужнымъ подвергнуть эти вопросы предварительному разсмотрѣнію.

Чѣмъ крупнѣе предпріятіе, тѣмъ полнѣе децентрализація: въ Seraing s/ Meuse, на примѣръ, у Бокриля, имѣются отдѣльные директора для угольныхъ копей, для доменныхъ печей и желѣзопрокатнаго завода, для сталелитейнаго завода, для механическаго строительства, для экспедицій, и хотя всѣ эти мастерскія, печи, залежи находятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ и функционируютъ на капиталы однихъ и тѣхъ же акціонеровъ, предпріятія эти совершенно независимы другъ отъ друга. Прокатное желѣзо, вырабатываемое чугунолитейнымъ и желѣзопрокатнымъ цехомъ, не должно непременно поступать въ механической цехъ. Если директоръ перваго можетъ въ другомъ мѣстѣ продать свой товаръ дороже или директоръ второго купить его гдѣ либо дешевле, то первый будетъ *вывозить* изъ завода, а второй ввозить нужные ему

товары. То же самое практикуется и на угольныхъ козлахъ и сталелитейномъ заводѣ. Директоръ подвижного состава отвѣчаетъ передъ компаніей за стоимость его ремонта, а директоръ тяги—за стоимость этой полѣдней.

На государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ не существуетъ ничего подобнаго, а если это такъ, то это означаетъ, что въ современномъ государственномъ механизмѣ идея всемогущей и всевѣдушей власти является руководящей.

Слѣдовательно, чтобы дополнить выгоды, вытекающія изъ автономіи общественныхъ предпріятій по отношенію къ правительству, слѣдовало бы децентрализовать самыя эти предпріятія, предоставляя хорошо разграниченнымъ отдѣламъ возможно большую автономію для всего того, что касается ихъ внутренняго функціонированія. При такихъ условіяхъ отвѣтственность каждаго будетъ дѣйствительной и легко устанавливаемой; личная инициатива будетъ поощряться; организація государственныхъ учреждений пріобрѣтетъ гибкость и свободу дѣйствій, которыхъ имъ теперь недостаетъ, и тогда только эти учреждения, при всѣхъ преимуществахъ социализаціи, не будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ уступать крупнымъ компаніямъ въ отношеніи организаціи труда.

§ 4. Государство будущаго.

Реформы, которыя могутъ и должны быть сейчасъ же осуществлены, въ видахъ увеличенія преимуществъ и сокращенія неудобствъ эксплуатаціи общественныхъ предпріятій, являются только отправнымъ пунктомъ для болѣе глубокихъ преобразованій въ современномъ государственномъ строѣ.

Мирнымъ или насильственнымъ путемъ, рядомъ нечувствительныхъ измѣненій или же болѣе или менѣе рѣзкими скачками, государство, какъ олицетвореніе власти,

будетъ все болѣе и болѣе отступать на задній планъ, между тѣмъ, какъ его экономическія функціи будутъ приобретать все большее и большее значеніе.

Противопоставленіе государства-правленія государству-правительству является въ сущности простымъ отраженіемъ противорѣчій, существующихъ между промышленниками и военными организаціями. А между тѣмъ, все указываетъ на то, что, несмотря на неизбѣжныя временныя и частичныя реакціи, политическіе успѣхи пролетаріата, развитіе его международной организаціи, болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе быстрое поглощеніе капиталистической собственности собственностью коллективной, — все это должно привести къ устраненію причинъ войны между людьми, какъ и между народами, а, слѣдовательно, и къ все большому и большому умаленію значенія правительственныхъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ принужденія.

И въ то же время будетъ увеличиваться значеніе децентрализованныхъ или автономныхъ административныхъ учрежденій, цѣль которыхъ будетъ состоять въ томъ, чтобы установить общественную солидарность и эксплуатировать въ общихъ интересахъ все болѣе и болѣе расширяющееся общественное хозяйство.

Дальнѣйшее развитіе этихъ двухъ тенденцій приведетъ въ будущемъ къ строю, основанному на принципѣ добровольной кооперации, гдѣ отъ государства-правительства останется одно только воспоминаніе, а на его мѣстѣ станетъ государство-правленіе, которое будетъ ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью функцій и органовъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить наивысшую производительность труда и наиболѣе справедливое распределеніе богатствъ.

Таковымъ является будущій строй въ представленіи всѣхъ великихъ теоретиковъ коллективизма, начиная отъ анархиста Прудона и кончая его противниками изъ марк-

системской школы; отъ сэнтъ-симонистовъ до послѣдователей Фурье. Въ этомъ отношеніи всѣ могли бы подписаться подъ заключеніями Консидерана, развивающаго идею фаланстера въ своей книгѣ «Судьбы общества».

«Государства, преобразованныя на такихъ началахъ, регулируюція различныя коммерческія и финансовыя дѣла, управляющія внѣшними промышленными сношеніями между отдѣльными центрами, представляютъ собою ничто иное, какъ правленія, назначенныя болѣе или менѣе многочисленными обществами и облеченныя довѣріемъ избравшихъ ихъ людей. Нѣтъ больше мѣста власти, имѣющей къ своимъ услугамъ армію, жандармерію и полицію. Нѣтъ больше деспотизма, ни узурпаціи власти, чего придется всегда бояться народамъ, пока они будутъ вынуждены заниматься изготовленіемъ оружія».

Г Л А В А IV. §

Формулы распредѣленія.

Только съ коммунизмомъ начинается общество; его сущность это коммунизмъ. а историческая эволюція это обобщеніе коммунизма.

Род бертіусъ.

Мы только что показали, что организація труда въ будущемъ строѣ будетъ безконечно больше отличаться отъ организаціи государственныхъ монополій, чѣмъ послѣднія отличаются отъ организаціи частныхъ капиталистическихъ предпріятій. Но еще болѣе важна, какъ съ точки зрѣнія производства, такъ и съ точки зрѣнія распредѣленія, глубокая существенная перемѣна, которая явится слѣдствіемъ обобщенія средствъ производства.

Мы уже говорили, что самой характерной чертой капиталистическаго строя является прежде всего производство товаровъ мѣновыхъ стоимостей съ цѣлью полу-

ченія барышей. «Въ строе, основанномъ на частной собственности, говоритъ Годбертусъ, никогда не работаютъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ общественныхъ потребностей. Каждый работаетъ для рынка, для удовлетворенія спроса, выражающагося въ предлагаемыхъ денежныхъ суммахъ. Могутъ существовать глубокія страданія, но если они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи мѣновыхъ стоимостей, ничего не будетъ сдѣлано для ихъ облегченія. Общественный трудъ считается только съ интересами собственниковъ». Допустимъ, наоборотъ, что собственность дѣлается коллективной: тогда общественный трудъ будетъ направляться уже на пользу коллективныхъ собственниковъ. Производство, имѣющее въ виду только полученіе барышей, замѣнится производствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Вмѣсто того, чтобы изготовлять лишніе или бесполезные предметы, въ то время, какъ тысячи работниковъ умираютъ съ голоду, будутъ заниматься прежде всего производствомъ самаго необходимаго. Постараются сперва обезпечить всѣхъ пищей, жилищемъ, одеждой, образованіемъ и потомъ только будутъ заботиться объ удовлетвореніи болѣе утонченныхъ потребностей. Короче говоря, путемъ кажущагося возврата къ первобытнымъ формамъ, производство для обмѣна уступитъ мѣсто производству для потребленія; но это будетъ производство для *соціальной общины*, а не *общины родовой*, какъ это было въ эпоху первобытнаго коммунизма.

Можно получить нѣкоторое представленіе о значеніи этой перемены, этого переворота, если сравнить организацію какой нибудь анонимной капиталистической компаніи съ коллективистскимъ кооперативомъ, вродѣ брюссельскаго Народнаго дома или гентскаго *Vooruit'a*.

Анонимное общество работаетъ для національнаго и международнаго рынка; оно производитъ мѣновыя

стоимости съ единственной цѣлью получать возможно больше барыша для совокупности своихъ акціонеровъ.

Обобщите этотъ типъ организаціи съ ея нетрудящимися акціонерами и не владѣющими акціями работниками,—и вы получите социальную капиталистическую организацію.

Кооперативное общество, наоборотъ, идеаломъ котораго было бы занять всѣхъ своихъ членовъ для производства всего того, что они потребляютъ, работаетъ раньше всего на пользу кооператоровъ и, если остается вѣрнымъ своему принципу, ставить на первый планъ не полученіе барышей, а обезпеченіе за кооператорами максимума удобствъ.

Обобщите этотъ типъ ассоціацій, и вы получите представленіе—далеко, впрочемъ, неполное—о томъ, чѣмъ будетъ или, вѣрнѣе, чѣмъ можетъ быть будущій строй.

Было бы, конечно, смѣшно въ этихъ слабыхъ зародышахъ будущаго, на которые существующій строй накладываетъ свой отпечатокъ и которымъ онъ самъ составляетъ средства существованія, видѣть изображеніе государства будущаго въ миниатюрѣ. Мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что лучше всего можно себѣ конкретно представить будущее коллективистское производство, если взять отпавнымъ пунктомъ современныя его формы, какъ бы несовершенны онѣ не были, мысленно устранить содержащіяся въ нихъ капиталистическіе пережитки и предположить,—беря, на примѣръ, образцомъ наши большіе бельгійскіе кооперативы—гигантскій кооперативъ, членами котораго будутъ всѣ граждане одной и той же страны или болѣе или менѣе обширнаго района и которому будутъ принадлежать, какъ общественная собственность, всѣ орудія производства или, по крайней мѣрѣ, орудія производства всѣхъ крупныхъ предиріятій. Всѣ члены этого кооператива будутъ являться въ одно и то же время про-

изводителями и потребителями; будут отдавать обществу свой трудъ, физическій или умственный; будут сами избирать своихъ администраторовъ и будут производить всѣ полезности, всѣ потребительныя стоимости, необходимыя для удовлетворенія своихъ потребностей.

Наши противники и критики утверждаютъ, что задача распредѣленія въ подобномъ государствѣ представить трудности, которыя уже теперь обнаруживаются въ противорѣчии предлагаемыхъ формулъ.

Но какъ бы велики ни были эти трудности—а мы готовы смѣло пойти имъ на встрѣчу—слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ничто не мѣшаетъ представить себѣ коллективистское, съ точки зрѣнія собственности и производства, общество, въ которомъ будутъ подвергаться постепенному совершенствованію способы вознагражденія, существующіе въ современномъ обществѣ.

Въ современныхъ коллективистскихъ кооперативахъ работаютъ и наемные рабочіе, но послѣдніе получаютъ не ниже известной заработной платы, участвуютъ въ прибыли, трудятся не больше 8 часовъ въ день—по крайней мѣрѣ въ Брюсселѣ—обезпечены постоянной работой, пользуются цѣлымъ рядомъ преимуществъ въ случаѣ болѣзни, старости, неспособности къ труду. Возможно, что и въ огромномъ кооперативѣ, какимъ будетъ коллективистское общество, сохранятся въ известной мѣрѣ высшія формы наемнаго труда.

Поспѣшимъ, однако, оговориться: этотъ частичный коллективизмъ—мы бы сказали этотъ *капиталистическій коллективизмъ*, еслибы эти два слова не находились между собою въ рѣзкомъ противорѣчии,—эта сдѣлка между индивидуализмомъ и социализмомъ была бы только переходной формой къ чистому коллективизму. Мы поэтому постараемся изучить формулы, предлагаемыя различными школами.

Но какъ бы многочисленны ни были эти формулы, ихъ можно привести къ слѣдующимъ двумъ основнымъ *принципамъ*: принципъ удовлетворенія потребностей, или же принципъ вознагражденія за трудъ,—право на существованіе, или же право на полный продуктъ своего труда.

Исходя изъ точки зрѣнія потребностей и основываясь на правѣ на существованіе, коммунисты говорятъ: «Каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ.» Исходя наоборотъ, изъ точки зрѣнія труда, коллективисты, въ узкомъ смыслѣ слова, отвѣчаютъ: «каждому работнику полный продуктъ его труда.»

На первый взглядъ эти двѣ формулы противорѣчатъ одна другой. Мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что возможно и необходимо ихъ примирить и, что онѣ могутъ дополнять другъ друга.

§ 1. Право на полный продуктъ труда.

Право на полный продуктъ труда находить себѣ полное осуществленіе на пустынномъ островѣ Робинзона, или при такомъ общественномъ строѣ, гдѣ собственность является коллективной, а пользование этой собственностью остается индивидуальнымъ. Такова, напримѣръ, сельская община, гдѣ, если и не каждый работникъ, то по крайней мѣрѣ каждая хозяйственная единица, каждое хозяйство получаетъ свой участокъ, на которомъ производитъ все, что потребляетъ и потребляетъ все, что производитъ.

Но, начиная съ того момента, когда производство становится общественнымъ, когда индивидуальный трудъ замѣняется трудомъ совмѣстнымъ,—не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы каждому работнику давать натурою продуктъ его труда; можно говорить только о стоимости этого продукта, объ эквивалентѣ труда, потраченного работникомъ на общее дѣло. Но въ такомъ случаѣ, слѣду-

еть разобрать смыслъ этой основной формулы, этого лейтъ-мотива всѣхъ коллективныхъ программъ: «каждому работнику продуктъ его труда».

Какъ справедливо замѣчаетъ Антонъ Менгеръ, право на полный продуктъ труда имѣеть, въ социалистическихъ теоріяхъ, двѣ отличныя стороны, одну положительную, а другую отрицательную. Последняя состоитъ въ томъ, что нетрудовые доходы, являющіеся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ частнаго присвоенія капиталовъ, разсматриваются какъ несправедливость, которая должна исчезнуть. На основаніи положительнаго принципа каждый работникъ долженъ изъ всей совокупности производства получить столько стоимостей, сколько онъ самъ создалъ своимъ трудомъ.

Что этотъ принципъ не примѣняется при капиталистическомъ строѣ—это ясно слѣдуетъ изъ всего того, что нами было уже сказано.

«Какъ только земля дѣлается частной собственностью, говоритъ Ад. Смитъ, землевладѣлецъ требуетъ себѣ долю во всѣхъ продуктахъ, которые крестьянинъ можетъ культивировать или собирать на его землѣ. Его рента является первымъ урѣзываніемъ продукта, приложеннаго къ землѣ труда. Продуктъ всякаго другого труда подвергается тому же урѣзыванію въ пользу барыша».

Для того, чтобы этого не было, необходимо, чтобы работники были собственниками своихъ орудій производства и сами потребляли продукты своего труда или-же получали за нихъ точный эквивалентъ.

Въ главахъ о промышленной концентраціи мы доказали, что надѣяться на осуществленіе подобнаго порядка вещей на основѣ индивидуальной собственности, было бы самой вредной утопіей. Но возможно ли, съ другой стороны, примѣненіе «права работника на полный продуктъ его труда» въ социалистическомъ строѣ на основѣ

коллективной собственности? А если допустить эту возможность, то будет ли такой способ распределения справедливым? Вот два серьезных вопроса, которые намъ слѣдуетъ разсмотрѣть.

Для того, чтобы каждый работникъ могъ получать полный продуктъ своего труда, было бы необходимо—и это одно изъ главныхъ возраженій, которыя обыкновенно выставляются противъ коллективизма—изолировать этотъ продуктъ, опредѣлить ту часть, которую онъ составляетъ по отношенію ко всей совокупности продуктовъ общественнаго труда. Но послѣ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ споровъ, которые были подняты по этому вопросу, намъ не приходится настаивать на томъ, что такого рода вычисления связаны съ почти непреодолимыми трудностями.

Если не ограничиться эмпирическими выкладками и не придавать одной и той же стоимости продукту всякаго индивидуальнаго рабочаго дня, то какъ опредѣлить стоимость, произведенную каждымъ даннымъ индивидуальнымъ трудомъ, умственнымъ или физическимъ, направленнымъ на добываніе, изготовленіе или обращеніе продуктовъ?

Найти долю индивидуальнаго труда въ общественномъ продуктѣ въ большинствѣ случаевъ такъ же трудно, какъ найти иголку въ стогѣ сѣна.

Но, если даже допустить, что можно найти общую мѣру для опредѣленія стоимости, произведенной каждымъ даннымъ индивидуальнымъ трудомъ, то было бы несправедливо весь продуктъ общественнаго труда распределить исключительно между непосредственными производителями. Это означало бы непризнание правъ косвенныхъ производителей—непризнание правъ всѣхъ тѣхъ, нематериальное содѣйствіе которыхъ оказываетъ общему дѣлу незаменимыя услуги; это означало бы также отрицаніе пра-

ва на существованіе за слабыми, неспособными, за всѣми тѣми, кто рождается для страданій; это, наконецъ, означало бы приписать личностямъ, составляющимъ общество, результаты, достигнутые самимъ обществомъ.

Индивидуальный трудъ, справедливо говоритъ Родбертусъ, обязанъ сотрудничеству большей частью своей производительности. На какомъ же основаніи личность получить то, что не ею было создано. Общество, совместный трудъ котораго одинъ только и даетъ полезные результаты, имѣетъ право на часть общественнаго продукта, которая и будетъ изъята изъ области распредѣленія между производителями.»

Такимъ образомъ, съ того момента, когда общественное производство становится на мѣсто индивидуальнаго, формула—«право на полный продуктъ труда» не можетъ быть понимаема въ ея индивидуалистическомъ смыслѣ. Она только означаетъ, что вся совокупность работниковъ должна пользоваться всѣми плодами общественнаго труда, что пользованіе продуктами этого труда не можетъ являться слѣдствіемъ индивидуальнаго присвоенія средствъ производства.

Но это еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ, сколько каждый работникъ получить изъ общественныхъ богатствъ, произведенныхъ той общиной, членомъ которой онъ состоитъ; и тутъ то, по мнѣнію нашихъ противниковъ—подчеркивающихъ противорѣчіе между правомъ на существованіе и правомъ на продуктъ труда—находится камень преткновенія коллективистской теоріи.

Коллективизмъ, говорятъ они, не имѣетъ формулы распредѣленія. И на этомъ пунктѣ экономисты, какъ Леруа Болье, сходятся съ коммунистами-анархистами, противопоставляющими коллективистской формулѣ—коммунистическій принципъ: «каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ».

§ 2. Право на существованіе.

Авторъ книги «La conquête du pain», развивая принципъ «права на существованіе» или, вѣрнѣе, «права на благосостояніе», заявляетъ, что единственный принципъ распределенія, который могъ бы быть примѣняемъ въ коммунистическомъ обществѣ, это тотъ, который уже теперь примѣняется сельскими общинами въ Европѣ.

«Если община владѣетъ, напримѣръ, лѣсомъ, каждый изъ общинниковъ можетъ имъ свободно пользоваться, пока его хватаетъ для всѣхъ.»

«Такой же обычай существуетъ и по отношенію къ общиннымъ пастбищамъ: пока травы достаточно, никто не контролируетъ ни числа головъ скота, ни количества травы, потребляемой каждымъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Къ раздѣлу пастбища или распределенію травы прибѣгаютъ только тогда, когда пастбище становится недостаточнымъ.

«А если вы посѣтите восточныя государства Европы, гдѣ довольно дѣятельныхъ лѣсовъ и земли, то вы тамъ увидите, что крестьяне рубятъ лѣсу, сколько имъ нужно, обрабатываютъ столько земли, сколько имъ необходимо, и никто не думаетъ объ ограниченіи пользованія лѣсомъ или о раздѣлѣ земли. Но, какъ только начинаютъ увествоваться недостатки въ томъ и другомъ, лѣсъ и земля раздѣляются между крестьянскими хозяйствами, сообразно ихъ потребностямъ.

«Словомъ, неограниченное потребленіе того, что имѣется въ изобиліи, и раздѣлъ того, что имѣется въ ограниченномъ количествѣ. На 350 милліоновъ, населяющихъ Европу, 200 милліоновъ придерживаются этихъ обычаевъ, коренящихся въ самыхъ глубокихъ тайникахъ человѣческой природы.

Замѣтимъ, однако, что эти примитивные способы распределенія практикуются чаще всего по отношенію къ естественнымъ богатствамъ, не требующимъ никакого

человѣческаго труда. Наоборотъ, какъ только трудъ выступаетъ на сцену, примѣненіе коммунистическаго принципа наталкивается на невѣроятныя сопротивленія. Потребовалась бы, впрочемъ, чрезвычайная интенсивность альтруистическихъ чувствъ работниковъ, для того, чтобы ихъ производительная энергія не ослаблялась отсутствіемъ всякаго прямого и личнаго интереса расширить производство.

Вотъ почему, признавая вмѣстѣ съ авторомъ упомянутой книги наличность коммунистическихъ тенденцій въ современныхъ обществахъ,—а эти тенденции получили бы еще болѣе большой размахъ въ обществѣ коллективистскомъ,— намъ, тѣмъ не менѣе, представляется невозможнымъ, чтобы при распредѣленіи общественнаго продукта считались исключительно съ потребностями каждаго даннаго лица и нисколько съ его трудомъ, точно такъ же, какъ мы не допускаемъ, чтобы считались исключительно съ трудомъ и нисколько съ потребностями.

Въ сущности обѣ формулы—каждому согласно его труду и каждому согласно его потребностямъ—представляютъ исходную и конечную точки одной и той же эволюціи, выдѣляющей изъ современнаго строя наиболѣе несовершенныя формы коллективизма, чтобы привести въ концѣ къ наиболѣе свободнымъ и наиболѣе полнымъ формамъ коммунизма.

Мы къ тому же сходимся на этомъ пунктѣ съ нѣкоторыми коммунистами-анархистами. «Когда народы, говоритъ Карпантэ, такъ глубоко прониклись духомъ торговли и конкуренціи и такъ хорошо усвоили принципъ: «каждый для себя», то нужно время для того, чтобы этотъ принципъ былъ забытъ. Чувство общности, такъ долго подавляемое и гонимое, будетъ опять развиваться, но медленно. Нужно поэтому признать, что для того, чтобы дать новымъ идеямъ и новымъ жизненнымъ обычаямъ время развиваться, необходимо пройти черезъ промежуточ-

ный этапъ коллективизма. Формулы, какъ «націоналізація земли и всѣхъ орудій производства», хотя и туманныя и трудно примѣнимыя, послужатъ ядромъ, изъ котораго разовьется это чувство. Частичныя примѣненія этихъ формулъ разовьютъ въ человѣкѣ способность къ общему труду и идею общаго дѣла.»

Такимъ образомъ, кажущіяся противорѣчія между принципами, принятыми разными социалистическими школами, исчезнутъ, если предположить, что они соотвѣтствуютъ различнымъ стадіямъ общественной эволюціи.

Нашъ общій идеалъ, всѣми нами преслѣдуемая конечная цѣль—это коммунизмъ, и уже теперь, во все болѣе и болѣе возрастающемъ числѣ общественныхъ учрежденій мы находимъ его частичныя примѣненія: можно, напримеръ, указать на расходы по бесплатному образованію, на содержаніе дѣтей въ школахъ, управляемыхъ коллективистскими муниципалитетами, на гарантіи существованія, признанныя—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ—за больными, стариками и инвалидами труда.

Придетъ, быть можетъ, время, когда развитіе нравственности и общественной солидарности, обиліе производства, неудобства и затрудненія, связанныя со всякимъ другимъ способомъ распредѣленія богатствъ,—все это заставитъ обобщить примѣненіе коммунистическаго принципа. Но, при настоящемъ положеніи вещей, мы волей неволей должны считаться съ эгоизмомъ, съ узко-личнымъ интересомъ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для того, чтобы обезпечить максимумъ производительности труда.

§ 3. Выводы и заключенія.

Разсматривая все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что невозможно установить такой принципъ распредѣленія, который могъ бы получить примѣне-

ніе повсемѣстно и на всѣхъ ступеняхъ общественной эволюціи. Превосходство, всегда относительное и временное-той или иной формулы зависить, въ концѣ концовъ, отъ того, насколько данная формула лучше всякой другой обезпечиваетъ—въ каждый данный моментъ—наибольшее развитіе производительныхъ силъ, наибольшій расцвѣтъ всего производства.

Замѣтимъ, вдобавокъ, что въ коллективистскомъ строѣ эти вопросы о «раздѣлѣ» не будутъ имѣть того существеннаго значенія, какое они имѣютъ въ настоящее время и какое буржуазные экономисты продолжаютъ, по аналогіи съ современнымъ строемъ, приписывать имъ и тогда, когда мысленно переносятся въ совершенно другой социальный строй.

Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время вся прибавочная стоимость распредѣляется между владѣльцами частнаго капитала; только послѣ процесса распредѣленія одна часть этой прибавочной стоимости—та именно, которая не потребляется непроизводительно—идеть на развитіе средствъ производства, на вознагражденіе работниковъ, не принимающихъ прямого участія въ производствѣ, или же на покрытіе общественныхъ расходовъ.

Въ коллективистскомъ строѣ, наоборотъ, придется дѣлать лишь сравнительно малую часть прибавочной стоимости, произведенной общественнымъ трудомъ. Еще до какого бы то ни было распредѣленія этой прибавочной стоимости между личностями, община вычтетъ то, что необходимо для дальнѣйшаго развитія производства, для вознагражденія работниковъ, не принимающихъ прямого участія въ производствѣ матеріальныхъ продуктовъ, и для содержанія общественныхъ учреждений, которыя будутъ предоставлены въ бесплатное пользованіе всѣхъ гражданъ.

Но въ социальномъ строѣ, въ которомъ коммунистическій принципъ будетъ все болѣе и болѣе примѣняться,

эти дѣлаемые съ общаго согласія вычеты, все больше и больше будутъ ограничивать сферу индивидуальнаго распределенія.

Представимъ себѣ, для примѣра, общество, которое само, актами коллективной воли, обезпечивало бы развитіе своихъ средствъ производства; которое признавало бы за всѣми работниками, точно такъ же, какъ за всѣми инвалидами труда, равныя права на удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей; которое преобразовало бы въ бесплатныя учрежденія обученіе и содержаніе дѣтей, жилища, освѣщеніе и отопленіе, снабженіе водой, перевозку писемъ, пассажировъ и продуктовъ,—словомъ, всѣ функции общественной жизни, удовлетворяющія общимъ потребностямъ, почти одинаковымъ для всѣхъ членовъ общества: не очевидно ли, что въ подобномъ обществѣ, всецѣло проникнутомъ коммунизмомъ, задача индивидуальнаго распределенія—сообразно, на примѣръ, количеству и качеству доставленнаго продукта—будетъ имѣть только второстепенное значеніе.

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе конкретной, мы можемъ еще разъ указать на коллективистскіе кооперативы, гдѣ этотъ способъ распределенія въ извѣстной мѣрѣ практикуется уже и теперь.

Такъ, на примѣръ, по статутамъ брюссельскаго Народнаго Дома, раньше чѣмъ распределяется прибыль, работникамъ выдается установленная заработная плата; группамъ Рабочей Партіи обезпечивается помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе; больнымъ членамъ кооператива—содержаніе и леченіе; отдѣламъ искусства, образованія, воспитанія и пропаганды выдаются субсидіи, сообразно со средствами, которыми располагаетъ кооперативъ. И только за вычетомъ всего этого и за отчисленіемъ суммъ, идущихъ въ резервный капиталъ и на погашеніе, а также на дальнѣйшее усовершенствованіе орудій производства, остатокъ прибыли распределяется между кооперативами.

Точно также и въ коллективистскомъ строѣ раньше всего будутъ удовлетворены потребности общаго характера и будетъ обеспечено право на существованіе за всѣми членами общины, — только послѣ этого излишекъ продуктовъ, или, вѣрнѣе, произведенныхъ стоимостей, станетъ предметомъ дифференціального распределенія.

Ничто не помѣшаетъ коллективистскому обществу сохранить существующую теперь въ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденіяхъ іерархію въ вознагражденіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой общество найдетъ полезнымъ съ точки зрѣнія производства, предоставить нѣкоторымъ работникамъ или нѣкоторымъ категоріямъ работниковъ особія преимущества съ цѣлью повышать ихъ энергію и производительность ихъ труда.

Коллективизмъ, слѣдовательно, не предполагаетъ не-премѣнно равенства вознагражденія.

И это позволяетъ намъ отвѣтить на слѣдующее банальное возраженіе. Говорятъ, что въ коллективистскомъ обществѣ всѣ захотятъ заниматься наиболѣе пріятнымъ и наиболѣе легкимъ трудомъ и, что придется, значить, прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ для того, чтобы добиться справедливаго распределенія рабочихъ силъ: уборка нечистотъ будетъ такъ же обязательна, какъ теперь отбываніе воинской повинности.

Замѣтимъ прежде всего, что въ тотъ день, когда такого рода принужденіе оказалось бы дѣйствительно необходимымъ, были бы придуманы и пущены въ ходъ всѣ необходимыя изобрѣтенія, чтобы низвести до самой ничтожной величины число «отталкивающихъ работъ». Но, если даже оставить это возраженіе во всей его силѣ и признать за нимъ то общее значеніе, которое ему придаютъ — неясно ли, что и съ этой точки зрѣнія коллективистскій строй будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ же средства воздѣйствія, что и строй капиталистическій?

Что происходитъ теперь, при слишкомъ большомъ наплывѣ рабочихъ въ одну какую нибудь отрасль промышленности? Заработная плата понижается. Она, наоборотъ, порышнется тамъ, гдѣ рабочихъ слишкомъ мало. То же самое могло бы имѣть мѣсто и въ коллективистскомъ строѣ: доля каждаго въ подлежащемъ распредѣленію излишкѣ (послѣ того, какъ будутъ сдѣланы необходимые вычеты) для каждой данной отрасли производства будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше число работниковъ въ этой отрасли. Слѣдовательно, занятія, которыя привлекутъ къ себѣ слишкомъ большое число работниковъ, будутъ сравнительно мало выгодны. Наоборотъ, избѣгаемая занятія, непріятныя и опасныя работы будутъ вознаграждаться значительно лучше. Коллективистскій строй будетъ, въ выгодномъ для него смыслѣ, отличаться отъ современнаго только слѣдующимъ: благодаря лучшей постановкѣ дѣла профессиональнаго образованія, переходъ отъ одной отрасли къ другой не представитъ тѣхъ крайнихъ трудностей, какія онъ представляетъ теперь.

Слѣдуетъ ли итти дальше въ разсмотрѣніи вопросовъ, выдвигаемыхъ организаціей труда на коллективистскихъ началахъ? Слѣдуетъ ли, напримѣръ, разсмотрѣть вопросъ о томъ, какъ и въ какой мѣрѣ коллективность работниковъ будетъ принимать участіе въ дѣлѣ управленія предпріятіями и въ дѣлѣ назначенія состава правленія. Ставить подобные вопросы означало бы не понимать того, что рѣшеніе ихъ по необходимости мѣняется въ зависимости отъ времени, мѣста, отрасли промышленности, степени интеллектуальнаго и моральнаго развитія работниковъ.

Насколько важно быть точнымъ и практичнымъ, когда дѣло касается мѣръ, которыя приходится принимать изо дня въ день, настолько же, на нашъ взглядъ, лишено всякаго смысла и химерично желаніе заранѣе на-

чертать подробно разработанный планъ организациі, которая только въ главныхъ чертахъ своихъ появляется на общественномъ горизонтѣ.

Тѣхъ же, кому подобныя гипотезы особенно по вкусу, мы отсылаемъ къ тѣмъ многочисленнымъ «очеркамъ будущаго строя», которые появились за послѣдніе десять лѣтъ. Они будутъ только затрудняться въ выборѣ между научной точностью Шеффле, нѣскольکو пошлой изобрѣтательностью Беллами и восхитительно поэтической фантазіей William Morris'a. Когда же они познакомятся со всѣми современными утопіями, то само разнообразіе этихъ послѣднихъ имъ покажетъ ихъ безусловно субъективный характеръ.

Мы, впрочемъ, далеки отъ намѣренія отрицать пользу этихъ литературныхъ произведеній: они облачаютъ въ красивую конкретную форму отвлеченности теоріи; они отвѣчаютъ на тѣ безчисленные возраженія, которыя сыплются изъ устъ ненавистниковъ всѣхъ новшествъ; они пріучаютъ нашу мысль двигаться свободно за предѣлами исторической обстановки буржуазнаго міра. Но какъ только, благодаря имъ, наши мечты пріобрѣли ясныя, опредѣленныя очертанія, намъ необходимо спуститься въ міръ дѣйствительности, измѣрить всю силу препятствій, отдѣляющихъ насъ отъ обѣтованной земли и отыскивать средства, которыя помогутъ достигнуть ея народамъ, находящимся на пути къ лучшему будущему,

ГЛАВА V.

Средства осуществленія.

*Flectere si nequeo superos
Acheronta movebo.*

Виргилій.

Во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ производства и обмѣна, гдѣ капиталистическая концентрація уже сдѣлала свое дѣ-

ло, разрушивъ или подчинивъ себѣ личную собственность, экспроприация экспроприаторовъ является единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ, способнымъ возстановить, на болѣе широкихъ основаніяхъ, союзъ между собственностью и трудомъ. Но если всѣ коллективисты сходятся во взглядахъ по этому вопросу, то это единодушіе далеко не существуетъ, когда рѣчь идетъ о средствахъ, которыя должны привести къ этой цѣли.

Планы обобществленія, предлагаемые различными школами, можно раздѣлить на три категоріи, въ зависимости отъ того, преслѣдуютъ ли эти школы экспроприацию средствъ производства безъ вознагражденія, экспроприацию съ соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ или, наконецъ, экспроприацию съ назначеніемъ пожизненной пенсіи.

§ 1. Экспроприация безъ вознагражденія.

Сторонники простой конфискации капиталистической собственности могутъ ссылаться на историческіе прецеденты, изъ которыхъ самымъ поразительнымъ является уничтоженіе феодальныхъ привилегій въ 1789 г.

Въ своей книгѣ «Le Socialisme et la Révolution française» André Lichtenberger ясно показалъ, что аргументы, оправдывающіе экспроприацию, осуществленную буржуазіей, можно, по тождеству мотивовъ, примѣнить и къ экспроприации самой буржуазіи и, что поэтому тотъ, кто восторгается уничтоженіемъ привилегій 1789 г., не имѣетъ, быть можетъ, достаточныхъ основаній отстаивать святость привилегій 1900 г.

«Опасность угрожаетъ капиталу несомнѣнно гораздо меньше, говоритъ Lichtenberger, чѣмъ она угрожала феодальнымъ привилегіямъ 1789 г.; но капиталъ имѣетъ въ настоящее время съ ними то общее, что онъ является законной собственностью въ глазахъ лишь одной части націи и что положеніе его можетъ стать критическимъ

въ тотъ день, когда враждебная ему часть націи. ставъ у власти, дастъ такое опредѣленіе собственности, подъ которое капиталъ не подойдетъ. Нельзя сказать, чтобы съ теоретической точки зрѣнія подобная мѣра являлась большимъ посягательствомъ на собственность, чѣмъ та, которая была принята въ 1789 г. Нетрудно себѣ представить, что съ того момента, какъ принципъ давности, какъ узаконяющій собственность, упраздняется, по отношенію къ капиталу можетъ быть усвоена политика, подобная той, которая примѣнялась по отношенію къ привилегіямъ феодаловъ.

Тогда дѣлали различіе между феодальными правами, имѣвшими своимъ происхожденіемъ закрѣпощеніе крестьянъ и подлежащими уничтоженію, и тѣми, которыя имѣли своимъ источникомъ собственность и могли быть уничтожены только путемъ соответственнаго вознагражденія. Точно такъ же и по отношенію къ капиталу будутъ дѣлать различіе между тѣмъ капиталомъ, который образовался путемъ накопленія трудовыхъ сбереженій и тѣмъ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно только дѣйствию денегъ: послѣдній видъ капитала будетъ признанъ незаконнымъ и въ концѣ концовъ уничтоженъ; первый же сохранится или будетъ замѣненъ потребительными талонами. Феодальныя привилегіи были уничтожены безъ соответствующаго вознагражденія вслѣдствіе враждебнаго отношенія аристократовъ къ новому строю и вслѣдствіе того, что эта мѣра была необходима для блага общества. Почему же не предположить, что и всякаго рода капиталы, даже тѣ, по которымъ будутъ выданы потребительные талоны, по такимъ же точно причинамъ подвергнутся такой же участи?

Никто, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ поручиться, что сопротивление имущаго класса не будетъ въ одинъ прекрасный день имѣть тѣхъ же послѣдствій, какъ и въ концѣ XVIII вѣка; что проекты не подвергнутся постепенной и мирной

экспроприации, той же участи, что и аналогичные проекты, разработанные накануне Французской Революции Тюрго и Кондорсэ. Замѣтимъ только, что для того, чтобы представить себѣ возможность капиталистической конфискации, экспроприации безъ соответствующаго вознагражденія—оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько она была бы законна—необходимо обязательно исходить изъ предположенія, что всякаго рода ренты—поземельныя и капиталистическія—будутъ одновременно уничтожены.

Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ книги «*La conquête du pain*», въ нашемъ обществѣ существуютъ такія установившіяся отношенія, которыя невозможно измѣнить, касаясь ихъ только отчасти.

«Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, что въ какомъ нибудь районѣ совершится частичная экспроприация; что ограничатся экспроприаціей крупныхъ помѣщиковъ, но не тронуть фабрикъ, какъ этого требовалъ Анри Джоржъ; что въ такомъ то городѣ будутъ экспропрированы дома, но не будутъ обобществлены пищевые продукты; что въ такомъ то промышленномъ районѣ будутъ экспропрированы фабрики, но останется нетронутой крупная земельная собственность. Во всѣхъ этихъ случаяхъ получится результатъ одинъ и тотъ же: полное разстройство экономической жизни и отсутствіе всякой возможности организовать ее на новыхъ основаніяхъ; промышленность и обмѣнъ прекратятся, и общество, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вернется къ принципамъ справедливости; общество окажется не въ состояніи возстановить гармоническое цѣлое.

Разсужденія эти кажутся неопровержимыми: экспроприация безъ вознагражденія будетъ полной, или же ея совсѣмъ не будетъ.

Но съ другой стороны очевидно, что для того, чтобы эта экспроприация не встрѣтила непреодолимыхъ пре-

пятствій, необходимо, чтобы капиталистическая концентрація достигла крайнихъ предѣловъ, чтобы отъ личной собственности осталось одно только воспоминаніе, чтобы огромное большинство гражданъ состояло изъ пролетаріевъ, которымъ «нечего было бы терять, кромѣ своихъ цѣпей».

Но, даже допустивъ все это,—что, повидимому, можетъ осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ,—нельзя сомнѣваться въ томъ, что изъ всѣхъ формъ общественной ликвидаціи, экспроприація безъ вознагражденія—принимая во вниманіе сопротивленіе, безпорядки и кровавыя столкновенія, которыя оно неминуемо вызоветъ—оказалась бы, въ концѣ концовъ, наиболѣе дорогой. «Мы нисколько не считаемъ, писалъ Энгельсъ въ 1894 г., вознагражденіе собственниковъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, невозможнымъ. Не разъ Карлъ Марксъ говорилъ мнѣ, что еслибы намъ удалось выкупить все у этой банды, то это былъ бы еще самый дешевый способъ отдѣлаться отъ нея».

Посмотримъ, поэтому, можно ли осуществить этотъ выкупъ, давъ капиталистамъ то, что бельгійская конституція называетъ справедливымъ и предварительнымъ вознагражденіемъ.

§ 2. Экспроприація съ вознагражденіемъ.

Этотъ способъ примѣняется современными правительствами при выкупѣ, напримѣръ, желѣзнодорожныхъ концессій.

Государство дѣлаетъ заемъ на необходимую для выкупа сумму и уплачиваетъ экспроприированнымъ капиталистамъ по крайней мѣрѣ стоимость отчуждаемыхъ имуществъ. Чаше же всего вознагражденіе многимъ превышаетъ эту стоимость. Но, предположивъ даже, что дѣло обстоитъ иначе, что выкупъ совершается при нормаль-

ныхъ условіяхъ,—то кому не ясно, что подобная экспропріація нисколько не рѣшаетъ вопроса объ уничтоженіи нетрудовыхъ доходовъ.

Уничтожаются, правда, дивиденды акціонеровъ, но послѣдніе взамѣнъ получаютъ государственную ренту; расширяется область коллективной собственности, но пропорціонально этому увеличивается государственный долгъ. Это и даетъ Finet поводъ сказать: «кто дѣлаетъ заемъ съ цѣлью созданія національной собственности, дѣйствуетъ въ ущербъ коллективности и на руку капиталистамъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе будутъ продолжать получать свои доходы. Они выкупаютъ имущества по цѣнамъ, превышающимъ ихъ стоимость и заставляютъ государство вкладывать въ предпріятія капиталы, доходы съ которыхъ не покрываютъ даже процентовъ займа.

Эта критика отличается несомнѣнно нѣкоторыми крайностями. Несмотря на чрезвычайно высокія цѣны нѣкоторыхъ выкуповъ, объединеніе бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, независимо отъ преимуществъ, которыя оно представляетъ для населенія и для служащихъ, не было съ финансовой точки зрѣнія невыгодной операціей. Но не менѣе вѣрно и то, что экспропріація средствъ производства, когда она имѣетъ своимъ слѣдствіемъ увеличеніе государственнаго долга, не можетъ положить конца существованію класса, живущаго рентой, имѣющаго возможность жить безъ труда, благодаря эксплуатаціи труда другихъ. При такихъ условіяхъ уничтоженіе класса паразитовъ возможно только путемъ банкротства, либо путемъ погашенія долга. Одно изъ двухъ: либо государство не захочетъ или окажется не въ состояніи выполнить свои обязательства, что косвеннымъ путемъ приведетъ къ экспропріаціи безъ вознагражденія; либо же оно будетъ постепенно погашать государственный долгъ.

Но для погашенія нужны средства, и эти средства, по необходимости будутъ доставляться трудомъ или же приобрѣтенными богатствами. А это приводитъ насъ къ изслѣдованію тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ коллективность сможетъ вознаграждать живыхъ капиталистовъ, экспроприруя въ то же время безъ вознагражденія капиталистовъ умершихъ.

§ 3. Экспроприація съ пожизненной пенсией.

Между способами экспроприаціи, группирующимися вокругъ этой формулы, находятся такіе, которые предполагаютъ, точно такъ же, какъ и экспроприація безъ вознагражденія, рѣзкій и полный переходъ отъ капиталистическаго строя къ коллективистскому; другіе, наоборотъ, вполне совмѣстимы съ постепеннымъ и ограниченнымъ преобразованиемъ.

I. Въ своей «*Quintessenz des Sozialismus*» Шеффле такъ характеризуетъ систему первой группы:

Буржуа можетъ имѣть право на то, что онъ приобрѣлъ при настоящемъ способѣ производства и мы у него выкупимъ его частный капиталъ точно такъ же, какъ онъ выкупилъ феодальныя привилегіи, но онъ не имѣетъ никакого права мѣнять въ будущемъ установленію лучшаго способа производства.

Народъ можетъ во всякое время провозгласить новую форму производства, какъ соответствующую высшей формѣ справедливости. Тогда капиталистъ не сможетъ больше одинъ заниматься крупной промышленностью: онъ будетъ считать себя счастливымъ, если выкупятъ у него и у его дѣтей частный капиталъ, назначивъ ему взаменъ ежегодныя пособія въ видѣ средствъ существованія, причемъ пособія эти будутъ выдаваться только до тѣхъ поръ, пока все приспособится къ новымъ условіямъ. Нашъ капиталистъ подчинится новому праву, провозглашенному большинствомъ народа, точно также, какъ дворянство

вынуждено было подчиниться праву, провозглашенному буржуазіей и довольствоваться вознагражденіемъ взаѣмнѣ уничтоженныхъ феодальныхъ повинностей.

При подобномъ способѣ экспроприаціи, семья, обладающая, напримѣръ, средствами производства стоимостью въ 100000 фр. должна была бы считать себя вполне вознагражденной, еслибы въ продолженіе 30, 40 или 50 лѣтъ она получала бы для покрытія этой суммы ежегодныя пенсіи въ видѣ разныхъ предметовъ потребленія и роскоши. Но, повторяю, все это предполагаетъ одновременное уничтоженіе всѣхъ формъ частнаго капитала. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы нѣкоторые собственники получали только въ теченіе извѣстнаго времени ежегодныя пособія, между тѣмъ какъ другіе получали бы вѣчную ренту. И, слѣдовательно, формулу вознагражденія въ видѣ пожизненной пенсіи нельзя примѣнить въ томъ случаѣ, когда дѣло касается постепеннаго перехода, по линіи наименьшаго сопротивленія, отъ капиталистическаго способа присвоенія къ коллективистскому. Этотъ процессъ обобществленія можетъ нормально совершиться только при томъ условіи, если одни и тѣ же правила будутъ одинаково примѣняться ко всѣмъ безъ исключенія и если не будетъ создано различныхъ категорій вознагражденія для различныхъ категорій капиталистовъ.

«Новая общественная организація, сущность которой состоитъ въ томъ, что въ основаніе ея кладется справедливость, должна осуществиться безъ допущенія какой бы то ни было несправедливости» (Colins). А этого можно достигнуть при способѣ экспроприаціи, который, по выраженію Базара, состоитъ въ томъ, чтобы передать государству, ставшему Ассоціаціей работниковъ, наследственное право, ограниченное въ настоящее время предѣлами частной семьи».

Изъ безчисленныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью ограничить наследственное право достаточно указать, въ ви-

дѣ примѣра, на тѣ, которыя предлагаются въ его книгѣ «Théorie générale de l'organisation de la propriété».

1. Наслѣдство безъ завѣщанія.

«Единственная форма наследства, которую необходимо сохранить съ цѣлью побужденія къ труду, — это форма наследства по прямой линіи. Всякая другая его форма совершенно излишня для этой цѣли, откуда существуетъ возможность дѣлать завѣщаніе.

«Необходимо поэтому:

«Уничтоженіе путемъ закона всякаго права наследованія по боковой линіи; переходъ въ общественную собственность всякаго наследства *ab intestat*, безъ прямого наследника.

2. Наслѣдство по завѣщанію.

«Сохраненіе этой формы необходимо для побужденія къ труду, какъ главному двигателю общественнаго прогресса.

«Въ дѣйствительности же это право ведетъ къ непрерывному уменьшенію коллективнаго богатства, росту индивидуальных богатствъ, а слѣдовательно и къ науперизму народныхъ массъ.

«Но общество, являющееся единственнымъ защитникомъ организаціи семьи и собственности, можетъ наложить на этотъ видъ наследства возможно болѣе высокіе налоги, лишь бы только послѣдніе не ослабляли вліянія наследства, какъ стимула, побуждающаго къ труду.

«Мы установили бы налогъ въ 25⁰/₀.

• «Ясно, что тотъ, кто унаслѣдуетъ по завѣщанію 100000 фр. не сочтетъ за несправедливость, если ему выдадутъ только 75000, зная, что онъ самъ получитъ свою долю во всѣхъ другихъ оставленныхъ по завѣщанію наследствахъ.

«Необходимо поэтому:

«Установить путемъ закона налогъ въ размѣрѣ 25⁰/₀ на всѣ оставленныя по завѣщанію наследства».

Само собою разумѣется, что величина этого налога, возможность его примѣненія, словомъ, радикализмъ этой реформы зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ параллельныхъ успѣховъ законодательства въ сосѣднихъ странахъ и отъ массы другихъ обстоятельствъ, на которыхъ пришлось бы слишкомъ долго останавливаться. Но какъ бы то ни было, нельзя оспаривать того, что большее или меньшее ограниченіе наследственнаго права является одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, которыя доставили бы государству, или вѣрнѣе коллективности ресурсы, необходимые для осуществленія постепеннаго обобществленія средствъ производства.

Остается разобрать, какимъ образомъ эти ресурсы могли бы быть употреблены съ наибольшей пользой для достиженія указанной цѣли.

Всѣ предлагаемая въ этомъ смыслѣ мѣры сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ тремъ слѣдующимъ:

- 1) Созданіе потребительныхъ обществъ.
- 2) Участіе государства въ предиріятіяхъ, уже существующихъ или только формирующихся.
- 3) Полное обобществленіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности путемъ уплаты соотвѣтствующаго вознагражденія.

А. Производительныя общества.

Это то, что Менгеръ называетъ кооперативнымъ социализмомъ и съ чѣмъ связаны имена Лассалья и Луи Блана.

Когда Лассаль требовалъ отъ государства сто милліоновъ талеровъ на устройство по всей Германіи производительныхъ рабочихъ обществъ, онъ въ сущности предлагалъ тотъ же проэктъ реформъ, который разработалъ Луи Бланомъ во время революціи 1848 г.

Въ своей книгѣ «L'organisation du travail» и въ 4-омъ томѣ «Questions d'aujourd'hui et de demain»,

Луи Бланъ, повторяя идею фурьеристовъ, предлагаетъ учредить «Министерство Прогресса», главная цѣль котораго была бы привести, путемъ постепенныхъ реформъ, къ уничтоженію классовъ. Этому Министерству принадлежалъ бы контроль надъ желѣзными дорогами и рудниками, надъ эмиссионнымъ банкомъ и страховыми учрежденіями, оно устраивало бы ярмарки для мелкой торговли и складочныя мѣста для крупной, причемъ эти учрежденія пользовались бы правомъ выдавать, взаменъ оставленныхъ на храненіе товаровъ, особые знаки, иѣчто вродѣ «монеты-товара». Прибыль, которую государство получило бы отъ всѣхъ этихъ учрежденій, пошла бы раньше всего на уплату процентовъ и погашеніе капитала, необходимаго для всѣхъ этихъ операцій. Излишекъ поступилъ бы въ «Рабочій Бюджетъ». На средства этого бюджета создавались бы сельскохозяйственныя и промышленныя рабочія общества, которымъ государство обезпечивало бы необходимый кредитъ для покупки средствъ производства.

«Это дѣло, говоритъ Луи Бланъ, требовало бы затраты огромныхъ капиталовъ,—поэтому первоначальное число мастерскихъ должно было бы быть крайне ограничено. Но, въ силу самой ихъ организациі, эти мастерскія обладали бы чрезвычайной способностью къ расширенію.

Такъ какъ правительство считалось бы единственнымъ основателемъ этихъ общественныхъ мастерскихъ, то оно вырабатывало бы ихъ уставы. Эти уставы, по ихъ обсужденіи и голосованіи народнымъ представительствомъ, получили бы форму и силу закона.

На работу въ эти общественныя мастерскія принимались бы всѣ тѣ рабочіе, нравственное поведеніе которыхъ было бы надлежащимъ образомъ установлено; число мѣстъ въ мастерскихъ зависѣло бы отъ величины первоначально собраннаго капитала на средства производства.

«Такъ какъ, благодаря ложному и противообщественному воспитанію, получаемому нынѣшнимъ поколѣніемъ, единственнымъ мотивомъ соревнованія является разница въ вознагражденіи, то пришлось бы установить іерархію функций, съ соответствующимъ различіемъ въ размѣрахъ заработной платы. Въ то же время воспитаніе на совершенно новыхъ началахъ имѣло бы своею цѣлью кореннымъ образомъ измѣнить существующія теперь понятія и права.

«Само собою разумѣется, что заработная плата должна была бы, во всякомъ случаѣ, вполне обезпечить существованіе работника».

По мнѣнію ихъ инициатора эти общественныя мастерскія должны были бы представить, съ точки зрѣнія производительности труда, такое превосходство надъ капиталистическими, что послѣднія должны были бы неизбежно исчезнуть или же преобразоваться въ общественныя мастерскія.

«Вмѣсто того, чтобы, подобно крупному капиталисту, являться господиномъ и деснотомъ рынка, правительство выполняло бы только роль его регулятора. Оно пользовалось бы конкуренціей не для того, чтобы разорить частную промышленность (чего оно должно будетъ избѣгать и въ своихъ собственныхъ интересахъ), а для того, чтобы незамѣтнымъ образомъ ввести ее въ составъ общественныхъ мастерскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всякой отрасли промышленности, гдѣ будетъ устроена общественная мастерская, къ послѣдней стануть скоро примыкать работники капиталисты, благодаря преимуществамъ, которыя она даетъ своимъ членамъ.

«И то самое явленіе, которое, въ силу господствующей тираніи, теперь происходитъ при такихъ печальныхъ условіяхъ и исключительно въ интересахъ личнаго эгоизма,—это самое явленіе могло бы, спустя нѣкоторое

время, безъ всякой узурпаціи, безъ несправедливости и безъ непоправимыхъ бѣдствій, привести къ торжеству принципа ассоціаціи.

Въ настоящее время промышленникъ, обладающій крупнымъ капиталомъ, можетъ однимъ сильнымъ ударомъ уложить на мѣстѣ своихъ соперниковъ и монополизировать цѣлую отрасль производства. При предлагаемой нами системѣ преобразования, государство, мало по малу, сдѣлается хозяиномъ промышленности, и слѣдствіемъ этого успѣха будетъ не монополія, а полное пораженіе конкуренціи—торжество ассоціаціи.

Можно было бы многое позаимствовать изъ этого проекта организаціи труда, которая въ общемъ замѣняетъ капиталистическія привилегіи корпоративной монополіей, которая ведетъ къ уничтоженію конкуренціи въ каждой данной отрасли промышленности, но лишь путемъ усиленія этой конкуренціи между различными отраслями. Но, независимо отъ этихъ соображеній принципиальнаго характера, было бы въ высшей степени яавно думать, что, при настоящемъ состояніи развитія капитализма, кооперативныя производительныя общества, поддерживаемыя даже въ финансовомъ отношеніи государствомъ, оказались бы въ состояніи одержать верхъ въ этой конкуренціи и подчинить своему господству крупныя предпріятія, которыя въ настоящее время одни только властвуютъ надъ рынкомъ.

Только въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ капитализмъ еще слабо развитъ—въ большей части отраслей сельскохозяйственной промышленности, на примѣръ,—система производительныхъ обществъ могла бы, на нашъ взглядъ, служить переходной формой къ полному обобществленію.

В. Участіе государства въ частныхъ предпріятіяхъ.

Вмѣсто того, чтобы создавать новыя предпріятія въ расчетѣ на то, что ихъ конкуренція заставила-бы исчезнуть предпріятія капиталистическія, современный социализмъ задается скорѣе цѣлью социализировать уже существующія предпріятія, достигая этого либо путемъ ихъ экспроприаціи, либо путемъ участія въ нихъ государства. Къ системѣ этого послѣдняго ряда относится и проектъ «свободной социализаціи», внесенный въ бельгійскій Сенатъ 27-го декабря 1899 г.

Задавшись вопросомъ о томъ, какимъ образомъ увеличить доходы государства, не отымая ихъ въ тоже время у трудящагося населенія, какъ достигнуть наибольшей степени обобществленія, не посягая въ то же время на принципъ свободы и личной инициативы, Solvay предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя резюмируетъ такимъ образомъ:

«Прежде всего нужно было бы приступить къ пересмотру законовъ объ акціонерныхъ обществахъ, съ цѣлью воспрепятствовать въ будущемъ слишкомъ легкому создаванію разнаго рода дѣлъ, затѣваемыхъ почти исключительно въ интересахъ ихъ основателей и въ прямой ущербъ интересамъ акціонеровъ. Можно было-бы, напри- мѣръ, заставить основателей какого нибудь предпріятія дать обязательство оставаться въ дѣлѣ участникомъ въ теченіе 5-ти до 10 лѣтъ; вклады должны были-бы выплачиваться только съ излишка прибыли, который остается сверхъ опредѣленнаго процента съ капитала. Разумѣется, необходимыя для всего этого мѣры должны быть тщательно разработаны, но такъ или иначе, дѣйствующее до сихъ поръ законодательство безусловно нуждается въ пересмотрѣ, независимо даже отъ указанной мною цѣли болѣе общаго характера. Число дутыхъ про- мышленныхъ и торговыхъ операцій было-бы этимъ са-

мымъ значительно сокращено, и такъ какъ, съ другой стороны, разсматриваемое по періодамъ благосостояніе такихъ странъ, какъ Бельгія, Германія, Англія, все болѣе и болѣе возрастаетъ, то та изъ нихъ, которая обладала бы въ достаточной степени финансовыми средствами, чтобы принять одновременно участіе во всѣхъ возникающихъ предпріятіяхъ, была-бы вполне увѣрена въ выигрышъ просто въ силу теоріи вѣроятностей, такъ усѣбно примѣняемой обществами страхованія разнаго рода. Государство, согласно моему проекту, стало бы въ силу закона всеобщимъ участникомъ во всѣхъ возникающихъ въ странѣ предпріятіяхъ. Оно какъ бы говорило публикѣ: «принесите мнѣ свои вклады, въ какихъ угодно размѣрахъ, подѣ проценты, приблизительно соотвѣтствующіе проценту государственныхъ займовъ. Я принимаю ихъ, что-бы помѣстить въ качествѣ пассивнаго акціонера во всѣхъ предпріятіяхъ.—Это помѣщеніе капиталовъ производилось-бы, разумѣется, по опредѣленнымъ правиламъ, подлежащимъ установленію.

«При такихъ условіяхъ государство играло бы лишь незначительную роль въ управленіи и сократило-бы до послѣднихъ размѣровъ расходы по администраціи. Кромѣ того, оно обратило-бы въ свою пользу почти всю разницу между среднимъ дивидендомъ со всѣхъ предпріятій, въ которыхъ оно состояло-бы участникомъ, и процентами въ пользу его заимодавцевъ. Чѣмъ болѣе возрастала бы сумма сужаемыхъ ему денегъ, тѣмъ болѣе расширялось бы его участіе въ дѣлахъ. Частная инициатива, эта душа всякого дѣла, осталась-бы во всей своей силѣ, не будучи ни въ чемъ парализовано, и въ тоже время государство, при первой возможности использовать благоприятныя для него обстоятельства, проводило-бы все болѣе и болѣе систему постепеннаго обобществленія. Идя дальше въ этомъ направленіи, можно теоретически пред-

ставить себѣ такой социальный строй, гдѣ, путемъ непрерывнаго примѣненія этого принципа свободы, была-бы въ концѣ концовъ достигнута полная социализація всѣхъ рѣшительно предпріятій. Частная инициатива ни на одинъ моментъ и ни въ чемъ не была бы подавлена и проявлялась бы даже, на этой послѣдней стадіи развитія, исключительно съ цѣлью обезпечить активнымъ участникамъ предпріятій высшее вознагражденіе за трудъ—промышленный или торговый доходъ вмѣсто простого жалованья чиновника.

«Мнѣ кажется, что въ основѣ такого пониманія вещей лежитъ принципъ чрезвычайной важности. Этотъ принципъ даетъ, какъ мнѣ думается, рѣшеніе, которое я такъ долго искалъ, рѣшеніе задачъ, выдвигаемыхъ непрерывнымъ ростомъ социаль-демократическаго движенія и необходимостью его ограниченія, а также вопросомъ о социализаціи всѣхъ предпріятій; эти три вопроса—о ростѣ, ограниченіи и социализаціи—были бы на практикѣ и мирнымъ образомъ выдвинуты передъ государствомъ самимъ народомъ безъ малѣйшаго нарушенія съ его стороны принципа полной свободы».

Въ общемъ, слѣдовательно, дѣло обстояло-бы такъ: государство занимало-бы подѣ обычные проценты государственныхъ займовъ, всѣ довѣряемыя ему населеніемъ деньги, и помѣщало-бы ихъ согласно установленнымъ правиламъ, во всѣ предпріятія, имѣющія болѣе или менѣе серьезный характеръ.

Новой и дѣйствительно оригинальной чертой представленнаго выше проекта Solvay является на нашъ взглядъ не сама идея «социализаціи предпріятій» путемъ участія государства въ предпріятіяхъ, руководимыхъ частными лицами. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ множество примѣровъ участія подобнаго рода, начиная съ Пруссіи, считавшейся нѣкогда въ числѣ акціонеровъ Прусскаго

Банка и кончая Бельгіей, считающейся и теперь, наряду съ огромнымъ числомъ частныхъ лицъ, акціонеромъ «Общества провинціальныхъ желѣзныхъ дорогъ». Дѣйствительная оригинальность и новизна этой системы выражается, по нашему мнѣнію, въ обобщеніи и вѣрной оцѣнкѣ того неоспоримаго факта, что если отдѣльные капиталисты подвергаются риску нести всякаго рода потери, капиталистическое производство, взятое въ цѣломъ, во всей совокупности предпріятій, необходимо реализуетъ одни только барыши, которые притомъ все болѣе и болѣе возрастаютъ.

Слѣдовательно, еслибы существовало такое лицо, которое обладало бы финансовыми средствами настолько, чтобы принимать участіе во всѣхъ предпріятіяхъ страны, оно могло бы, въ силу теоріи вѣроятности, рассчитывать съ математической вѣрностью на полученіе однихъ только барышей.

Но вѣдь роль такого лица можетъ взять на себя государство, сдѣлавшись банкиромъ всего міра, ставши посредникомъ между всѣми, кто ищетъ предпріятія для помѣщенія своихъ капиталовъ, и тѣми, кто ищетъ капиталовъ для предлагаемыхъ ими предпріятій серьезнаго характера. И при такихъ условіяхъ государство воспользовалось бы почти всей разницей между средней цифрой дивидендовъ со всѣхъ предпріятій, въ которыхъ оно было бы заинтересовано, и процентами, идущими въ пользу его заимодавцевъ.

Замѣтимъ, однако, что эта разница сводилась бы къ нулю или почти къ нулю въ тѣхъ [случаяхъ, когда государство принимало бы участіе въ предпріятіяхъ, существующихъ съ давняго времени и достигшихъ, такъ сказать, извѣстной неподвижности въ смыслѣ увеличенія дальнѣйшей ихъ доходности. Ибо государство приобрѣтало бы акціи такихъ обществъ не по ихъ номинальной стои-

мости, а по ихъ цѣнѣ на биржѣ, цѣнѣ, которая не имѣла бы большихъ шансовъ на повышеніе въ будущемъ. Отсюда слѣдуетъ, что участіе государства въ дѣлахъ частныхъ обществъ, существующихъ съ давняго времени, имѣло бы смыслъ въ томъ случаѣ только, когда бы оно задалось цѣлью подготовить или облегчить окончательную экспроприацію этихъ обществъ, экспроприацію, которая была бы имъ признана выгодною по мотивамъ совершенно другого характера. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ *новыми* предпріятіями; тутъ эта «система проникновенія» государства въ частныя общества, такъ восхваляемая Solvay, представляется въ высшей степени соблазнительнымъ средствомъ заинтересовать государство во всѣхъ дѣлахъ страны, и, такимъ образомъ, осуществить возможность постепеннаго перехода отъ капиталистическаго строя къ режиму полнаго обобществленія.

Мы не можемъ, однако, согласиться съ Solvay, когда онъ утверждаетъ, что государство, принявъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, какъ вновь создающихся, такъ и расширяющихся, являлось бы и могло бы являться въ немъ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ, почти пассивнымъ акціонеромъ, который не выполнялъ бы никакой другой функции, кромѣ участія въ прибыляхъ.

Именно въ силу этого участія, государство несло бы нравственную отвѣтственность передъ служебнымъ персоналомъ этихъ предпріятій; какъ акціонеръ и какъ участникъ въ прибыли, оно имѣло бы право и обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы длина рабочаго дня, размѣры заработной платы, организація страхованія рабочихъ соответствовали властнымъ требованіямъ общественной совѣсти и, по мѣрѣ того, какъ расширялось бы участіе государства въ частныхъ предпріятіяхъ, возрастали бы одновременно размѣры его вліянія и его обязательствъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что система „свободной социализаціи“, защищаемая Solvay, привела бы въ конечномъ счетѣ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какія имѣло бы полное обобществленіе крупной промышленности, выставляемое въ программахъ социалистовъ.

С. Полная социализація промышленности.

Допустимъ, что осуществится на дѣлѣ проведеніе „коллективистической политики“, имѣющей предметомъ постепенную передачу главнѣйшихъ отраслей промышленности въ руки общинъ или государства, проникнутыхъ принципомъ демократизма, децентрализаціи и отдѣленія промышленныхъ функций государства отъ его правительственныхъ функций. Слѣдуя этой политикѣ, надо было бы прежде всего начать, пня по линіи наименьшаго сопротивления, съ обобществленія естественныхъ монополій или монополій искусственныхъ, создаваемыхъ капиталистической концентраціей.

Въ самомъ дѣлѣ, когда заходитъ рѣчь о промышленныхъ монополіяхъ, всѣ аргументы, выставляемые противниками социализма, съ точки зрѣнія личной инициативы и преимуществъ, создаваемыхъ конкуренціей —падаютъ сами собою, въ виду того, что въ монополіяхъ конкуренціи не существуетъ и что, съ другой стороны, при господствѣ анонимныхъ обществъ, всегда стѣсняющихъ личную инициативу, нѣтъ никакого основанія допустить, чтобы личная инициатива *частныхъ* чиновниковъ, какими являются служащіе этихъ обществъ, проявлялась въ большей степени, нежели у *общественныхъ* чиновниковъ, при условіи, конечно, что этимъ послѣднимъ были бы предоставлены такія же матеріальныя выгоды и свобода дѣйствій, какъ и частнымъ лицамъ. Но успѣвшимъ сейчасъ же замѣтить, что поле дѣйствія коллективизма было бы до крайности сужено, еслибы пришлось

ограничиться социализацией только этихъ отраслей промышленности, давно установившихся, сконцентрированныхъ, проникнутыхъ настолько рутинной и однообразіемъ употребляемыхъ методовъ, что переходъ ихъ въ вѣдѣніе государства представляется выгоднымъ даже теперь, при современной организаціи общественной власти. Но мѣръ того, какъ организація этой послѣдней будетъ становиться все болѣе совершенной, возраженія, которыя можно теперь, по справедливости, выставить противъ социализаціи другихъ предпріятій, помимо монопольныхъ, теряли бы постепенно свое значеніе.

Что при современномъ положеніи вещей индивидуальное и коллективное веденіе предпріятія имѣютъ каждое въ отдѣльности, съ точки зрѣнія производительности, свои недостатки и преимущества, это съ особенной ясностью выступаетъ тогда, когда сооставляютъ такія двѣ крайнія формы промышленной организаціи, какъ ремесленное предпріятіе, съ одной стороны, и государственная монополія, съ другой. Но въ то время, какъ преимущества, связанные съ индивидуальнымъ предпріятіемъ, постепенно уменьшаются по мѣрѣ роста капиталистической концентраціи и распространенія анонимныхъ обществъ, преимущества коллективной организаціи промышленныхъ предпріятій продолжаютъ все увеличиваться вмѣстѣ съ политическимъ и социальнымъ прогрессомъ общества.

Вначалѣ мы имѣемъ дѣло съ полицейскимъ государствомъ, которое, внезапно превратившись въ промышленника или коммерсанта, сохраняетъ еще всю свою первоначальную грубость и неотесанность, обращается со своими служащими почти съ такою же суровостью, какъ самыя худшіе рабовладѣльцы капитализма и руководствуется въ управленіи коллективнымъ имуществомъ соображеніями не общественнаго, а чисто фискальнаго характера.

Съ того момента, наоборотъ, когда вмѣшательство пролетаріата въ руководство общественными дѣлами становится дѣйствительнымъ, когда область политики отдѣляется отъ экономики, когда государство, какъ промышленный организмъ, дѣлается независимымъ отъ государства, какъ органа власти, коллективная форма производства, децентрализованная, свободная отъ гнета бюрократизма, присваиваетъ себѣ мало по малу преимущества, какія представляетъ веденіе дѣлъ промышленными обществами, и въ то же время сохраняетъ и увеличиваетъ всѣ преимущества, какія даются социализаціей. Наконецъ, въ общежитіи, построенномъ на социалистическихъ основахъ, производительность общественнаго труда получила бы тѣмъ большее развитіе, чѣмъ координація общественныхъ силъ была бы болѣе совершенной, и члены общества, въ качествѣ производителей и въ то же время потребителей, были бы всѣ въ одинаковой степени заинтересованы въ увеличеніи количества изготовляемыхъ ими продуктовъ.

§ 4. Выводы и заключенія.

Различные способы социализаціи, только что разсмотрѣнные нами—экспроприація крупной промышленности, участіе государства въ новыхъ предпріятіяхъ, устройство кооперативныхъ группъ, съ участіемъ или безъ участія въ нихъ общественной власти,—очевидно, нисколько не исключаютъ другъ друга. Совершенно напротивъ, все говоритъ въ пользу того, что производство на коллективныхъ началахъ, представляя собой неизбежное завершеніе промышленной эволюціи, будетъ достигнуто не однимъ какимъ либо путемъ или примѣненіемъ одной какой либо исключительной системы, а комбинаціей всѣхъ мѣръ, всѣхъ усилий, всѣхъ формъ инициативы, направленныхъ къ одной общей цѣли—уничтоженію нетрудовыхъ доходовъ, обобществленію средствъ производства.

«Нѣтъ такого разумнаго социалиста—замѣчаетъ Сидней Веббъ въ одномъ изъ своихъ интересныхъ, по обыкновенію, трактатовъ—который бы считалъ практически осуществимымъ немедленную передачу въ руки общества всѣхъ бакалейныхъ лавокъ. Демократизація мелкой торговли, какъ и многихъ другихъ отраслей промышленности, можетъ осуществиться, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, при помощи «Store» или «Wholesale» гораздо раньше, чѣмъ государство или мѣстная администрація рѣшится взять ихъ въ свои руки.

Съ другой стороны, самые крайніе оптимисты между сторонниками кооперативовъ принуждены признать, что кооперація, какъ бы широка ни была возможная сфера ея дѣйствія, очень далека отъ того, чтобы охватить всѣ отрасли промышленности и обмѣна. Даже въ Англии, этой обфтованной землѣ кооператизма, муниципальный социализмъ развивается гораздо быстрѣе кооперативовъ. Капиталы, вложенные органами общественной власти въ одной только промышленности газа, превышаютъ все имущество 1767 кооперативныхъ обществъ Соединеннаго Королевства.

Возлагать надежды на то, что обобществленіе всѣхъ крупныхъ средствъ производства будетъ достигнуто при помощи частныхъ рабочихъ кооперативовъ—значило бы усыплять себя и усыплять пролетаріатъ несбыточными химерами. Эта операція можетъ только подготовить почву для социализма, но сама по себѣ неспособна повести къ его торжеству. И только одна лишь экспроприація класса капиталистовъ, осуществленная дѣйствіями коллективной воли, можетъ обезпечить полную эмансипацію пролетаріата. Что же касается вопроса, какъ совершится эта экспроприація, путемъ ли постепеннаго перехода или вцезанно, мирнымъ образомъ или путемъ революціи, съ соответственнымъ вознагражденіемъ или безъ него,—все

это вопросы, которые, увы, находятся въ гораздо меньшей зависимости отъ нашихъ желаній, чѣмъ отъ измѣняющихся условій мѣста и времени.

Конечно, каждый человѣкъ не лишенный сердца, долженъ желать даже при отсутствіи всякой надежды, чтобы освобожденіе работниковъ не стоило человѣчеству столькихъ слезъ и крови, какъ гражданскія войны и международныя столкновенія при выступленіи на сцену исторіи третьяго сословія. Но когда видишь, съ какимъ слѣпымъ упорствомъ, съ какой жестокостью привилегированные классы оказываютъ сопротивленіе самымъ скромнымъ требованіямъ рабочаго класса, невольно приходятъ на умъ слова Валленштейна изъ Шиллера: «Широкъ только міръ идей, міръ вещей—тѣсенъ: идеи легко уживаются одна рядомъ съ другой, но вещи въ пространствѣ приходятъ въ жестокое столкновеніе. Повсюду, гдѣ одна вещь занимаетъ мѣсто, другая должна его уступить. Чтобы не быть вытѣсненнымъ, надо самому вытѣснять другихъ. Борьба господствуетъ повсюду, и только одна лишь сила торжествуетъ побѣду».

И вотъ эту силу, властительницу міра, долженъ вдохнуть въ себя пролетаріатъ. Необходимо, чтобы работники, приводя въ исполненіе девизъ Интернаціонала, пробуждали у тѣхъ, которые еще спятъ, сознаніе ихъ классовыхъ интересовъ, чтобы они подымали уровень интеллектуальнаго и нравственнаго своего развитія до высоты своихъ великихъ надеждъ, чтобы все болѣе упрочивая свободную и самостоятельную организацію рабочаго класса, они подготовили поколѣнія, которыя были бы достаточно зрѣлы для демократической организаціи общественнаго труда. Необходимо, однимъ словомъ, чтобы коллективистская мысль проникла во всѣ учрежденія, напитаала собой всѣ умы, растворила всѣ сопротивленія. День за днемъ совершается и заканчивается это завоеваніе и, даже по признанію на-

пболѣ добросовѣстныхъ нашихъ противниковъ, коллективизмъ можетъ присвоить себѣ слова Тертуліана, съ которыми тотъ, два вѣка спустя послѣ смерти Іисуса Христа, обратился къ умирающему язычеству: «Вчера только явились мы въ міръ и уже сегодня нами заполнена вся ваша страна: ваши города, ваши крѣпости, ваши муниципалитеты, ваши собранія, ваши арміи—даже декорумы, палатины, сенатъ вашъ и форумъ,—мы оставляемъ вамъ только храмы! Но, добавимъ мы отъ себя, даже и храмы эти начинаютъ уже пустеть.

ГЛАВА VI.

Возраженія.

«Всѣ люди рождаются свободными и неравными. Цѣль коллективизма оставить въ силѣ это прирожденное неравенство и извлечь изъ него возможно больше пользы.» Такими словами начинаетъ Grant Allen свое прекрасное произведеніе, въ которомъ доказываетъ, что устанавливая принципъ равенства въ отправномъ пунктѣ, уничтожая наследственныя привилегіи, поддерживающія промышленное и соціальное могущество столькихъ невѣждъ и посредственностей, коллективизмъ, далекій отъ стремленія низвести человѣчество къ единому уровню, далъ бы, наоборотъ, возможность развернуться всѣмъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ силамъ во всемъ ихъ блескѣ и значеніи. Кромѣ того, обезпечивая каждому возможность полного развитія, вырывая изъ когтей нищеты и невѣжества тысячи одаренныхъ людей, способныхъ при малѣйшемъ улучшеніи ихъ участи, подъ первымъ лучемъ свѣта проявить свои таланты, развивая съ помощью систематической организаціи общія и спеціальныя способности работниковъ, коллективизмъ вознесъ бы на высшую степень развитія человѣческое знаніе, власть человѣка надъ при-

родой и, слѣдовательно, свободу, въ самомъ широкомъ и глубокомъ смыслѣ этого слова. Таковы одновременно и цѣль, которую себѣ ставитъ, и направленіе, въ которомъ необходимо идетъ освобожденіе труда. Спрашивается, по какому удивительному недоразумѣнію происходитъ то, что люди въ добрыхъ намѣреніяхъ которыхъ, повидимому, трудно сомнѣваться, видятъ въ коллективизмѣ доктрину безпощадной нивелировки и странную угрозу для развитія правъ личности. Въ своемъ сочиненіи «Воспитаніе чувства» Flaubert, напр., въ лицѣ одного изъ своихъ наиболѣе отталкивающихъ типовъ, репетиторъ Сенеколь, какъ бы выставляетъ живое олицетвореніе, синтезъ разныхъ системъ коллективизма. Онъ, Сенеколь, былъ знакомъ съ сочиненіями Mably, Morelly, Fourier, Saint-Simon, Cabet, Louis-Blanc, со всеѣмъ этимъ тяжелымъ багажемъ писателей-соціалистовъ, которые требуютъ для челоѣчества режима казармъ, которые хотѣли бы его забавлять развлеченіями дома терпимости или обратить его въ гигантскую контору. И изъ всей этой смѣси, онъ, Сенеколь, составилъ себѣ идеаль добродѣтельной демократіи, носящій двойной отпечатокъ мелкаго помѣстья и крупной фабрики, что то вродѣ американской Лакедемоніи, гдѣ челоѣкъ индивидуумъ существуетъ только для общества, болѣе могущественнаго, абсолютнаго, безгрѣшнаго и божественнаго въ своей власти, чѣмъ великіе Lamas'ы и Павуходоносоры. Вотъ, слѣдовательно, формулированное съ такою же рѣзкостью, какъ и несправедливостью, основное возраженіе, выставляемое противъ коллективизма: всемогущество государства, превращеніе всеѣхъ гражданъ въ простыхъ исполнителей, въ рабовъ центральной власти; полнѣйшее отсутствіе свободы; подавленіе личной инициативы и всего, что дѣлаетъ жизнь прекрасной и заманчивой, начиная съ утопченной роскоши однихъ и кончая чудеснымъ проявленіемъ искусства,

слишкомъ нѣжными для того, чтобы произрастать въ казарменной атмосферѣ.

Уже одно, сдѣланное нами выше, изложеніе основныхъ принциповъ коллективизма, показываетъ, что всѣ эти возраженія висятъ въ воздухѣ и имѣютъ своимъ источникомъ грубое смѣшеніе понятій: руководство соціальной жизнью на основѣ обобщественнаго труда отождествляется съ тираніей всемогущаго государства, въ его современной капиталистической формѣ.

Тѣмъ не менѣе, мы находимъ полезнымъ лишній разъ настоять на доказательствѣ того, что общественная организація труда, вопреки распространенному въ буржуазной средѣ мнѣнію, повела бы только къ расширенію личной инициативы, создала бы благоприятныя условія для самаго широкаго проявленія человѣческой свободы и дала бы чудесный толчекъ къ развитію производительныхъ силъ въ области промышленности, наукъ и искусствъ.

§ 1. Коллективизмъ и личная инициатива.

Защитники существующаго строя утверждаютъ, что организація, основанная на обобществленіи собственности и труда, притупляя стимулъ личнаго интереса, повела бы къ пониженію личной инициативы и производительной энергіи. «Рабу такой общественной организаціи» они никогда не забываютъ противопоставить «человѣка свободнаго», крестьянина-собственника, самостоятельнаго производителя, словомъ всѣхъ тѣхъ, кто, трудясь для самого себя, находитъ прямой и непосредственный интересъ въ работѣ, какъ бы продолжительна она ни была.

Замѣтимъ прежде всего, что социалисты не только не задаются цѣлью отдѣлить трудъ отъ собственности, но совершенно напротивъ, стремятся соединить ихъ тамъ, гдѣ они еще разлучены; они преслѣдуютъ только экспроприацію капиталистической собственности, несколько не

намѣреваясь навязать путемъ принужденія владѣльцамъ личной собственности кооперацію, которую бы тѣ не пожелали.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они констатируютъ — и капиталистическая концентрація является этому свидѣтелемъ — все несовершенство индивидуальнаго труда въ большей части производствъ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе наиболѣе важныхъ и широко распространенныхъ потребностей. Какъ бы ни были прекрасны цвѣты личной инициативы, они увядаютъ, какъ илѣжныя растенія въблизи огромныхъ деревьевъ, съ того момента, когда капиталистическое производство, разлагая трудъ на отдѣльныя механическія операциі, доводитъ до минимума границы профессиональной способности каждаго, и не оставляетъ наемнымъ работникамъ другого стимула къ труду, кромѣ опасенія быть расчисланнымъ или оштрафованнымъ, если работа производится поденно, или опасенія оказаться при заработкѣ ниже необходимыхъ средствъ къ существованію, если работа производится поштучно.

На этой ступени своего развитія, инициатива какъ бы подвергается такому же процессу концентраціи, какъ собственность и производство. Она почти цѣлкомъ переходитъ къ капиталисту и проявляется у него въ теченіе всего времени, пока руководство предпріятіемъ находится въ его собственныхъ рукахъ, а не поручено наемнымъ руководителямъ. На его долю выпадаетъ вся прибыль, но вмѣстѣ съ нею и вся тяжесть отвѣтственности, и, если вѣрно, что онъ слишкомъ часто злоупотребляетъ безраздѣльной властью, которою пользуется, то съ другой стороны было бы трудно, не противорѣча фактамъ дѣйствительности, смотрѣть на него просто и исключительно, какъ на паразита.

«Хозяинъ капиталистъ въ современномъ капиталистическомъ строѣ, говоритъ Charles Gide, не является простымъ скупщикомъ рабочей силы — онъ организовываетъ ее

и тѣмъ кладетъ начало высшей формѣ производства: онъ распредѣляетъ работу и этимъ повышаетъ максимумъ полезнаго дѣйствія каждаго работника. И не только рабочую силу, но и всѣ другіе факторы производства, какъ капиталы, земля, помѣщенія—которые ему часто не принадлежатъ или же принадлежатъ отчасти,—все это группируется его рукой, направляется къ заранѣ намѣченной цѣли. Предвидѣть сумму потребностей, найти соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ, рассчитать въ какомъ направленіи должны быть двинуты совместно капиталы и трудъ страны—вотъ, собственно говоря, въ чемъ состоятъ функція предпринимателя.

Что эта функція необходимо должна быть выполнена, это само собою очевидно.—Но мы видѣли, какъ все болѣе и болѣе, по примѣру собственниковъ-землевладѣльцевъ, капиталисты поручаютъ выполненіе хозяйственной функція наемнымъ директорамъ. Еще въ 1836 году А. Иче — «Пиндаръ» англійскихъ фабрикантовъ, какъ его называлъ Марксъ,—констатировалъ, что «душю нашей промышленной системы» являются не капиталисты, а ихъ управляющіе. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно это повторить теперь, когда анонимныя общества овладѣли большей частью промышленности. Конечно, въ источникъ всякаго богатства, въ началѣ всякаго предпріятія мы находимъ еще актъ личной инициативы, честной или нѣтъ, но разъ это богатство или это предпріятіе уже созданы, они продолжаютъ развиваться въ разъ начатомъ направленіи, въ силу скопленія капитала, эксплуатаціи чужого труда и чужихъ способностей, и тогда, особенно съ переходомъ дѣла въ руки наслѣдниковъ, личная инициатива владѣльцевъ капитала въ концѣ концовъ совершенно замѣняется бюрократическимъ управленіемъ анонимнаго общества.

Но именно въ случаяхъ послѣдняго рода и обнаруживаются главнымъ образомъ, все огромныя преимущества коллективной формы владѣнія. Съ другой стороны—все, обыкновенно, готовы признать, что частныя предпріятія въ настоящее время не обладаютъ никакимъ *обязательнымъ* превосходствомъ по сравненію съ предпріятіями общественными.

Въ современномъ капиталистическомъ строѣ отрасли промышленности, находящаяся въ рукахъ государства, несмотря на многія несовершенства въ своей организаціи, не уступаютъ обыкновенно предпріятіямъ частныхъ компаній, съ точки зрѣнія индустриальной. Послѣднія идутъ впереди предпріятій государственныхъ только въ коммерческомъ отношеніи. Когда возрастающая конкуренція вынуждаетъ къ погонѣ за покупателемъ, къ широкой рекламѣ, къ чудесамъ ловкости и всевозможнымъ интригамъ, съ цѣлью удержанія клиентовъ или уничтоженія соперника, государство не выдерживаетъ никакого сравненія съ частными обществами. Нужно, однако, замѣтить, что это превосходство частныхъ предпріятій, очень важное, когда рѣчь идетъ о возможно бѣльшемъ полученіи прибыли, теряетъ долю значенія, когда дѣло касается обезпеченія максимума удобствъ потребителямъ.

Но вѣдь именно эту послѣднюю задачу и ставитъ себѣ коллективизмъ: общественная организація труда, которая будетъ направлена на производство не мѣловыхъ, а потребительныхъ стоимостей съ цѣлью непосредственнаго удовлетворенія потребностей самихъ производителей.—И если даже теперь государственный монополіи, поскольку онѣ играютъ роль производственныхъ организмовъ, выдерживаютъ не безъ успѣха сравненіе съ частными компаніями, то тѣмъ скорѣе и съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно утверждать, что *общественная* организація труда, чрезвычайно далекая отъ пониженія производительной энергіи

и ослабленія личной инициативы, безконечно сильнѣе укрѣпила бы стимулъ къ ихъ дальнѣйшему развитію, чѣмъ это возможно при условіяхъ современнаго строя. Для доказательства мы послѣдовательно разсмотримъ вопросъ со стороны технической и со стороны работы по управленію.

И прежде всего, что касается работы по *выполненію*, само собою разумѣется, что все средства, употребляемая въ настоящее время для увеличенія производительности труда—преміи, поштучная плата, работа съ подряда и т. д.—могли бы съ еще большимъ усилѣхомъ употребляться и при общественной организаціи труда, еслибы оказалось необходимымъ прибѣгать къ мѣрамъ подобнаго рода. Эти средства, впрочемъ, могутъ имѣть ограниченное примѣненіе. Работа съ подряда и поштучная плата въ особенности, наталкиваются въ большинствѣ случаевъ или на техническія затрудненія, или, въ виду слишкомъ частыхъ злоупотребленій, на вполне законное сопротивленіе. Преобладающей формой остается, слѣдовательно, поденная плата. Но въ такомъ случаѣ все должны согласиться, что въ капиталистическомъ предпріятіи для наемнаго работника, какъ своего рода машины для производства прибавочной стоимости, единственнымъ двигателемъ является страхъ передъ голодной смертью или наказаніемъ за проступокъ. Вотъ почему онъ работаетъ обыкновенно ровно съ той степенью интенсивности, которая необходима, чтобы не подвергнуться штрафу или не быть выброшеннымъ за двери. Печальныя послѣдствія современнаго режима, съ точки зрѣнія производительности труда, обнаруживаются со всею ясностью въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ надзоръ почему либо является затруднительнымъ, какъ, напримѣръ, въ работахъ сельскаго хозяйства. «Если бы даже все обстояло, какъ нельзя лучше»—говоритъ Piget—«все же трудно ожидать, чтобы поденщикъ проявлялъ свою энергію въ большей степени, чѣмъ

это строго необходимо для избѣжанія всяческихъ нареканій. Этотъ минимумъ активности обыкновенно устанавливается среди поденщиковъ соотвѣтственно степени надзора и обычной требовательности старшихъ мастеровъ и въ концѣ концовъ дѣлается настолько обычнымъ явленіемъ, что принимается, какъ правило. Что же касается работника на жалованьи, дѣло обстоитъ еще хуже: полагаясь на то, что его могутъ разсчитать не со дня на день, а лишь за проступки исключительной важности, и получая плату за срокъ своей службы, онъ матеріально не заинтересованъ въ томъ, чтобы вложить какъ можно больше труда въ данный промежутокъ времени. И чаще всего, единственное соображеніе, которымъ онъ руководится—это стремленіе выполнять свою работу возможно медленнѣе и съ такимъ расчетомъ, чтобы не вызвать слишкомъ рѣзкихъ нареканій. Вотъ почему, вмѣсто активной и осмысленной работы, у него получается болѣе или менѣе безопасное препровожденіе времени.»

Но, чтобы видѣть подобную картину, нѣтъ надобности отправляться обязательно въ поле. Оглянитесь вокругъ себя, когда выполняется какая либо работа по ремонту и украшенію вашего дома. Посмотрите, съ какой поистинѣ величественной медленностью прогуливается кисть въ рукахъ этого маляра, какъ онъ напѣваетъ свою пѣсенку въ то время, какъ его рука покрываетъ краскою фасадъ дома—и вы поймете со всею пронизательностью, какая дается сознаниемъ понесеннаго ущерба, что происходитъ отъ отсутствія личнаго интереса или высшаго интереса у людей, работающихъ на своего хозяина-патрона.

Хотите ли вы теперь что либо въ противозѣсъ этой семейной картинкѣ? Хотите ли вы испытать предчувствіе того, какимъ могло бы быть усердіе къ работѣ въ обществѣ, которое пробуждало бы во всѣхъ своихъ членахъ

моральный и материальный интерес къ достиженію общаго блага? Загляните въ одну изъ коллективистскихъ булочныхъ въ Брюссель, напримѣръ, въ одну изъ этихъ хлѣбопекарныхъ фабрикъ, свѣтлыхъ и просторныхъ, снабженныхъ послѣдними усовершенствованіями техники и какъ бы представляющихъ прообразъ производства будущаго. Вы тамъ увидите свободныхъ людей, не знающихъ надъ собою другого надзора, кромѣ взаимнаго товарищескаго контроля. Они зарабатываютъ по 5 франковъ въ день и не работаютъ больше 8 часовъ, въ то время, какъ рабочіе маленькихъ пекаренъ—«бѣлые шахтеры» какъ ихъ называютъ,—работаютъ въ мрачныхъ подвалахъ по 12, 13 и 14 часовъ въ день за нищенскую плату. И въ то же время, въ теченіе 8 рабочихъ часовъ, смѣна пекарей-коллективистовъ даетъ максимумъ своего полезнаго дѣйствія, работая съ необычайнымъ рвеніемъ и съ радостью, осуществляя современное евангельское чудо-умноженіе хлѣбовъ для своихъ братьевъ и самихъ себя.

Не является ли это живымъ осязательнымъ подтвержденіемъ того, что съ точки зрѣнія неполноты труда, коллективизмъ—или другими словами, всеобщая, универсальная кооперация—стоятъ бы неизмѣримо выше современнаго строя?

Но, скажутъ другіе, существуетъ еще и работа «*по управленію*». Кого поставите вы во главѣ общественныхъ предпріятій? Гдѣ вы для этого найдете людей инициативы, «капитановъ промышленности», которые руководятъ въ настоящее время капиталистическими предпріятіями?

Отвѣтъ какъ нельзя болѣе простъ: не говоря уже о новыхъ талантахъ, которые разовьются, благодаря всеобщему и всестороннему образованію, многіе изъ тѣхъ, которые проявили себя теперь, оставались бы къ нашимъ услугамъ и вносѣдствіи, и если бы для большаго ихъ

поощренія, оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ средствамъ, практикуемымъ въ настоящее время, ничто рѣшительно не могло бы служить этому препятствіемъ при новомъ строѣ.

Все, что какой нибудь трестъ можетъ сдѣлать съ помощью децентрализаціи нѣкоторыхъ функцій, участія въ прибыляхъ, перспективы повышеній, чтобы вызвать большую инициативу и увеличить степень ответственности директоровъ или служащихъ—все это съ такимъ же успѣхомъ по отношенію къ своимъ членамъ могло бы примѣнить и коллективистское общество.

Но, послѣднимъ мы сейчасъ же замѣтитъ, возможность поддерживать такого рода *неравенство* въ вознагражденіяхъ нисколько не предрѣшаетъ вопроса въ его необходимости. Наоборотъ, все заставляетъ предвидѣть, что въ будущей общественной организаціи это неравенство будетъ постоянно *направлено* къ смягченію, если не къ полному своему уничтоженію, такъ какъ оно перестанетъ быть необходимымъ для подъема труда у интеллигентныхъ работниковъ до максимальной его энергіи и инициативы. Пусть въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе—не трудно понять почему: каждый работаетъ прежде всего изъ-за денегъ, такъ какъ прежде всего деньги обезпечиваютъ преимущество соціальнаго положенія, условія безопасности и независимости и являются единственнымъ средствомъ для удовлетворенія большей части потребностей (и духовныхъ въ томъ числѣ) каждаго чловѣка. Но въ тотъ день, когда это господство, «презрѣннаго» металла будетъ уничтожено, когда коллективная собственность дастъ всѣмъ возможность полнаго удовлетворенія потребностей духа и тѣла,—страсть къ деньгамъ уступитъ мѣсто другимъ мотивамъ дѣятельности чловѣка, денежный интересъ будетъ вытѣсненъ другими, менѣе низменными формами личнаго интереса.

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что самолюбіе, желаніе занимать наивысшіе посты въ іерархіи общественнаго труда, сыграютъ и въ будущемъ немаловажную роль, которая будетъ все расти по мѣрѣ того, какъ борьба за существованіе будетъ терять свой острый характеръ.

Съ другой стороны, не значитъ-ли это клеветать на человѣческую природу, если отрицать все значеніе, которое приняли бы факторы чисто альтруистическаго характера въ обществѣ, гдѣ вмѣсто антагонизма интересовъ упрочилась бы ихъ солидарность? Не видимъ ли мы нѣчто подобное и теперѣ, въ бельгійскихъ социалистическихъ кооперативахъ, гдѣ люди, подобные Anscel'ю, или многіе другіе, менѣе извѣстные, но не менѣе преданные дѣлу, довольствуются заработкомъ рабочаго и вмѣстѣ съ тѣмъ совершаютъ поистинѣ чудеса, благодаря своей энергіи, смысленности и подчасъ геніальности, при созданіи такого могущественнаго организма, какъ бельгійская кооперация.

Вотъ почему мы имѣемъ право прійти къ заключенію, что какъ въ «*работъ по выполненію*», такъ и «въ *работъ по управленію*» производство, личная инициатива, а потому и общественная производительность труда, могли бы только выиграть, а не проиграть, если бы вмѣсто ожесточенной борьбы между собою, люди соединились въ огромную ассоціацію для борьбы съ природой.

§ 2. Коллективизмъ и Свобода.

«Коллективизмъ и свобода человѣка — двѣ вещи несовмѣстимыя». Сколько причудливыхъ варіацій было на эту тему, начиная съ нѣсколько тяжеловѣсныхъ памфлетовъ Евгенія Рихтера и кончая проникнутыми тонкимъ остроуміемъ *Lettres de Malaisie* гдѣ Paul Adam описываетъ общество икарійцевъ, достигшее полнаго расцвѣта, выполнявшее чудесно свои функціи, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ,

если и существовала свобода, то только въ воображеніи стараго испанскаго дипломата, затерянагося какъ то въ этихъ краяхъ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Figaro» была чрезвычайно живописная карриатура на три главнѣйшія формы общества въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ: абсолютную монархію, буржуазную республику и коллективистское общество. Абсолютную монархію изображалъ огромный жирный кабанъ передъ громаднымъ корытомъ, весь усыпанный орденами, гордо украшенный королевскою короною и величественно возсѣдавшій среди своихъ обширныхъ владѣній, для защиты которыхъ отъ возможныхъ нападений со стороны обыкновенныхъ свиней плебейскаго происхожденія, стояли другіе кабаны, меньшихъ размѣровъ.

Затѣмъ слѣдовало изображеніе буржуазнаго общества съ его принципомъ невмѣшательства — *laissez faire*. *laissez passer*: всѣ преграды отброшены, всѣ пути открыты — стадо кабановъ набрасывается на королевское корыто, причемъ самые жирные изъ нихъ вытѣсняють наиболѣе худыхъ, самые сильные давятъ наиболѣе слабыхъ. Наконецъ, представляя по своему мирному характеру „рѣзкій контрастъ въѣмъ этимъ ужасамъ всеобщей свалки, является изображеніе государства будущаго: длинный рядъ свиней одинаковой величины, съ весело закрученными хвостиками одинаковой длины мирно и въ чинномъ порядкѣ установились передъ одинаковыми корытами, отдѣленными одно отъ другаго одинаковыми перегородками.

Можетъ быть, случайно бросивъ взглядъ на это изображеніе, многіе, передъ кѣмъ чаща жизни оказывалась всегда пустою, приходили къ заключенію, что все же наиболѣе желательной является не королевская мононолія и не неравная борьба въ буржуазномъ обществѣ, а

организация, которая разрешила бы, по крайней мере, хоть вопросы желудка.

И если имъ и раньше приходилось надъ этимъ задумываться, то они не преминули бы себя отвѣтить, что до тѣхъ поръ, покуда онъ не будетъ разрешенъ, самая полная въ мѣрѣ свобода сводилась бы для пролетаріата къ свободѣ умирать съ голоду.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть свободнымъ, недостаточно одной только конституціи,—необходимо еще обладаніе собственностью личной или коллективной. Кто ничего не имѣетъ, не имѣетъ ни надъ чѣмъ власти. Рабочій, который не находитъ осуществленнымъ въ дѣйствительности подобіе той конституціи, которую Лассаль предпочитаетъ всѣмъ писаннымъ хартіямъ, находится политически и социалью въ полной зависимости отъ покупателей его рабочей силы.

Чтобы оцѣнить размѣры той свободы, которою располагаетъ рабочій, обратите вниманіе на то, что происходитъ въ дни выборовъ, когда народъ осуществляетъ «свои права властелина».

Сколько разъ случалось наблюдать во Франціи, гдѣ тайная подача голосовъ недостаточно гарантирована, что въ промышленныхъ центрахъ сотни рабочихъ опускаютъ въ избирательную урну, подъ наблюдениемъ старшихъ мастеровъ и подъ угрозами немедленнаго расчета, бюллетени своихъ патроновъ.

Въ Бельгіи, гдѣ избирательные законы болѣе полно обезпечиваютъ свободу избирателя, народъ имѣетъ, по крайней мере, право укрываться въ самый моментъ выборовъ. Это дѣлается обыкновенно за какойнибудь стѣной, за которой избиратель отмѣчаетъ черными крестиками имена официальныхъ депутатовъ, рекомендуемыхъ президентами избирательныхъ бюро. Слѣши же поскорѣе спрятаться, товарищъ! Никто не увидитъ тебя; ни поппъ, ни

хозяинъ, ни бургомистръ. Прячясь, какъ человѣкъ, собирающійся совершить преступленіе. Ты остаешься одинъ—наединѣ съ своею совѣстью. Ты свободенъ... разъ въ четыре года! Но развѣ эта минута свободы, столь драгоценная притомъ, не является лучшимъ доказательствомъ вѣчнаго рабства? Не есть ли это очевидное доказательство того, что при современномъ положеніи вещей свободно выражать свои мнѣнія, объявлять публично о своихъ симпатіяхъ и предпочтеніяхъ въ пользу того или другого политическаго направленія, псовѣдывать открыто свои философскія и религіозныя воззрѣнія могутъ только тѣ, кто, какъ говорится, пользуется независимымъ положеніемъ, кто находитъ въ личной собственности гарантію своей свободы?

Отсюда слѣдуетъ, что единственное средство гарантировать вѣмъ свободу состоитъ въ надѣленіи всѣхъ собственностью, и единственнымъ средствомъ при введеніи крупнаго хозяйства надѣлить всѣхъ собственностью является обобществленіе средствъ производства и обмѣна.

Нѣкоторые дѣлаютъ, правда, замѣчаніе, что предлагаемое средство было бы хуже самого зла: многіе утверждаютъ, что личная свобода страдала бы еще болѣе при господствѣ народа, опирающагося на коллективную собственность, чѣмъ при господствѣ капитала, опирающагося на частное владѣніе. И чтобы поддержать такое положеніе, разсматриваютъ послѣдовательно интересы гражданъ, какъ производителей и потребителей.

Что касается, прежде всего, свободы *производителей*, свободы работниковъ, которые въ настоящее время заняты въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, и которые въ будущемъ стрѣли бы заняты въ предпріятіяхъ общественныхъ, мы имѣемъ полное право сказать, что они не могутъ потерять ничего, кромѣ своихъ цѣпей.

Предположимъ теперь, что коллективизмъ становится

общимъ явленіемъ, что вслѣдствіе сліянія классовъ, правительственныя функціи государства доведены до минимума, что въ промышленности, принявшей общественный характеръ, ставшей децентрализованной и автономной, всѣ принимаютъ участіе въ одномъ общемъ дѣлѣ,—въ дѣлѣ производства. Можно ли въ [такомъ случаѣ утверждать что производители пользовались бы меньшей свободой. потому что они были бы единственными надъ собою господами и хозяевами?

А между тѣмъ, находятся люди, которые это утверждаютъ. При этомъ изображается ужасное положеніе рабочаго, изгнаннаго изъ коллективныхъ мастерскихъ, пораженнаго какъ бы «отлученіемъ» отъ промышленности, выброшеннаго на мостовую безъ всякой надежды найти гдѣ бы то ни было работу.

Но развѣ не видно, что именно теперь при капиталистическомъ строѣ такого рода «отлученія» происходятъ ежедневно, между тѣмъ, какъ они были бы морально-невозможны въ обществѣ, гдѣ трудъ, являясь обязанностью для всѣхъ, былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ правомъ каждаго.

Подобно тому, какъ всѣмъ кажется неостижимымъ, чтобы современное государство отказывалось перевозить кого либо по желѣзнымъ дорогамъ, намъ представляется совершенно абсурднымъ предположеніе, что при господствѣ коллективизма было бы кому либо отказано въ работѣ. И говорить, что исключеніе работника изъ одной общественной мастерской непременно повлекло бы за собою исключеніе его изъ всѣхъ прочихъ,—эго почти то же, что утверждать, будто при коммунальномъ самоуправленіи челоуѣкъ, почему либо не выбранный одной коммуной—по причинѣ его политическихъ взглядовъ, напримѣръ, встрѣтилъ бы обязательно подобный же пріемъ со стороны всѣхъ прочихъ коммунъ этой страны.

Высказываются также опасенія относительно тѣхъ препятствій къ сохраненію личной свободы, которыя неизбежно были бы связаны съ регламентаціей общественнаго труда. Но, скажемъ мы еще разъ, можно ли не замѣчать, что эта регламентація существуетъ также и теперь, въ капиталистическомъ обществѣ, въ видѣ этихъ обязательныхъ фабричныхъ правилъ, установленныхъ закономъ, какъ гарантіи защиты, въ области промышленности?

Абсолютная свобода труда возможна только въ индивидуальныхъ предпріятіяхъ, если, разумѣется, подъ свободой труда понимать подчиненіе однимъ только законамъ природы, подчиненіе, которое тѣмъ полнѣе, чѣмъ трудъ болѣе изолированъ. Съ того момента, наоборотъ, когда трудъ, какова бы ни была его природа, требуетъ внимательства отдѣльнаго человѣка въ общественное цѣлое, его свобода по необходимости испытываетъ нѣкоторыя ограниченія. Старшій врачъ клиники, принужденный принаравливать свое время къ регулярнымъ посѣщеніямъ своихъ кліентовъ, профессоръ, принужденный считаться съ расписаніемъ своихъ курсовъ, испытываютъ стѣсненія въ свободѣ, какъ и рабочій, подчиненный требованіямъ фабричныхъ правилъ.

Такая регламентація, необходимая для правильнаго хода работъ, употреблялась бы и при коллективизмѣ, съ той, однако, разницею, что она являлась бы не результатомъ исключительнаго и чисто субъективнаго требованія какого нибудь отдѣльнаго предпринимателя, интересы котораго противоположны интересамъ рабочихъ, но выраженіемъ воли самихъ работниковъ, связанныхъ равенствомъ правъ и общностью интересовъ.

А разъ это такъ, то не очевидно ли, что такая регламентація труда, установленная при участіи всѣхъ и для блага всѣхъ, обезпечитъ гораздо лучше свободу про-

изводителей, чѣмъ современная регламентація, обязательная для всѣхъ, но дѣйствующая лишь въ интересахъ немногихъ. Сокращеніе рабочаго времени, являясь слѣдствіемъ болѣе справедливаго распредѣленія работъ и болѣе активнаго участія всѣхъ гражданъ въ общественномъ дѣлѣ, доставило бы каждому самую неоцѣнимую изъ всѣхъ свободъ—возможность работать для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы работать. Оно дало бы право предаваться свободнымъ занятіямъ въ часы досуга, пользоваться, съ окончаніемъ трудового дня, тѣми радостями семейной и общественной жизни, въ которыхъ до сихъ поръ такъ безжалостно отказано громадному большинству трудящагося люда.

Мы считаемъ, слѣдовательно, доказаннымъ, съ точки зрѣнія интересовъ *производителей*, что общественная организація труда, уничтоживъ свободу эксплуатаціи, положила бы начало дѣйствительной свободѣ труда.

Не забудемъ, однако, что противники обсуждаютъ вопросъ и съ другой стороны, съ точки зрѣнія интересовъ *потребителей*, публики, всѣхъ вообще гражданъ.

Вотъ кому, говорятъ намъ, особенно грозитъ опасность отъ могущественной власти коллективной воли.

Что стало бы со свободой печати, свободой домашняго очага, свободнымъ проявленіемъ потребностей при такомъ социальномъ строе, гдѣ огромное большинство, полновластно распоряжаясь на основахъ коллективизма всѣми продуктами общественнаго труда, пользуясь всѣми услугами общества, могло бы официально бойкотировать людей меньшинства, не согласныхъ считаться съ его авторитетомъ?

И находятся люди, которые съ серьезнымъ видомъ и безъ улыбки на лицѣ указываютъ намъ на несчастныхъ гражданъ будущаго, приговоренныхъ будто бы къ тому, чтобы читать исключительно официальные газеты,

жить въ теченіе всей своей жизни въ одномъ и томъ же помѣщеніи одной и той же мѣстности, готовить пищу въ одной общей кухнѣ вмѣстѣ съ сосѣдями того же квартала.

«При коллективизмѣ—воскликнулъ какъ то на одномъ избирательномъ митингѣ одинъ молодой либераль, подававшій большія надежды,—«мы были бы принуждены носить платье установленнаго правительствомъ покроя.»

«Скажите, однако,—остановилъ его рабочій, довольно бѣдно одѣтый, который не пришелъ. повидимому, въ ужасѣ передъ опасностью представленной перспективы—развѣ вы не убѣжденный сторонникъ свѣтскаго, безплатнаго и обязательнаго обученія?»

—«Конечно, да.»

— «Въ такомъ случаѣ, почему вамъ кажется столь ужаснымъ стремленіе государства нарядить своихъ гражданъ въ платья одного покроя, между тѣмъ какъ вы находите естественнымъ его стремленіе установить по общему покрою интеллектуальное развитіе нашихъ дѣтей? Государство, способное просвѣщать, способно также одѣвать и кормить.»

На этотъ аргументъ *ad hominem*, нашъ либераль ничего не отвѣтилъ, но, безъ сомнѣнія, другіе отвѣтятъ вмѣсто него, что всемогущество государства въ вопросахъ преподаванія было бы ничуть не лучше всемогущества общества въ рѣшеніи вопросовъ о пищѣ и одеждѣ.

Вотъ почему выдвигали мы такъ настойчиво необходимость проводить различіе между государствомъ, какъ органомъ промышленности, и государствомъ, какъ органомъ власти, необходимость обезпечить полную независимость *экономической* организациі отъ *политической* организациі общества. Ибо пока эти двѣ области будутъ входить одна въ другую, правительство всегда найдетъ возможнымъ—какъ мы это констатируемъ ежедневно—злоупотреблять во имя своихъ предразсудковъ или въ

интересахъ своей политики, той властью, которая ему дается управленіемъ общественными предпріятіями.

Достаточно привести примѣръ конституціонной Бельгіи, гдѣ свобода печати считается якобы абсолютной, и гдѣ, на самомъ дѣлѣ, министръ путей сообщенія присваиваетъ себѣ право запрещать продажу социалистическихъ газетъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ примыкающихъ къ нимъ помѣщеніяхъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что если бы тотъ же министръ, вмѣсто этого, въ сущности маловажнаго, притѣсненія задумалъ прибѣгнуть къ болѣе серьезному нарушенію гражданской свободы, еслибы онъ отказался, напримѣръ, перевозить или разсылать по почтѣ нѣкоторыя изъ газетъ и журналовъ, онъ былъ бы немедленно смѣненъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Уже и теперь, можно сказать, привычки и традиціи, воспитанныя свободой, достаточно окрѣпли, чтобы оказать противодѣйствіе многимъ покушеніямъ со стороны власти. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно утверждать, что такое противодѣйствіе съ еще большей силой развилось бы въ обществѣ, гдѣ принципъ равенства нашелъ бы болѣе широкое примѣненіе и гдѣ было бы навсегда упрочено основное различіе, о которомъ я говорилъ, между управленіемъ надъ людьми и управленіемъ надъ вещами. И все это тѣмъ болѣе вѣрно, что важность правительственнаго аппарата, имѣющаго теперь особое назначеніе—поддерживать основы капиталистическаго строя—уменьшалась бы все болѣе и болѣе, по мѣрѣ развитія элементовъ для новаго строя, идущаго ему на смѣну.

Какимъ же образомъ была бы нарушена свобода при такихъ условіяхъ, потому только, что все возрастающее число независимыхъ общественныхъ предпріятій (*Services publics*) было бы предоставлено управленію цѣлага общества, а не произволу отдѣльныхъ частныхъ лицъ?

Развѣ теперь, напримѣръ, чувствуетъ кто либо себя менѣе свободнымъ отъ того, что совершается поѣздки по казеннымъ, а не частнымъ желѣзнымъ дорогамъ? Развѣ кто либо окажется менѣе свободнымъ, получая воду городского водопровода или пользуясь газомъ изъ общественаго газопровода, вмѣсто того, чтобы и воду и газъ получать отъ какой нибудь частной компаніи.

Не становится ли, наоборотъ, очевидно, что социализация капиталистическихъ монополій гражданами демократическаго общества является главнымъ условіемъ осуществленія дѣйствительной свободы.

Конечно, мы не думаемъ утверждать, что всякое расширение общественной собственности влечетъ за собою расширение свободы.

Не можетъ быть, напримѣръ, сомнѣнія въ томъ, что акты коллективнаго захвата, совершаемые господствующими классами въ ихъ собственныхъ интересахъ, могутъ повести или къ фискальной монополіи европейскихъ монархій, или къ отеческому коммунизму іезуитовъ въ Парагваѣ, или, наконецъ, къ авторитарному коллективизму того китайскаго императора, который давно уже приводитъ въ восхищеніе буржуазную прессу. Но тѣ, кто пользуется подобными примѣрами, какъ аргументами противъ демократическаго коллективизма, не должны были бы забывать, что для достиженія своей цѣли, для преобразованія, въ общихъ интересахъ, капиталистической собственности въ собственность общественную, пролетаріатъ долженъ будетъ проявить такую мощь въ своей организаціи, достигнуть такой высокой степени моральнаго и интеллектуальнаго прогресса, что было бы нелѣпо предположить, будто поколѣнія, воспитанныя въ такой школѣ, перенесутъ хотя бы на одинъ моментъ какія бы то ни было преграды на пути къ своему окончательному освобожденію.

Коллективизмъ и искусство.

Мы видѣли, какъ наиболѣе пассивные изъ капиталистовъ упрекали коллективизмъ въ ослабленіи личной инициативы, какъ наиболѣе властные изъ нихъ старались разбить его во имя человѣческой свободы. И теперь нужно, чтобы буржуа, наименѣе разбирающіеся въ эстетикѣ, взяли на себя защиту искусства отъ «невѣжественной массы», отъ «новѣйшей системы варварства.»

Будемъ, однако, справедливы — ихъ голоса не остаются одинокими. Остроумные и ученые философы, какъ, напримѣръ, Фулье, выражаютъ также самыя тревожныя опасенія насчетъ судьбы, которая постигла бы поэтовъ, артистовъ, философовъ-метафизиковъ въ будущемъ обществѣ коллективистовъ-матеріалистовъ.

Не предложить ли имъ, не увѣнчавъ даже ихъ головы цвѣтами, оставить предѣлы Республики? И если допустить, что до этого дѣло не дойдетъ и что они будутъ помилованы, «какимъ образомъ коллективистское общество сумѣетъ обезпечить философскую работу мысли надъ первоначальной сущностью и конечными цѣлями существованія, надъ тайнами «потусторонняго» міра? Можно ли будетъ установить административнымъ путемъ регламентацію умственного труда, подчинить его закону о восьми часовомъ рабочемъ днѣ, приказать будущему Victor Hugo предаваться поэтическому вдохновенію отъ 7 до 9 часовъ утра? Какимъ образомъ затѣмъ оцѣнить этотъ трудъ? Въдь мысль генія не всегда поддается опредѣленной экономической оцѣнкѣ. Въ моментъ, когда Галилей открывалъ спутника Юпитера, могла ли бы какая нибудь коллективистская администрація предвидѣть, что эти спутники послужатъ болѣе точному составленію географическихъ картъ, поведутъ къ уменьшенію числа кораблекрушеній? Надо же признать, что лишній досугъ и даже

самая праздность, столь ненавистные (по словамъ нѣкоторыхъ) людямъ, занятымъ физическимъ трудомъ, имѣютъ рядомъ со своими недостатками и свою полезную сторону, представляютъ своего рода общественную необходимость. Еслибы всѣмъ людямъ пришлось гнуть свои спины надъ какой нибудь телѣгой или наковальней, откуда взяли бы эти мечтатели, эти якобы «праздные» люди, извѣстные подъ именемъ Сократовъ, Архимедовъ, Лапласовъ, Данте, Шекспировъ и т. д.

Короче говоря, по мнѣнію автора этихъ строкъ, коллективистское общество, занятое всецѣло разведеніемъ кануеты, нимало не заботилось бы о разведеніи розъ. Производство предметовъ первой необходимости поглотило бы энергію всего общества. Каждый, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы все ему нужное, но ни у кого не было бы излишка. А между тѣмъ, только благодаря излишку богатыхъ артисты имѣютъ возможность существовать, только благодаря нетрудовымъ доходамъ другихъ, они пользуются досугомъ. И, слѣдовательно, уничтожить капиталистическій способъ присвоенія—это значитъ низвести эстетику будущаго до плоскаго уровня оффиціального искусства.

Чтобы отвѣтить на всѣ эти возраженія, необходимо, прежде всего, разъясить основное недоразумѣніе.

Всѣ коллективисты, въ томъ числѣ и «матеріалисты», согласны будутъ признать, вмѣстѣ съ Фулье, ту банальную, по своей очевидности, истину, что «авторитарный коллективизмъ, который стремился бы создать экономическую и административную организацію умственного труда по образцу такой же организаціи труда физическаго, подорвалъ бы въ корнѣ духъ изобрѣтательности, остановилъ бы источники всякаго соціального прогресса, не исключая и прогресса экономическаго».

Мы сожалѣемъ только, что Фулье не согласенъ признать вмѣстѣ съ нами, что эта нелѣпная идея не пришла въ голову какого бы то ни было теоретика социалшета.

Во всякомъ случаѣ, пусть читатели журнала «Revue de Deux Mondes», гдѣ напечатана эта статья Фулье, будутъ спокойны: Викторъ Гюго будущаго не будутъ принуждены подчиняться правиламъ рабочихъ мастерскихъ: Шекспирамъ XX столѣтія еще представится возможность—если у нихъ не найдется лучшихъ средствъ къ существованію—зарабатывать свой хлѣбъ на подмосткахъ маленькихъ народныхъ театровъ.—Все позволяетъ думать, что астрономы, поэты, математики, философы будущаго коллективистскаго общества не будутъ томиться въ заключеніи, какъ Галилей, или въ изгнаніи, какъ Данте, не будутъ растерзаны, какъ Архимедъ, или отравлены, какъ Сократъ.

Но вообще, говоря серьезно, нужно ли было прибѣгать къ авторитету такого почтеннаго философа, какъ Фулье, чтобы дать понятъ коллективистамъ, даже наиболѣе посредственнымъ изъ нихъ, что искусство и философія нуждаются прежде всего въ свободѣ. Весь вопросъ вѣдь въ томъ, чтобы доказать, будутъ ли поэты, философы, вообще люди всѣхъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій, пользоваться при коллективизмѣ свободой въ такой же или еще большей степени, чѣмъ теперь при господствѣ капитализма.

И вотъ здѣсь необходимо будетъ признать, что если есть среда, противодѣйствующая свободному развитію искусства и умозрительной философіи, это—внѣ сомнѣнія, современное буржуазное общество, находящееся всецѣло во власти денегъ и непосредственнаго интереса.

Если, несмотря на все, искусство процвѣтаетъ на развалинахъ проплаго, на загроможденной остатками раз-

рушенія и матеріалами для созиданія почвѣ настоящаго, и на вершинахъ, уже залитыхъ первыми лучами восходящей зари и открывающихъ горизонты будущаго,—то потому только, что сила его роста такъ же непреодолима, какъ и сила, съ какой пробиваются ростки въ расщелинахъ старыхъ стѣнъ, между камнями мостовыхъ, или на самой скудной неплодородной почвѣ.

Но, несмотря на всю силу этой непреодолимой живучести, художественное творчество—и то же самое можно было бы сказать о философіи—фатально отражаетъ на себѣ отпечатокъ неблагоприятныхъ условій своего развитія.

Для огромнаго большинства людей, даже для наиболѣе видныхъ представителей буржуазной мысли, эстетическое удовольствіе есть не что иное, какъ игра, развлеченіе, предметъ роскоши... «Для эстетическаго удовольствія, говоритъ Спенсеръ, является характернымъ то, что оно не связано съ отравленіемъ нашихъ жизненныхъ функций, что оно не приноситъ съ собою никакой осязательной выгоды. Наслажденіе, доставляемое звуками, красками и даже тонкимъ запахомъ, рождается отъ простого утраченія или отъ простой игры того или другаго органа, безъ особо видимой для насъ пользы; въ немъ есть нѣчто созерцательное и вмѣстѣ праздное: это предметъ роскоши.» И, естественно, въ обществѣ, въ которомъ большая часть людей проводитъ жизнь въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, этотъ предметъ роскоши остается привилегіей ничтожнаго меньшинства.

Во времена Людовика 14-го этимъ меньшинствомъ былъ блестящій кругъ его придворныхъ, позднѣе—это были члены аристократическихъ салоновъ. Въ настоящее время это почти исключительно буржуазія или скорѣй та незначительная часть ея, которой еще не чужды другіе интересы, кромѣ выбиванія прибавочной стоимости изъ пролетаріата.

Если не считать тѣхъ рѣдкихъ духовныхъ наслажденій, которыя даже теперь считаются достояніемъ каждаго и которыми большая часть пролетаріата еще не умѣетъ пользоваться, можно сказать, что только одна буржуазія, только класъ богатыхъ и обезпеченныхъ людей обладаетъ въ достаточной степени и временемъ и средствами, чтобы посѣщать библіотеки и театры и въ особенности снабжать себя книгами, статуями, картинами и вообще произведеніями искусства. Благодаря этой духовной и матерьяльной монополіи, только одна буржуазія можетъ диктовать свою волю, прямо и съ помощью государственной власти, тѣмъ изъ современныхъ художниковъ, которые, не имѣя другихъ средствъ къ существованію, принуждены удовлетворить ея вкусамъ подъ страхомъ голодной смерти.

Этимъ объясняется въ одно и то же время бездарность тѣхъ изъ нихъ, которые покоряются буржуазіи, и ожесточенность другихъ, которые возстаютъ противъ нея. Ибо надо признать, что всѣ художники, которые благодаря личнымъ доходамъ или сбереженіямъ, сдѣланнымъ путемъ долгихъ лишеній, добились относительной независимости положенія, сходятся въ одномъ общемъ чувствѣ отвращенія къ господству буржуазіи и къ ея буржуазнымъ идеаламъ.

У однихъ это отвращеніе переходитъ въ негодованіе, въ которомъ они черпаютъ вдохновеніе для своихъ великихъ произведеній. Таковы Бальзакъ, создающій свою «Комедію человѣчества», Флоберъ, бросающій свое презрѣніе побѣдителямъ іюньскихъ дней 1848 года, Викторъ Гюго — предающій проклятію Вторую Имперію, Zola, написавшій «Germinal».

Другіе, удрученные настоящимъ, убѣгаютъ отъ жизни, ищутъ, какъ Малармэ, спасенія на высотахъ декадентской поэзій или, обращаясь лицомъ къ прошлому,

ищутъ источники вдохновенія въ великой эпохѣ первобытнаго христіанства, которыхъ они не могутъ уже болѣе найти въ настоящемъ мірѣ.

Третьи, наконецъ, все болѣе и болѣе увеличиваясь въ количествѣ, ищутъ опоры въ порывахъ духа пробуждающагося пролетаріата и возвѣщаютъ вмѣстѣ съ Вагнеромъ о побѣдномъ союзѣ Искусства и Революціи. Но какъ бы ни были прекрасны и совершенны ихъ произведенія, они не болѣе, какъ предвѣстники грядущаго. Для того, чтобы дѣйствительно распустилось пышнымъ цвѣтомъ новое искусство будущаго, великое и обширное, какъ само человѣчество, нужно, чтобы человѣчество узнало прелесть мира послѣ борьбы, радость досуга послѣ работы, силу солидарности, соединяющей умы и сердца, послѣ антагонизма, который ихъ раздираетъ въ настоящее время.

* * *

Въ критическіе періоды, подобные нашему, въ эпохи перехода и ломки всего стараго, возможны только болѣзненные и несовершенныя произведенія. Того, что было, уже болѣе нѣтъ. То что будетъ, еще не наступило. Активность борца является на мѣсто созерцанія мечтателя. Тѣ, которые пролагаютъ пути къ новому строю, не имѣютъ времени мечтать о чемъ либо другомъ, и слишкомъ часто художники, обращаясь къ массѣ, еще не вышедшей изъ рабской приниженности, ожидаютъ напрасно какого либо отвѣтнаго отклика. Но, когда освобожденный пролетаріатъ заживетъ дѣйствительно человѣческой жизнью когда всѣ работники достигнутъ высоты развитія, достаточной для пониманія искусства, когда всѣмъ станутъ доступны, по окончаніи трудового дня, эти часы досуга, социальную необходимость которыхъ справедливо признаетъ и Фулье, — тогда и только тогда эстетическое удовольствіе перестанетъ быть предметомъ.

роскоши, чтобы стать необходимой потребностью всехъ членовъ общества, тогда и только тогда великія произведенія достигнуть наивысшей степени красоты и совершенства, въ виду плодотворнаго взаимодѣйствія между художникомъ, который увѣренъ, что будетъ понятъ, и отзывчивымъ обществомъ которое увѣрено, что пойметъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое, по прекрасному выраженію Жоржъ Зандъ, искусство безъ сердца, безъ души, въ которыя оно стремится проникнуть? Это солнце, которое не испускало бы лучей, не давало бы жизни ни одному существу въ мірѣ. Чѣмъ станетъ, наоборотъ, искусство, когда цѣлые народы откроютъ глаза при блескѣ его красоты и перенесутъ даже въ самые скромные труды свои отблескъ его сіянія.

Приводится, правда, возраженіе, что матеріальныя условія для эстетическаго развитія исчезнутъ въ социальномъ строѣ, гдѣ люди искусства, лишеныя источника доходовъ, доставляемыхъ личной собственностью, не найдутъ болѣе среди представителей буржуазіи или августѣйшихъ фамилій, покровителей, на средства которыхъ они содержались. Возраженіе это не лишено забавности въ устахъ людей, восторгающихся буржуазнымъ обществомъ, какъ *alma mater* интеллигентныхъ работниковъ.

Нужно ли напоминать, къ какимъ средствамъ эти послѣдніе должны прибѣгать въ погонѣ за кускомъ хлѣба? Шиллеръ, напримѣръ, былъ профессоромъ исторіи. Бальзакъ едва получилъ ничтожную сумму въ нѣсколько тысячъ франковъ за десять тысячъ страницъ своей «Комедіи челоѳчества». Вагнеръ, прежде чѣмъ встрѣтился съ Людовикомъ II, принужденъ былъ написать аккомпаниментъ для двухъ корсетъ-нистоновъ въ «Фавориткѣ». Бетховенъ въ концѣ своей жизни говорилъ въ письмѣ къ своему ученику Ries'у: «эта соната написана при чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ, такъ

какъ очень печально, когда приходится писать изъ за куска хлѣба. Въ такомъ положеніи очутился я теперь.» И среди великихъ творцовъ искусства, подавляющее большинство тѣхъ, которые не знали ужасовъ нищеты, обременены своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ или какой либо другой спеціальности, нисколько не связанной съ ихъ призваніемъ, или разнаго рода субвенціямъ, или, наконецъ, щедротамъ, по обыкновенію запоздалымъ, со стороны публики.

Но въ этомъ отношеніи, т. е. съ этой тройной точки зрѣнія, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что по сравненію съ настоящимъ, все преимущества оказались бы. очевидно, на сторонѣ будущаго коллективистскаго строя.

* * *

Тѣ, которые помимо искусства занимались бы другой спеціальностью, имѣли бы въ своемъ распоряженіи наибольшій досугъ. Тѣ, которые работаютъ теперь для какаго нибудь буржуазнаго или августѣйшаго мецената, работали бы, какъ нѣкогда Рембрандты и другіе, для общественныхъ группъ, ассоціацій, общественныхъ лицъ, коллективная роскошь которыхъ затмила бы тщеславіе некультурности роскоши частныхъ лицъ. Тѣ, наконецъ, которые, презирая официальные сношенія всякаго рода, предпочли бы непосредственное обращеніе къ публикѣ, могли бы тѣмъ легче обезпечить свое существованіе работой кисти или пера, что эта публика была бы болѣе многочисленной и болѣе просвѣщенной, чѣмъ теперь.

Напрасно было бы замѣчаніе, что широкая публика явилась бы плохимъ судьей, что она блестящую посредственность предпочитала бы дѣйствительно оригинальному таланту. Развѣ опытъ не показываетъ, наоборотъ, что самое ожесточенное противодѣйствіе новымъ направленіямъ въ искусствѣ оказывалось не народными массами, а нар-

тіями привилегированныхъ. Корнель, напримѣръ, осмѣ-
янный въ салонѣ Рамбулле (Ramboulliet), ставилъ съ
успѣхомъ свои трагедіи на болѣе обширныхъ сценахъ
другихъ театровъ. Произведенія, по истинѣ великія, вы-
ражающія духъ самого народа, поняты прежде всего са-
мымъ народомъ или по крайней мѣрѣ той его частью, ко-
торая не всецѣло находится «во власти тьмы».

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ этого можно ожи-
дать въ будущемъ, когда всѣ единицы, составляющія душу
коллективнаго цѣлага, станутъ единицами сознательными:
когда всѣ члены огромной человѣческой семьи, вмѣсто
прежней разрозненности, осуществятъ на болѣе широкихъ
началахъ то нравственное объединеніе, ту плодотворную
солидарность, которая царила въ античномъ мѣрѣ.

Искусство во всѣхъ ея формахъ, какъ это не разъ
утверждалось, есть ничто иное, какъ зеркало, которое при-
тѣхъ или другихъ своихъ несовершенствахъ, всегда оста-
ется вѣрнымъ изображеніемъ общества. Оно отражаетъ
сегодня упадокъ духа буржуазіи при ея послѣднемъ изды-
ханіи, муки томленія и надежды пролетаріата, полного
жизни и выростающаго въ своихъ страданіяхъ. Оно от-
разитъ завтра безмятежность и спокойствіе счастливыхъ по-
колѣній, которыя своими собственными силами, вырвав-
шись изъ ничтожества своей нищеты, утвердятъ верхов-
ное господство труда и царство справедливости.

* * *

Викторъ Гюго, въ одной изъ лучшихъ своихъ по-
эмъ, рисуетъ намъ, какъ сатиръ появляется мрачный на
вершинѣ Олимпа, среди горделиваго собранія боговъ.
Его встрѣчаютъ сарказмами. Онъ отвѣчаетъ вызывающей
пѣсней. Тогда Меркурій даетъ ему флейту. Аполлонъ, по-
коренный, протягиваетъ ему свою лиру. Революціонная
пѣснь, какъ возрастающій ропотъ, возносится къ небе-

самъ и вмѣстѣ съ нею растетъ и самъ пѣвецъ. Необъятное пространство заливается мракомъ. Цѣлый міръ возмущается и низвергаетъ тронъ Юпитера...

Развѣ коллективизмъ не подобенъ Сатиру этой поэмы? Какъ и онъ—вначалѣ слабый, неслынный, неувѣренный. Его встрѣчаютъ презрѣніемъ при первомъ появленіи. Но вотъ онъ вырастаетъ на глазахъ у всѣхъ; выхватываетъ флейту у Меркурія, овладѣваетъ лирой Аполлона, пользуется всѣми чарами искусства, вооружается всѣми завоеваніями науки и выпрямляется во весь свой ростъ передъ тѣми, которые считали себя безсмертными. Еще немного—и, попирая ногою ихъ тронъ, въ гордомъ сознаніи своего могущества, онъ сможетъ воскликнуть, въ свою очередь:

«Прочь съ дороги! Я царь вселенной — Юпитеръ, на колѣни!»

№ 7885

Областная
библиотека им. ГОГОЛЯ
Фундаментальное
отделение

Б О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение	С
Первая часть. Концентрація капиталовъ	
I. Замкнутое семейное хозяйство—10. II. Мѣновое хозяйство—11.	
Глава I. Упадокъ личной трудовой собственности	17
1. Крестьяне-собственники—18. 2. Ремесленники—26. 3. Мелочные торговцы—32. Выводы и заключенія—37.	
Глава II. Развитие капиталистической собственности	41
1. Акціонерныя общества—41. 2. Капиталистическія монополіи—47.	
Глава III. Возраженія	58
1. Сбереженія рабочихъ—61. 2. Демократизація капиталовъ—62. 3. Численный ростъ мелкихъ предпріятій—66. 4. Выводы и заключенія—71.	
Вторая часть. Обобществленіе средствъ производства и обмѣна	75.
Глава I. Три элемента прибыли	78.
1. Плата за рискъ—79. 2. Плата за воздержаніе—82. 3. Плата за управленіе—84. 4. Прибавочная стоимость и прибыль—89.	
Глава II.	92.
1. Прибыль въ общественныхъ предпріятіяхъ—94. 2. Положеніе служащихъ—95. 3. Закупка сырья—98. 4. Стоимость продуктовъ и услугъ—100. 5. Качество продуктовъ—104. 6. Интересы будущихъ поколѣній—107. 7. Заключенія и выводы—109.	
Глава III. Управленіе вещами	111.
1. Завоеваніе пролетаріатомъ общественной власти—112. 2. Государство-правительство и государство-промышленникъ—114. 3. Децентрализація общественныхъ предпріятій—119. 4. Государство будущаго—122.	
Глава IV. Формулы распределенія	124.
1. Право на полный продуктъ труда—128. 2. Право на существованіе—132. 3. Выводы и заключенія—134.	
Глава V. Средства осуществленія	139.
1. Экспроприація безъ вознагражденія—140. Экспроприація съ вознагражденіемъ—143. 3. Экспроприація съ пожизненной пенсіей—145. 4. Выводы и заключенія—159.	
Глава VI. Возраженія	162.
1. Коллективизмъ и личная инициатива—164. 2. Коллективизмъ и Свобода—172. Коллективизмъ и искусство—182.	

Цѣна 50 коп.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія :

Карлъ Каутскій. Экономическое ученіе К. Маркса. Ц. 75 к.

Клара Цеткинъ. Женщина и ея экономическое положеніе.

Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 10 к.

Карлъ Марксъ. Паекный трудъ и капиталъ. Ц. 10 к.

Фридь. Энгельсъ. Къ критикѣ политической экономіи. Ц. 10 к.

Гви де-Монассанъ. Бродяга. Ц. 2 к.

Марсель Прево. Статуя. Ц. 2 к.

Выписывающіе изъ главнаго склада, Одесса, Мастерская, 41,
за пересылку не платятъ.